

ЗЕМЛЯ ЖДЕТ • ПЯТЬ ВСТРЕЧ •

Впервые на русском языке — РАССКАЗ МАРКА ТВЕНА •

СЧАСТЬЯ ТЕБЕ, НАРОДНАЯ РУМЫНИЯ!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 25 (1826)

17 ИЮНЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Площадь Республики в Бухаресте.

Фото Ю. Кривоносова.

Советские руководители и представители братских стран на выставке изделий легкой промышленности СССР знакомятся с новыми моделями одежды

Фото А. Ляпина.

ДЕВИЗ: БРАТСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ТРИ ИНТЕРВЬЮ ОДНОГО ДНЯ

С огромным вниманием и гордостью вчитывались трудящиеся великого социалистического содружества в текст Коммюнике о Совещании представителей коммунистических и рабочих партий стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи. За каждой строкой этого документа — грандиозные свершения народов, строящих новое общество, волнующие, радостные перспективы.

Ключ к успехам мировой социалистической системы, «секрет» этих успехов — братское сотрудничество, взаимная помощь и поддержка. «Участники Совещания единодушно отметили, что экономическое и научно-техническое сотрудничество стран — участниц Совета Экономической Взаимопомощи значительно укрепилось и расширилось»,— говорится в Коммюнике.

Жизнь подтверждает истинность этих слов.

Мы предлагаем вашему вниманию три телефонных интервью, полученных корреспондентом «Огонька» Г. Гурковым. Три интервью одного дня.

* * *

В польском городе Познани открылась традиционная международная ярмарка. В этом году в ней принимают участие 59 стран. Московская телефонистка соединила нас с советским павильоном.

— Алло, Познань! «Огонек» вызывает директора павильона товарища Иванова.

— У телефона.

— Николай Семенович, расскажите, пожалуйста, что Советский Союз показывает в Познани.

— Общее мнение посетителей ярмарки таково: павильон Советского Союза — лучший. Среди четырех тысяч экспонатов, которые мы демонстрируем в этом году, станки и машины, аппаратура для исследований в области ядерной физики, модели атомного ледокола «Ленин» и самого могучего из семьи турбореактивных лайнеров — «ТУ-114». Представлены также многочисленные изделия легкой промышленности.

— Какие из экспонатов вызывают наибольший интерес?

— Трудный вопрос. Посетителей много во всех залах. Но, пожалуй, не будет ошибкой сказать, что особенно многолюдно в разделе атомной энергии. И еще — возле новых моделей станков.

— Каковы перспективы торговых контрактов с представленными на ярмарке социалистическими странами?

— Очень хорошие. Внешнеторговые организации братских социалистических государств уже обсуждают с нашими представителями вопрос о закупке многих видов станков, сельскохозяйственных машин и другой продукции.

* * *

Следующий звонок — в посольство Румынской Народной Республики в Москве. К аппарату подошел торговый советник товарищ Николае Пичоруш.

— Товарищ Пичоруш, есть ли сейчас в Советском Союзе румынские специалисты, приехавшие в нашу страну по программе научно-технического сотрудничества?

— О, очень много! В Москве сегодня находятся, например, группа инженеров с металлургического комбината в Решице, специалисты из института по проектированию объектов энергетики во главе с директором института Октавианом Гроза. Между прочим, он старый «москвич» — выпускник Московского энергетического института. Есть и другие делегации — химики, нефтяники, энергетики, металлурги. Советский Союз оказывает нам большую и исключительно важную помощь, предоставляя техническую документацию, используемую при строительстве промышленных объектов первостепенного значения.

— Что бы вы могли сказать о взаимных поставках товаров?

— Они постоянно расширяются. И я хотел бы отметить, что советские предприятия, на которых размещены заказы для Румынии, выполняют свои обязательства четко и ритмично. Передо мной лежат сообщения, что сегодня из украинского города Жданова в Румынию отправлена большая партия стальной ленты, из Ленинграда — оборудование для доменной печи в Хунедоаре. А вот телеграмма из Румынии: в Галаце начал швартовые испытания тридцать восьмой по счету озерно-речной теплоход, построенный для Советского Союза. Хорошо зарекомендовали себя на советских нефтепромыслах буровые установки, выпущенные заводом имени 1 Мая в Плоешти. Я хотел бы сказать, что Румынская Народная Республика большими победами в развитии экономики в значительной степени обязана братской помощи и поддержке Советского Союза. Мы постараемся не остаться в долгу. Укрепляя братское сотрудничество и взаимопомощь, страны социалистического лагеря, как отметило Московское Совещание, быстрее одержат решающую победу в экономическом соревновании с капитализмом.

* * *

На проводе София. Наш собеседник — начальник отдела Министерства внешней торговли Болгарской Народной Республики товарищ Димитр Дянков.

— Товарищ Дянков, просим вас рассказать читателям «Огонька» о товарообмене между Болгарией и СССР в нынешнем году.

— Ну, быть может, для начала я приведу несколько цифр. В 1962 году товарооборот между нашими странами возрастет на 11 процентов по сравнению с прошлым годом и превысит 690 миллионов рублей. На долю Советского Союза приходится 52 процента внешней торговли Болгарии. Это, так сказать, количественная сторона дела. А что касается конкретного содержания этих цифр, то я хотел бы подчеркнуть исключительную роль Советского Союза в индустриализации нашей страны. Мы получаем из СССР комплектное оборудование и техническую документацию для строительства металлургического комбината в Кремиковцах, теплоэлектростанции Марица-Восток, азотнотукового завода в Старой Загоре, нефтеперерабатывающего завода в Бургасе и других важных для нашего народного хозяйства предприятий. Болгария получает из СССР машины и оборудование для многих отраслей промышленности, тракторы, комбайны, автомобили, черные и цветные металлы, хлопок, уголь... Номенклатура советских поставок чрезвычайно широка.

— А что характерно для болгарского экспорта в СССР?

— Он расширяется из года в год и по объему и по спискам товаров. Мы поставляем в этом году в СССР сельскохозяйственные машины и электродвигатели, трансформаторы и насосы, морские и речные суда. Советский Союз — основной покупатель продукции нашего сельского хозяйства. Сейчас уже начаты поставки свежих фруктов и овощей. Каждый день в Москву и Ленинград вылетает восемь—десять самолетов «ТУ-104» и «ИЛ-18» со свежей клубникой. Скоро и в советские дунайские порты Измаил, Рени придут баржи с помидорами, абрикосами нового урожая.

ПОДОБНЫЕ ОГНЮ

В. М. КУЧЕРОВ
Председатель Совета Министров Якутской АССР

Якутской автономной республике исполнилось 40 лет. Накануне юбилейных празднеств наш корреспондент обратился к Председателю Совета Министров республики с просьбой рассказать об этом далеком и суровом крае нашей Родины.

Рассказывать о том, чем была Якутия до Великой Октябрьской революции, едва ли стоит. Нельзя сказать, чтобы в старой России ничего вообще не знали о наших краях. Знали. Но известность была очень печальная — тюрьма без решеток. На первых картах Сибири на территории Якутии обычно обозначали одни остроги. Внушительный кусок планеты, заснеженный, продутый из конца в конец холодными ветрами, бедная земля, замороженная иногда на сотни метров вглубь,— это Якутия. Трудно перечислить, сколько государств она превосходит по территории. Одно только Приленское территориальное колхозно-совхозное управление протянулось почти на 1 500 километров, а управлений таких шесть.

Раньше Якутию не мерили на километры. Расстояние от одного острога до другого считалось по времени, которое затрачивали путешественники. И единицами измерения были недели, а порой и месяцы. Такой была Якутия.

Если сейчас дать короткое определение нашей республики, то, пожалуй, лучше всего подойдет такое: край разбуженных богатств. Речь идет о богатствах в очень широком смысле слова. Не золото и даже не алмазы, а народ наш — вот самое большое разбуженное богатство, от которого зависят все остальные сокровища.

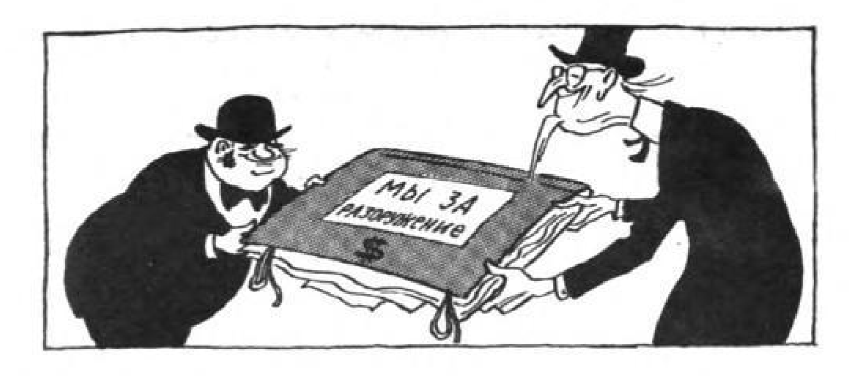
Не так давно считали, что в нашей республике находится полюс холода. Теперь отыскали еще более холодные места — в Антарктиде. Правда, от этого теплее у нас не стало. Но в понятия о тепле и холоде люди наши внесли значительные поправки. Прежде всего это сделали наши колхозники и работники совхозов. Судите сами: по сравнению с дореволюционным периодом почти в три раза увеличились посевные площади. Выращивают у нас картофель, горох, подсолнечник, сахарную свеклу, кукурузу.

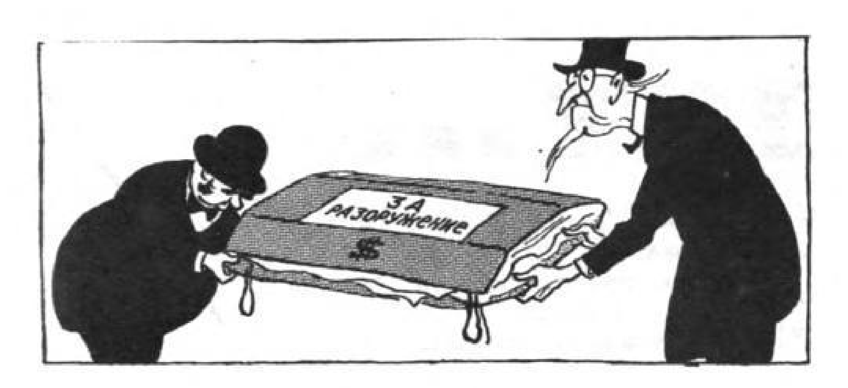
Конечно, королевой полей кукурузу у нас не назовешь. Своего царственного величия она не показывает в Якутии, но служит с остальными своими собратьями животноводству неплохо. Иначе бы не отправились в столь дальнее путешествие — из Москвы в республику снегов и морозов — золотые звездочки Героев Социалистического Труда, чтобы засверкать на платьях доярок Варвары Трофимовой и Елизаветы Бурцевой, надаивающих от каждой коровы более 3 тысяч килограммов молока.

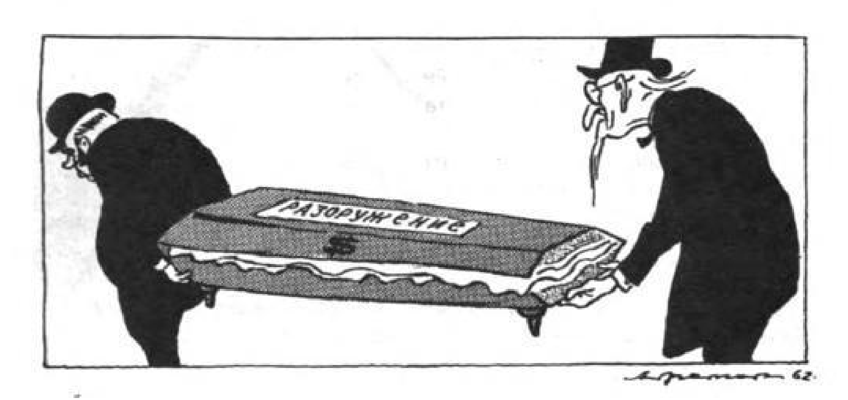
Так якутское золото, побывав в столице, возвращается на родину. Подобных «путешествий» было уже много. Золотые звездочки нашли дорогу и в Сангар — к горняку Леонтию Горбунову, и в Мирный — к слесарю Михаилу Орлову, и в другие места обширного края. Такие «перевозки» никак уж не назовешь нерациональными и нерентабельными!

Да, золотыми россыпями богаты не только реки и недра Якутии, но и души покорителей своенравной здешней природы.

Впрочем, не только покорителей, но и больших друзей природы. Нелегок труд оленеводов: кочуют они по тундре, охраняют многочисленные стада. Лет десять назад были введены специальные «соболиные» рейсы самолетов. Зверюшек сотнями переселяли в более удобные для них

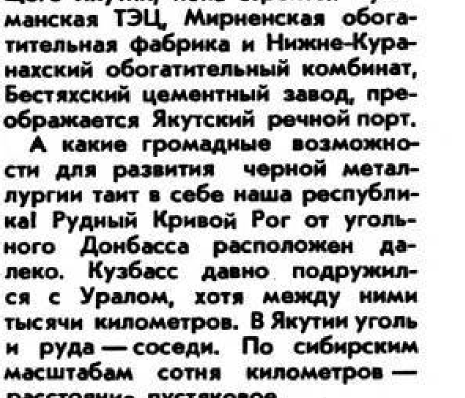

Как выглядят западные предложения в области разоружения.

Рисунок **М. Абрамова.**

ДАВНЯЯ ФОТОГРАФИЯ

К 80-летию со дня рождения Г. М. Димитрова

Давняя фотография: товарищ Димитров среди рабочих московской фабрики «Семеновская мануфактура». Этот снимок в редакцию «Огонька» прислал старый большевик Алексей Петрович Шигаев (на фотографии отмечен крестиком).

Мы попросили его рассказать о встрече с видным деятелем международного рабочего движения, руководителем болгарских коммунистов Георгием Димитровым.

— Это было летом 1924 года,— говорит Алексей Петрович.— Тогда, после смерти Владимира Ильича Ленина, сотни коммунистов переходили с ответственной работы в органах Советской власти на производство. Это делалось для того, чтобы быстрее восстановить промышленность, а также чтобы помочь партийным организациям разгромить троцкистов, которые демагогическими лозунгами старались привлечь рабочих на свою сторону.

Я тоже перешел из аппарата Совета Народных Комиссаров СССР на текстильную фабрику «Семеновская мануфактура». И вот однажды в солнечный июньский день к нам на фабрику приехала делегация рабочих балканских стран. Возглавлял ее Георгий Димитров.

С тех пор прошло без малого сорок лет. Но я хорошо помню Георгия Димитрова таким, каков он был тогда. Сильный, молодой, с живыми черными глазами и какой-то очень доброй, обаятельной улыбкой. Помню, как он выступал на митинге с импровизированной трибуны, над которой алел написанный нами лозунг: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».

Димитров говорил о том, что троцкизм — злейший враг мирового рабочего движения, о многочисленных друзьях Советского Союза в балканских странах, о всепобеждающей силе пролетарского интернационализма. Навсегда остались в памяти слова Георгия Димитрова о том, как мучительно переживает пролетариат всего мира безвременную кончину Владимира Ильича Ленина.

После митинга Димитров беседовал с рабочими, рассказывал о своей родине, которую страстно любил и которую должен был временно покинуть после сентябрьского антифашистского вооруженного восстания 1923 года,— оно было подавлено правительственными войсками.

Около двух часов пробыл Георгий Димитров на нашей фабрике, а перед отъездом сфотографировался с рабочими. Вот эту фотографию я вам и прислал.

А. НИКОЛАЕВ

места. На своих коротеньких ножках они бы не преодолели таких расстояний. А теперь из-за потомков тех воздушных путешественников вспыхивают настоящие баталии на международных пушных аукционах. Якутия дает 23,4 процента общесоюзной добычи пушнины.

Говорят, что чем труднее живут люди, тем они добрее и мужественнее. Наверно, это так и есть. Во всяком случае, в Якутии это ощущается очень остро. Можно подумать, что природа здесь специально запрятала свои самые драгоценные клады туда, где взять их труднее. Словно решила испытать людскую силу и мужество. Назвать, какие сокровища найдены в якутской земле, нелегко. Легче сказать, какие еще не найдены. Гораздо проще взять таблицу Менделеева и некоторые клеточки... Нет, не зачеркивать, а поставить рядом с ними знаки вопросов, потому что некоторые из этих знаков наши геологи в скором времени зачеркнут. Во всяком случае, они в этом уверены.

Н. С. Хрущев на XXII съезде нашей партии сказал, что эмблемой Советского Союза стал строительный кран. Эти слова относятся и к Якутии, будущее которой громадно и сказочно.

Собственно говоря, сказочно и настоящее. Сказочное настоящее планомерно готовит еще более сказочное будущее. В крае, где меньше полувека назад количество церквей почти вдвое превосходило количество школ и где, по выражению одного якутского писателя, слепых было больше, чем грамотных, сейчас учится каждый пятый. На 10 тысяч населения приходится 20 врачей и 42 студента — этому многие развитые капиталистические страны могут только завидовать.

Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР развернул большую исследовательскую работу. В Якутском государственном университете учится 2 700 студентов.

Аплодисменты, которыми встретили москвичи выступление в Кремле Таттинского народного театра, и диплом, который самодеятельные артисты привезли из Москвы, говорят о многом.

Якутия готовится к еще более громадному прыжку в развитии экономики и культуры. Сейчас мы говорим пока о форпостах будущего, о предвестниках гигантских изменений в делах и быту громадного холодного края.

Много лет назад геологи нашли в Якутии пиропы. Это минерал красивого темно-красного цвета. Пироп произошел от сходного по звучанию греческого слова, которое означает «подобный огню». Тогда геологи решили, что где-то рядом должны быть алмазы. И их нашли, много алмазов!

Трудовой энтузиазм — спутник великих открытий. Он тоже подобен огню, согревающему человека в самые лютые морозы. Но запасов этого огня в Якутии больше, чем запас пиропов.

Несет по якутской земле свои воды Лена — могучая сибирская красавица. Принимает в себя притоки и мчит от Байкала до Ледовитого океана. Богатства ее неисчерпаемы. Уже подсчитано, что можно на ней построить каскад электростанций, и некоторые из них превзойдут по мощности знаменитые сибирские гиганты. И как превзойдут? В три-четыре раза! Все это — дело грядущего, а пока растет Вилюйская ГЭС — первый разведчик энергетического будущего Якутии, пока строится Чульманская ТЭЦ, Мирненская обогатительная фабрика и Нижне-Куранахский обогатительный комбинат, Бестяхский цементный завод, преображается Якутский речной порт.

А какие громадные возможности для развития черной металлургии таит в себе наша республика! Рудный Кривой Рог от угольного Донбасса расположен далеко. Кузбасс давно подружился с Уралом, хотя между ними тысячи километров. В Якутии уголь и руда — соседи. По сибирским масштабам сотня километров — расстояние пустяковое.

Республике исполнилось сорок лет. По существу, именно сорок лет назад только и началась подлинная история этого края, история больших человеческих дел. История расцвета некогда дикой, заброшенной земли.

Суровая сибирская природа постепенно сдает свои позиции, отступает перед напором одержимых людей разных национальностей, живущих здесь с рождения или приехавших из разных краев страны. Их энтузиазм подобен огню, их дружба крепче алмазов.

«Серьезного внимания заслуживает вопрос о производстве минеральных удобрений».
Н. С. ХРУЩЕВ

Один только Воскресенский химический комбинат дает столько сверхплановых удобрений, что их хватит на прибавку урожая в 7,8 миллиона пудов зерна.

Химические предприятия страны за четыре месяца с начала 1962 года уже дали земле 180 тысяч тонн сверхплановых удобрений.

Земля ждет...

ИНТЕРЕСНЫЙ и сложный путь проходят удобрения, прежде чем их примет в свои объятия «мать сыра-земля». Условной схемой

Цех фосмуки — первый шаг комбината на его славном пути. Первые тонны удобрений он дал более тридцати лет назад. С тех

ный ремонт, раньше срока. 11 мая начала крутиться седьмая мельница, хотя по плану ей полагалось это сделать только 28 мая. Оборудование работает «без

М. АНГАРСКАЯ

Фото И. Тункеля.

Как только мы вышли из вагона электрички, доставившей нас в город химиков — Воскресенск, мы купили в киоске районную газету «Коммунист». Нам повезло! Газета подробно сообщала о делах химкомбината, куда мы торопились по заданию редакции.

Хотелось скорей познакомиться с воскресенскими химиками. Ведь это они всколыхнули всю промышленность страны, призвав выполнить заказы сельского хозяйства досрочно и отлично.

Земля ждет. И зачинатели славного почина обязались дать земле 50 тысяч тонн добавочной пищи.

О том, как выполняется обещание, сообщала газета «Коммунист». Как выяснилось, газета и химкомбинат родились одновременно тридцать лет назад. И с тех пор «Коммунист» из номера в номер рассказывает о жизни своего прославленного ровесника. Лучшего путеводителя нам и не сыскать. Итак, решено: по следам газетных строк!

На второй полосе читаем:

«Рабкоровский пост химкомбината сообщает:

...Хорошую инициативу проявила наша смена коммунистического труда из суперфосфатного цеха...»

КОММУНИСТ
Орган Воскресенского ГК Коммунистической партии Советского Союза и городского Совета депутатов трудящихся Московской области
Воскресенск, 20 мая 1962 года

...Поэтому прежде всего — в суперфосфатный. Подоспели вовремя. Как раз заступала смена инициатора почина — Альберта Головенкова.

Ровно в пятнадцать часов пятьдесят минут началась «пятиминутка». Альберт Головенков — стройный, высокий парень — говорил коротко, деловито—на все разговоры пять минут. Он сообщил обо всем, что произошло в цехе за день, отдал распоряжения, сделал замечания. По всему видно, что молодой специалист научился понимать не только химические процессы, но и человеческие характеры, а это подчас бывает труднее, чем овладеть тайнами науки.

«Пятиминутка» закончена. Все на рабочих местах. Приготовление суперфосфата началось.

Мы попросили А. Головенкова рассказать, как зародился почин.

— Все началось с мартовского Пленума ЦК КПСС. Мы внимательно перечитывали доклад Никиты Сергеевича, выступления участников Пленума, особенно те места, где говорится о химизации сельского хозяйства. А затем всей сменой начали обдумывать, советоваться, подсчитывать. Чтобы получить от земли хороший урожай, надо прежде всего досыта ее накормить. А питанием земли заведуем мы, химики. Значит, и управление урожаем начинается с химического цеха, у нас.

Но в химическом производстве особенно активно действует закон цепной реакции. Химики зависят от металлургов, машиностроителей, монтажников, железнодорожников и других специалистов, которые дают нам агрегаты, приборы, вводят новые мощности, доставляют продукцию на поля. Значит, если они подведут нас, мы, в свою очередь, подведем землю, не обеспечим ее пищей, которую она от нас ждет. Так и зародилась мысль — взять под контроль выполнение заказов сельского хозяйства. Ну, а потом, надо честно сознаться, пришлось крепко поломать головы, извели немало бумаги на всевозможные схемы, подсчеты, прежде чем остановились на цифре «50 тысяч». Дали нашему главному экономисту проверить и, когда все точно сошлось, единогласно решили, что можем справиться с поставленной задачей — дать 50 тысяч тонн удобрений сверх плана. А тут как раз корреспондент из московской газеты приехал, ходит по цехам. Передали ему наше письмо и попросили опубликовать в газете. Он пообещал. С нетерпением ждали, а письмо все не появлялось. Вдруг седьмого апреля открываем газету — наше письмо. Все слово в слово, как написали, так и напечатали. Очень мы были довольны.

— Значит, вы теперь тон задаете! И цепная реакция начинается с вас?

— Видимо,— отшучивается Альберт.— Изо всех сил стараемся. Пока все в ажуре, идем первыми по цеху. А вообще комбинат половину обещанного уже отдал земле, вторую половину доставим ей досрочно, так что в обиде, я думаю, она не будет.

Чтобы приготовить обильную и питательную пищу полям, химикам нужно иметь достаточное количество продуктов. Как нельзя испечь хороший пирог без масла, так нельзя приготовить суперфосфат без серной кислоты.

— А в кислоте наш цех пока еще очень нуждается,— замечает Головенков.

Это мы уже знали. Прочли в газете «Коммунист»: «...Прежде всего нужна серная кислота, а в ней ограничивают». Газета бьет тревогу.

Серная кислота, выпускаемая воскресенскими химиками, самая лучшая и дешевая в стране, потому она нарасхват. Ее требуют мно-

А. Головенков.

гие предприятия. И вот есть опасность оказаться в положении того сапожника, что часто остается без сапог. Но меры уже принимаются. На комбинате возводится новая огромная печь — четвертая по счету. В таких печах при сжигании железного колчедана выделяется сернистый газ, который, пройдя многие операции, в конце концов соединяется с водой и образует серную кислоту.

Стройка четвертой печи объявлена ударной. Круглые сутки ее освещают яркие лучи «Комсомольского прожектора». И есть основание полагать, что печь войдет в строй на три месяца раньше срока. А это значит, что Головенков и его товарищи приготовят еще несколько тысяч тонн суперфосфата сверх плана. Начальник штаба «Комсомольского прожектора», веселый, красивый парень Владимир Ануров, заявляет: «Спуску никому не даем. Любая задержка тут же становится предметом обсуждения в штабе — и уж пощады не жди!»

Пока комсомольцы не получат всего необходимого, не успокоятся. Срочно выпустят «молнию», повесят броский плакат в кабинете начальника снабжения, пошлют в газету хлесткую статью и сами выедут на предприятие, которое задерживает оборудование.

...Нет слов, суперфосфат—хорошее удобрение, но потребности земли растут. Поэтому воскресенские химики стремятся обновить «меню земли», сделать его разнообразней, питательней. Тот же суперфосфат станет более концентрированным. Это значит, что поле можно насытить куда меньшим количеством суперфосфата. Сократятся, конечно, и транспортные расходы. А это ни много, ни мало — миллионы рублей экономии в год!

Химики поистине творят чудеса. Простая пыль в их руках превращается в золото. Не верите? Извольте, знакомьтесь с заведующей центральной лабораторией комбината Татьяной Григорьевной Репенковой и ее помощницей Натальей Петровной Торопцевой. Они умело использовали пыльные отходы цементного завода, который соседствует с химкомбинатом. В отходах этих — ценнейшее сырье для минеральных удобрений — калий. Присоединив этот калий к фосфору, в лаборатории разработали рецепт исключительно питательного «блюда» — фосфорно-калийного удобрения. В нем 80 процентов полезного вещества. Такой высококалорийной пищи наша земля еще не пробовала. Но опытные поля ее уже «отдегустировали» и сказали добрые слова. Скоро на комбинате войдет в строй цех фосфорно-калийных удобрений.

...Долго еще ходили мы с нашим путеводителем по старым и совсем новым цехам комбината и всюду убеждались: земля будет довольна той пищей, которую столь любовно и старательно готовят воскресенские химики.

Над полями совхоза, подшефного воскресенским химикам.

Отзовись, Тимофей!

Эпизод, о котором пойдет речь, произошел 2 августа 1942 года в районе станицы Темижбекской.

Нашему экипажу поставлена задача — доставить на самолете связи секретные пакеты в штаб окруженной группировки наших войск. В тот раз я полетел с моим хорошим другом лейтенантом Тимофеем Ткаченко.

И вот мы в воздухе. В зеркало я следил за выражением лица наблюдателя. Вдруг оно стало тревожным. Прежде чем Ткаченко успел доложить мне о причине волнения, я заметил «мессершмитты», идущие слева.

Ведущий, а за ним и ведомые разворачиваются и пикируют прямо на нас. Воздушные пираты вооружены до зубов, а у нас только пистолеты.

Мои руки и ноги на рычагах устаревшего самолета усиленно заработали. Тут же на наш «кукурузник» обрушился шквал огня из пушек и пулеметов первого атакующего «мессершмитта». За первой атакой последовала вторая, третья, четвертая...

Главное — спасти пакеты! Их ждут в штабе окруженной армии наши братья, попавшие в беду.

Снова разворачиваются вражеские истребители, снова одна атака следует за другой... В довершение всех наших бед я обнаружил, что горючее в баках на исходе.

Что предпринять? Делаю неожиданный маневр: набираю высоту, а затем резко переворачиваюсь через крыло и ухожу под атакующих. Истребители проскочили цель. Уйдя под них, я сразу же выключил мотор и пошел на посадку, так как самолет находился уже в трех-четырех метрах от земли. Только коснулись ее колесами, я крикнул:

— Тимофей! Спасай пакеты!

Через секунду он был уже на плоскости и кошкой прыгнул в сторону. Я не мог сразу последовать за ним, так как бросить рули управления до сбавления скорости — это значит оказаться в перевернутом самолете. Сели мы в метровый овес. На ходу переставил левую ногу за борт, скинул шлем с очками. Машина, оставшись без хозяина, сразу же уткнулась мотором в землю. В тот же момент я резко оттолкнулся от самолета и очутился метрах в пяти от него. В следующее мгновение — сплошной грохот, свист, огонь, дым, пыль. Самолет горел. Но стервятники начали охотиться за нами. Одна за другой следуют три атаки.

И вдруг все утихло. Ушли. Лежа в овсе, зарывшись в землю, я двинул сначала одной ногой — работает, другой — тоже цела! Осмотрел руки. Левая в крови, рана рваная.

Невдалеке проходила дорога, а вдоль нее — две полосы мелкой поросли. Там, наверное, Тимофей, думалось мне. И тут же до моего слуха долетел чуть внятный звук, едва слышный зов: «Гри-ша...» Он зовет на помощь! Я побежал на голос друга. Он лежал в неестественной позе, лицо бледное, изо рта шла кровь. Превозмогая боль, Тимофей прошептал:

— Пробит... насквозь.

Я не знал, с чего начать. Перевязать раны? Чем?

И тут я увидел: на помощь спешили люди из деревни. Кое-как остановили кровотечение, положили Тимофея на подводу. С трудом дотащились до деревни. Там нас обступили жители. Вдруг откуда-то появился врач, скомандовал:

— Раненого оставьте на воздухе! Немедленно простыню!

Через несколько минут на зеленом ковре двора была приготовлена постель. Тимофея раздели. Все увидели его тяжелые раны: три пробоины в груди, две в ноге, одна в руке и одна в боку. Всего семь пулевых и осколочных ран.

Я, признаться, растерялся. Понимал, что надо спасти друга, пакеты, но как? Возможно, уже утром здесь будут немцы.

Вскоре к нам подкатила легковая автомашина. Из нее вышел штатский. Я обратился к нему за помощью. Он прервал меня:

— Я все видел сам, и врача к вам я направил. Очень мужественно оборонялись вы. Я секретарь райкома партии. Но машину дать не могу... Сам понимаешь, как приходится мне сейчас мотаться.

Тимофей подозвал меня:

— Гриша, возьми пакеты, мой комсомольский билет, пистолет и быстрее добирайся до части сам. А ночью прилетишь за мной.

Я стал действовать. Завернул в рубаху Тимофея его комсомольский билет, оружие, а пакеты переложил в свой планшет. Секретарь райкома подвез меня до Темижбекской, а чтобы на переправе через Кубань не было задержки, дал записку. И еще он дал записку председателю колхоза, что на левой стороне реки, чтобы тот дал мне лошадь.

Уже совсем стемнело, когда я разыскал начальника переправы. Часа через полтора я уже был на левом берегу. Но меня ждала неудача: здесь уже не было ни души.

Вытащил я из планшета карту, при лунном свете определил маршрут, сверил его по компасу и махнул через огороды. Сколько бежал, не знаю. Хотелось упасть, не двигаться, спать.

Услышал пение петухов. Пошел к селу. Оно еще спало. Но одна хозяйка уже шла к корове. Она назвала село. Я понял, что бежал верным маршрутом.

Прибежал прямо на КП. Доложил начальнику штаба о случившемся. Вернул все пакеты, комсомольский билет и пистолет Тимофея. В это время зашел командир части капитан Ешков, собрались летчики.

— Покажите точно координаты, где находится лейтенант Ткаченко,— обратился ко мне командир.

Я указал. За Тимофеем вылетели старший лейтенант Андреев и полковой врач Нафталиев.

— А вы, Шупик, идите отдыхать,— сказал капитан и глянул на карту.— За ночь-то сорок километров отмахал. Вот это марафон!

Поспать мне пришлось немного: мы снова отступали. Но все же Андрееву и Нафталиеву с большим риском для жизни удалось вывезти Тимофея.

Больше я ничего о моем дорогом товарище не знаю. Но твердо уверен, что он выжил. Всегда я думал и теперь думаю:

«Где ты, Тимофей, отзовись!»

Г. ШУПИК,
Герой Советского Союза.

Жена расстрелянного услышала страшное известие.

КРОВЬ НА

В Италии снова пролилась кровь рабочих. Длинная, трагическая цепь убийств трудящихся еще не оборвана. Массовые расстрелы на улицах и площадях являются еще, к сожалению, одной из характерных черт системы, к которой принадлежит и наша страна. Много говорится об «экономическом чуде» в Италии. И действительно, Италия — одна из капиталистических стран, где индекс промышленного производства поддерживается на довольно высоком уровне. Но какой ценой? Ответ на этот вопрос пришел на сей раз с площади небольшого городка Чеккано, насчитывающего пятнадцать тысяч жителей и находящегося к югу от Рима, в провинции Фрозиноне. Здесь полицейский отряд направил автоматную очередь на мирных демонстрантов. Был убит сорокапятилетний рабочий и серьезно ранены многие участники демонстрации.

Это жестокое преступление было совершено ради защиты интересов капиталиста, нажившего миллиарды на шкуре рабочих. Вот некоторые биографические данные этого типичного хозяина сегодняшней Италии. В Чеккано, где произошло убийство, он владеет фабрикой мыла. Поначалу это была очень маленькая фабрика, но во время фашизма она быстро превратилась в довольно крупную. Ее хозяину удалось получить крупные заказы во время войны в Эфиопии, которые составили для него, как и для многих других итальянских капиталистов, источник обогащения. Чтобы продемонстрировать свою признательность Муссолини, хозяин фабрики в Чеккано подарил фашистам 500 карабинов, отправленных затем для борьбы с республиканской Испанией... Сегодня этот человек является, конечно, христианским демократом, то есть принадлежит к партии, которая правит Италией.

Его богатства непомерно возросли. Он хвастается, что зарабатывает десять миллионов лир в день, или примерно три с половиной миллиарда в год.

На его фабрике в Чеккано несколько сотен человек получают заработную плату ниже той, которая предусматривается национальным коллективным договором для данной категории рабочих. Началась забастовка за повышение заработной платы. Для хозяина фабрики речь шла о том, чтобы от ежедневной десятимиллионной прибыли выделить пятьдесят или шестьдесят тысяч лир для повышения жалованья рабочим, у которых заработная плата — единственный источник существования. Но хозяин не захотел сде-

Все население Чеккано следует за гробом убитого рабочего, который несут на плечах его товарищи.

УЛИЦАХ ЧЕККАНО

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

лать этого, и забастовка продолжалась дни и недели. Хозяин решил одолеть рабочих голодом. Однажды утром он тайком ввел на фабрику несколько десятков штрейкбрехеров, завербованных в соседних местечках, наводненных безработными. Тогда рабочие собрались около фабричных ворот, чтобы убедить штрейкбрехеров прекратить работу. Один телефонный звонок хозяина—и через некоторое время в Чеккано прибыли крупные силы полиции. Естественно, страсти разгорелись. Протесты рабочих стали более решительными, но, ободренный присутствием вооруженных частей, хозяин приказал штрейкбрехерам продолжать работу. Однако вечером, когда последние вышли с территории фабрики, их окружили бастующие рабочие. Забастовщики хотели убедить штрейкбрехеров не возвращаться завтра на работу, объясняя, что они не должны способствовать прекращению борьбы, продолжающейся в течение пяти недель. И тогда совершенно неожиданно полиция открыла огонь. Рабочие, захваченные врасплох, попытались ответить камнями и всем, что попало под руку. Но через несколько минут некоторые из них упали. Один тут же умер, кровь других, тяжело раненных, обагрила мостовую. После этого еще более часа полицейские продолжали стрелять, устроив настоящую охоту на людей.

Вот рассказ одного очевидца: «Мы побежали, но обезумевшие полицейские стреляли нам в спину. Я был вместе со своим другом Мастроджакомо. Он упал, я убежал. Мастроджакомо, прежде чем упасть, кричал: «Бежим, нас здесь убивают!» Затем, обернувшись к полицейским: «Что вы делаете? Мы не бандиты. Не стреляйте! Мы люди! Хватит! Убийцы!» Мгновение спустя он со стоном распластался на земле».

Читаешь эти строки, и кажется, что вернулись времена варварства, времена бандитских засад. Тем не менее это произошло в Италии, в ста километрах от Рима, в конце мая 1962 года.

А вот свидетельство врача маленькой больницы в Чеккано: «Я пошел проводить одного рабочего в больницу: полиция его серьезно ранила. Я оказывал ему медицинскую помощь, когда мне позвонили из моей амбулатории и сообщили, что полиция открыла по ней огонь. Я быстро закончил перевязку и пошел в амбулаторию. Там находились некоторые пациенты, а с ними другие рабочие, женщины, согнанные с площади, где неистовствовала пальба. В поисках какого-нибудь убежища они забаррикадировались в комнатах, скорчились около стен, дрожали от отчаяния и страха. Автоматная очередь прошила баррикаду у дверей амбулатории и ранила одного мальчика. Он истекал кровью. Необходимо было сделать срочное переливание крови, но у меня не было плазмы. Я снова побежал в больницу, чтобы позаботиться об этом. На мосту рабочие соорудили баррикаду, и полиция направила огонь по ней. На небольшой площади перед фабрикой раненый мальчик катался по земле, крича от боли. Я пытался объяснить продолжавшим стрелять полицейским, что я врач. Подняв мальчика на плечи, я отнес его в санитарную машину, стоявшую неподалеку. Но водитель бежал из-за стрельбы. Я продолжал кричать, чтобы не стреляли. Но они меня не слушали. Казалось, что они были заняты стрельбой по птицам. Поднимали автоматы и хладнокровно стреляли. Это было ужасно».

Вечером, когда стрельба прекратилась и несчастные люди перевязывали свои раны, хозяин фабрики заявил о своей готовности уплатить семье убитого пять миллионов лир, то есть половину своего дневного заработка. И это тоже типично для Италии 1962 года, в которой хозяин может позволить себе роскошь — заплатить пять миллионов за жизнь рабочего, убитого полицией перед решетчатыми воротами фабрики. Это предложение, естественно, было отвергнуто.

Но история на этом не кончается. Хозяин фабрики, который нашел поддержку у властей, приславших ему вооруженных полицейских, дорого заплатил за преступление, совершенное во имя его интересов. На следующий день после расстрела мэр-коммунист Чеккано с трехцветной лентой через плечо, символом его власти, пришел на фабрику и от имени рабочих конфисковал ее. Это означает, что фабрика принадлежит не хозяину, а муниципалитету Чеккано и впредь будет функционировать под руководством самих рабочих. Есть закон, предусматривающий такие действия, закон, принятый в свое время в результате борьбы всех итальянских трудящихся. Конечно, нелегко применить этот закон. Хозяин воспользуется всеми своими связями и знакомствами, чтобы добиться от государства отмены распоряжения мэра-коммуниста. Борьба будет ожесточенной, но трудящиеся Чеккано полны решимости выстоять и заставить хозяина ответить за все злоупотребления и за пролитую кровь. Это тоже типично для сегодняшней Италии.

Рим.

Держась за руки, малыши впервые обходят свой солнечный дом.

В СОЛНЕЧНОМ ДОМЕ

А. ЖУКОВА

Фото Д. Ухтомского.

Человеку исполнилось семь лет. Он стал большим и пошел в школу. Мама отдала его в интернат. В интернат идти было страшно — все-таки месяц без мамы. Он будет скучать. Но заскучать человек не успел.

Вот он стоит, раскрыв рот, и смотрит, как под руками пятиклассника крутится на токарном станке кусок дерева. Дерево хорошо пахнет — так пахло в сарае, где мама хранила дрова. Кусок дерева крутится, от него отлетает стружка, и постепенно он превращается в деревянную тарелку.

— А потом? — спрашивает новичок.

— А потом я на ней сделаю рисунок и раскрашу,— отвечает пятиклассник.

— А потом?

— А потом мы ее повесим на стену. В спальне, в столовой или здесь.

— Зачем?

— Красиво.

Малыш смотрит на уже готовую тарелку. Тарелка золотая с коричневым ободком. На ободке узоры. Красиво. Как интересно сделать такую самому! Человеку ясно: он будет работать здесь, на этом станке.

Но на другой день он попадает на занятия кружка керамики. Ребята сидят за низенькими столами и лепят вазочки для цветов — настольные и настенные. Вазочки, конечно, пустяк. Но некоторые лепят интересные вещи — сказочных карликов, мишек. Двое мишек дерутся. У них смешные толстые лапы и смешные маленькие глаза. Человек радостно смеется. Ему ясно: он непременно будет сидеть здесь и лепить мишек. Потом происходит самое интересное: мишек обливают водой и ставят в печь. В печи температура 1 000 градусов.

— Тысяча градусов?!

— Тысяча.

И вазочки тоже ставят в печь. Скоро их можно будет повесить на стену и поставить туда цветы.

— Зачем?

— Красиво.

Потом высокая девочка в алом галстуке, похожем на цветок мака, ведет новичка в комнату, где стоят огромные деревянные станки. На них натянуты нитки. Рядом лежат тоненькие, очень длинные соломинки. Девочка аккуратно кладет соломинку между нитками, нажимает педаль, и натянутые нитки меняются местами: верхние оказываются внизу, а нижние — наверху. Соломинка теперь заплетена нитками и тесно прижата к другим.

— Что это будет?

— Коврик. Видишь, какой трудный узор. Это я сама придумала.

— А зачем?

— Красиво.

Хороший станок. Большой. Он бы стоял за этим станком, как капитан. Только почему тут одни девчонки?

— А мальчики здесь есть?

— Нет. Если хочешь, ты будешь первый.

Жаль. Он, конечно, не пойдет в девчоночью компанию. А жаль! Он бы тоже на этом огромном станке сделал маме красивый коврик.

Вечером человек идет в зал на концерт. Там за столиками сидят ребята и тоненькими пластмассовыми пластинками водят по струнам больших инструментов, которые называются кокле. Человек некоторое время следит за движениями музыкантов и, наконец, зевает: очень уж долго играют. Но тут музыканты дуют в большие блестящие трубы и бьют в барабаны. Это лучше — громче и веселее. Потом поют. А потом начинается самое интересное: девочки и мальчики, почти такие же маленькие, как он, танцуют. На них нарядные костюмы: девочки в красных юбках, с большими, как блюдце для варенья, брошками на груди, мальчики в красивых рубашках. У малыша у самого начинают ходить ноги, и ему трудно усидеть на месте.

Он толкает соседа локтем и говорит:

— Я тоже хочу танцевать.

— Хорошо. Завтра запишешься в кружок,— отвечает взрослый голос. Маленький человек поднимает глаза — рядом сидит директор Карл Виллиевич Эделниек. Малыш не слышал, когда он сел рядом, и теперь напуган и старается сидеть очень тихо. Но тихо усидеть невозможно: начинается кукольный театр.

Девочка приехала к дедушке. Дедушка заснул. Он очень громко храпит, и у него ужасно смешно поднимается и опускается огромный живот. Потом девочка уходит в лес и, конечно, встречает ведьму. Ведьма страшная. И голос у нее страшный. Но все кончается хорошо. Со сцены спрыгивает высокая девочка, которая показывала новичку ткацкий станок. На руке ее — кукла-ведьма.

— Хорошо я играла ведьму?— спрашивает она.

— Это ты была ведьма?!

— Я,—смеется девочка. И вдруг говорит страшным «ведьминым» голосом: «Я тебя съем!..»

Мальчишке становится совсем весело...

А утром происходит самое главное: человек присутствует на линейке. Он потихоньку вытягивает шею и старается окинуть взглядом длинную шеренгу. Он смотрит сбоку.

Галстуки старшеклассников сливаются в сплошную алую ленту. Как красный флаг. Мальчишка не сводит глаз с галстуков. Пионеры живут настоящей жизнью. Они умеют делать абсолютно все.

— Смирно! — раздается команда.

Новичок стоит тихо, как мышка. Он будет очень хорошо себя вести, тоже научится все делать сам и, в конце концов, получит такой же красный галстук. И все будут говорить: «Смотрите, вот идет пионер!..»

Когда мы приезжаем в интернат, мы так же, как этот семилетний мальчишка, ходим по пионерской республике, так же все рассматриваем и изумляемся. Но мы здесь гости, а он уже стал хозяином и гордо показывает нам свой дом.

Интернат этот находится в Латвии, в маленьком городе Кандаве. Город очень стар. Узенькие улицы. Острый шпиль церкви. Дома с высокими фронтонами. Заборы, сложенные из огромных камней, похожи на обломки гигантской мозаики; камни голубые, розовые, серые. Город Кандава стоит на холме. Далеко видны бескрайние поля, еловые леса, деревни, зеркало реки Абавы — живописные виды «латышской Швейцарии».

В центре Кандавы — интернат. Интернат молод — ему меньше четырех лет. Интернат еще строится. Год назад воздвигнут огромный четырехэтажный дом. Я вхожу в дом и вижу удивительную комнату: одна стена у нее сиреневая, вторая — розовая, остальные — голубая и желтая. На улице хмуро, но комната кажется солнечной. В открытые двери я вижу анфилады ярких комнат с разноцветными стенами.

— Какой солнечный дом!

На первом этаже столовая; здесь стены полосатые, как латышская юбка. Ребята с гордостью говорят: «Во всем доме нет двух одинаковых комнат». Стены похожи на куски огромной окаменевшей радуги — бирюзовые, светло-желтые, оранжевые, зеленые, голубые. Очень веселый дом!

Потом я перехожу в спальни. Около кроватей, на тумбочках, лежат салфетки с национальным узором — их соткали девочки в ткацком кружке. На салфетках стоят маленькие глиняные вазочки — их слепили ребята в керамической мастерской. На стенах изящные полочки, висячие вазочки, деревянные тарелки. Все сделано руками детей.

Я не спрашиваю, как маленький семилетний человек, про вазочки, салфетки, цветы: «Зачем?» Я вижу сама: красиво. Очень красиво! Здесь везде неуловимо присутствует искусство бесспорное, «чуть-чуть» настоящей красоты. Я завидую этим детям. Они бесконечно богаты. В их души уже заложена пусть еще маленькая способность к созданию прекрасного и его восприятию, и она будет терпеливо взращиваться.

— Вот как делаются глиняные мишки! — говорит шестиклассница Майга Знемеле маленькому Алексу Полякову.

Хорошо бы все уроки были такими — ловить неожиданно летящий тебе в руки мяч!

В то время как в доме звучит музыка, директор интерната готовит доклад «О всестороннем развитии интересов и способностей учащихся». Для Карла Виллиевича Эделниека это не пустые слова.

Вечереет. Я вхожу в зал. Он кажется пустым. Но откуда-то звучит протяжная, какая-то «звездная» музыка. Это восьмиклассник Гирт Шоп играет на электропианино. Мальчик не видит меня. Я смутно на затемненной сцене вижу склоненное лицо, красный галстук и мальчишеские руки, из-под которых льется еще непривычная для нашего слуха музыка. Потом мне говорят, что электропианино и электрогитару в прошлом году сделали сами ребята в электротехническом кружке.

По узкой лестнице я поднимаюсь в радиорубку. В открытую дверь виден черноволосый и черноглазый мальчик Валерий Битан. Он посылает в эфир слова: «Работает город Кандава для всех. Кто отвечает на мой вызов? Я — Кандава...» Я стараюсь не мешать

мальчишке: ведь он разговаривает с миром,— и тихо стою в дикторской. Передо мной на стене карта. Флажками отмечены страны, с которыми интернат поддерживает радиосвязь: Англия, Франция, Испания, США, Конго... Рядом с картой — настенный кувшинчик, покрытый яркой поливой с веткой нежной зелени.

В техническом кружке Валерий Биркентал показывает мне водный велосипед, за который он получил диплом. Я смотрю, как работает велосипед. Гляжу наверх: через всю комнату протянуты две проволоки, и на них, как огромные стрекозы с прозрачными крыльями, лежат авиамодели. Авиамодели красивы всегда. Но эти красивы особенно: на белых тоненьких крыльях наклейки из глянцевой алой, синей, голубой бумаги.

Я больше не удивляюсь ничему. Мне начинает казаться: задумай ученики интерната построить счетно-электронную машину — они и ее построят. Ведь сделали они своими руками электропианино и электрогитару, кокле и свирели, карманный радиоприемник и водный велосипед, национальные костюмы и национальную обувь для выступлений; ведь питаются они целый год своей картошкой, луком, салатом; ведь успели посадить 500 яблонь и 200 кустов роз! Можно подумать, их тысяча человек, а их всего 310, в прошлом году было 210, в позапрошлом — 180...

Старшую пионервожатую Аустру Залцмане ребята полюбили, как сестру: от девочек ей нет отбоя!

Многие страны слышат позывные радиста-коротковолновика 2-го класса школьника Валерия Битана.

Первоклассник Илмар Радунаев чувствует себя в кружке «Умелые руки», как сказочный волшебник.

— Как вы это все успеваете?— спрашиваю я высокую темноволосую девочку, ту самую, что в кукольном театре в сказке «Честное слово» играет ведьму. Зовут ее Исайс Милие.

— А все это делать очень интересно,— отвечает девочка.— Ведь мы все делаем сами.

Да, воспитатели так умно и тактично уходят на второй план, что в интернате создается иллюзия полного самоуправления.

— Ты будешь спортсменкой? — спрашиваю я Исайс. Ребята мне сказали, что она быстрее всех в интернате бегает и дальше всех толкает ядро.

— Нет.

— Актрисой? — Исайс участвует в драмкружке и в ансамбле народных инструментов.

— Нет. Я буду врачом.— И Исайс показывает мне значок «Отличник санитарной службы».

Я смотрю на эту девочку — сильную, подтянутую, ловкую, физкультурницу, актрису, музыкантшу — и думаю, что самое красивое в интернате не цветной дом, не народные танцы, не классическая музыка, а такие вот дети.

Отъезжая от интерната, я оглядываюсь назад. И вижу огромное небо, солнечный дом и стоящего у подъезда семилетнего человека — маленького наследника большого искусства.

Последние приготовления.

«Потусторонние» волнения.

Тройка!

Все...

ПТЕНЦЫ ПОКИДАЮТ ГНЕЗДО

В классе воцаряется тишина.

— Кто хочет отвечать первым? — спрашивает Нина Петровна Корнилова.

Заслуженная учительница волнуется, хотя провожает в большую жизнь далеко не первый выпуск...

В 11-м классе средней школы № 698 Ленинградского района Москвы идут экзамены на аттестат зрелости.

В перерыве директор школы Александра Яковлевна Селянкина рассказывает нам о выпускниках. Все они получили в школе хорошие профессии. Мальчики — слесаря-сборщика, токаря, фрезеровщика. Девочки научились работать на счетных машинах.

— Наши птенцы оперились, покидают гнездо,— говорит Александра Яковлевна.— В жизнь они вступают подготовленными. Ребята проходили практику на заводе. Труд в рабочем коллективе приучил их серьезно смотреть на вещи, помог выбрать специальность по душе. И мы уверены, что наши выпускники, которые свяжут свою судьбу с заводом, будут отличными работниками.

А. ГОЛИКОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

— Ой, как здорово! У Наташи Губановой экзамен сдан и день рождения сегодня.

Он выступил, когда работа Международной конференции уже подходила к концу. Решался вопрос, волнующий все человечество.

Как изолировать радиоактивные отходы, полученные на атомных электростанциях, в реакторах ледоколов и подводных лодок?

Проекты обсуждались самые разнообразные. Одни ученые советовали потопить отходы в глубинах океана, другие — выдержать несколько лет в специальных баках, чтобы уменьшилась радиоактивность, а потом слить в море, третьи — захоронить в безлюдной пустыне. Наконец, четвертые предлагали заключить их в специальный контейнер и при помощи космической ракеты забросить куда-нибудь в необъятные дали солнечной системы.

Но все эти предложения до конца не удовлетворяли ученых. Проекты были либо не совсем безопасны для человечества, либо слишком дороги.

И тогда поднялся молодой исследователь и сказал:

— Не надо топить радиоактивные отходы в глубинах океана, не надо сливать в море, не надо тратить огромные средства, чтобы вывести контейнер, наполненный ими, в мировое пространство. В отходах атомных станций заключено колоссальное количество еще не израсходованной энергии. Умело используя ее, мы можем получить тысячи тонн искусственного каучука, волокна, ценнейших пластмасс. Мы в десятки тысяч раз ускорим производство синтетических материалов, из которых делают одежду, обувь, дома, автомобили, приборы и станки. Мы несказанно улучшим свойства полимеров, сделаем их более стойкими к действию воды, огня, более выносливыми и прочными. Используя излучение, мы, словно по заказу, получим совсем новые, еще неизвестные вещества с заранее заданными свойствами.

ФАНТАСТИКА! НЕ СОВСЕМ. ИХ ПОДРУЖИЛ МИРНЫЙ АТОМ. НЕВИДИМЫЕ ХИМИКИ.

— ...Было ли такое выступление ученого? — спросит читатель.

Нет, не было.

И все-таки оно не фантастика. Действительно, есть ученые, ставящие перед собой смелую, почти фантастическую задачу наиболее полного использования энергии распада атомного ядра.

Но это пока мечта. А вот то, как при помощи ядерных излучений ускорять химические процессы, изменять свойства материалов и создавать новые вещества, уже не мечта, а реальность.

С некоторыми из ученых, работающих в этой интереснейшей области, я познакомилась в лаборатории радиационной химии Московского государственного университета. Они разными путями пришли работать в лабораторию: одни — на практику с университетской скамьи, другие — с заводов и из научных институтов, третьи — по командировкам из многих стран. Но всех их объединяет одно: «горячее» сердце мирного атома, стремление использовать его разрушительную силу для созидания, для человеческого счастья.

Вот к глазку иллюминатора радиационной установки приник смуглый, темноволосый юноша. Там, в камере, за толстой дверью, находится химическое соединение, на которое обрушено излучение колоссальной силы. Как изменятся после облучения свойства вещества? Вот вопрос, волнующий исследователя.

Бхаттачария вырос и окончил университет у себя на родине, в далекой жаркой Индии. В Москву приехал на практику и нашел в лаборатории не только опытных учителей, но и верных друзей, молодых ученых, так же, как и он, влюбленных в свою работу.

А в другом кабинете старательно записывает в тетрадку химические формулы аспирантка Московского университета Хуан Гуань-линь.

— Дома, в Китае, я окончила университет и работала преподавателем,— рассказывает она.— У нас еще мало специалистов в области радиационной химии. Вот меня и послали учиться в Москву к профессору Наталии Алексеевне Бах.

Лаборатория радиационной химии, которую возглавляет Наталия Алексеевна, очень молода. Ведь только сравнительно недавно ученые начали исследовать, как действует радиоактивное излучение на различные вещества. И тут их ожидали самые неожиданные сюрпризы.

...В Ташкенте, в Институте химии полимеров Узбекской Академии наук, я присутствовала при интересном опыте, который проводил молодой исследователь Убайдулла Азизов. Он работал над созданием материала, объединяющего в себе лучшие качества хлопка и шерсти. Для этого Убайдулла поступал как опытный селекционер-мичуринец: к молекуле целлюлозы он прививал молекулу искусственной шерсти, подобно тому как садовник прививает к яблоне-дичку чудесный сорт нежных, сочных яблок. Союзником ученого в этом сложном эксперименте было ядерное излучение.

Результат опыта превзошел даже самые смелые ожидания.

Полученное волокно прекрасно воспринимало краску, не линяло и не выгорало, не боялось воды. Ткань из него получилась яркая, красивая, покрытая пушистыми ворсинками.

...Как обычно изготавливают шины для автомобилей? Материал запрессовывают в пресс-форму и прогревают, чтобы в нем прошел процесс вулканизации. Но резина очень плохо проводит тепло. Внешние слои быстро перегреваются, а внутренние долго остаются холодными. Поэтому верхний слой делается хрупким, ломается, и шины, полученные таким образом, довольно быстро изнашиваются.

Теперь поместим шину под излучение. Вулканизация происходит сразу во всей толще материала. Не надо нагревать изделие, не надо добавлять катализаторы для ускорения реакции, не надо, прежде чем вынуть шину из пресс-формы, ждать несколько часов, чтобы она остыла. Реакция идет теперь не часы, а минуты. И главное, полученные лучом-химиком шины прочнее, чем обычные.

...Всем знаком полимерный материал, сравнительно недавно полученный химиками, полиэтилен. Из него делают сотни самых разнообразных вещей, начиная от бутылочных пробок, посуды, дамских сумочек и кончая изоляцией для электрических проводов. Но получить его совсем не просто.

Для своего рождения полиэтилен требует прямо-таки «царской» роскоши: высокой температуры, колоссальных давлений, огромного количества энергии, сложной аппаратуры, дорогих катализаторов. Это стоит, разумеется, не дешево.

Но полиэтилен можно получить гораздо проще.

В Научно-исследовательском физико-химическом институте имени Л. Я. Карпова есть чудесная установка. В ней газ превращается в пластмассу, этилен в полиэтилен. Дело в том, что под воздействием невидимых химиков — ядерных излучений — процесс полимеризации происходит мгновенно.

Из такого полиэтилена можно получить изоляцию для электрических проводов, способную выдержать температуру в 250 градусов тепла! А электропровод с обычной оболочкой выносит нагревание лишь до ста градусов.

И еще одна сторона привлекает химиков к «горячему» сердцу атома. Дело в том, что химическая промышленность — одно из самых энергоемких производств. Достаточно сказать, что на получение тонны синтетического каучука требуется энергии в два раза больше, чем на выплавку такого же количества алюминия. Еще больше энергии расходуется на производство различных пластических масс. А в ближайшем будущем самым мощным, самым распространенным источником энергии станет распад атомного ядра.

ИЕРОГЛИФЫ ПРИРОДЫ. ОТГОЛОСКИ ГЛУБИННЫХ ПРОЦЕССОВ. ЛУЧ-АРХИТЕКТОР.

Чем же можно объяснить волшебное действие невидимых лучей?

Почему, например, полиэтилен, полученный при помощи облучения, прочнее и выдерживает более высокую температуру? Оказывается, радиоактивный луч не только удлиняет цепочки из отдельных молекул, но как бы сшивает их друг с другом в нескольких местах. Поэтому такие полимеры прочнее, и их часто называют сшитыми.

Однако еще не все изменения свойств, которые вызывает в веществах ядерное излучение, химики могут объяснить.

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но ученые, с которыми мне приходилось беседовать, утверждают, что мы живем в огромном, еще плохо разгаданном мире.

Изменение свойств — это, если можно так сказать, поверхностные отголоски глубинных процессов, происходящих в недрах вещества. Часто бывает, как показывает опыт, свойства изменяются, но то, что произошло в таинственных глубинах вещества, остается неизвестным.

Разгадкой механизма реакций,

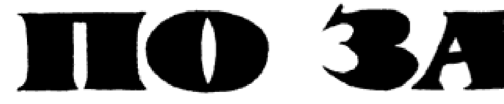
ВЕЩЕ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Судхиндра Бхаттачария приехал в лабораторию на стажировку из далекой Индии. Помогает ему в работе руководитель практики Л. А. Червонева.

происходящих в веществе под действием облучения, и занимаются исследователи в лаборатории радиационной химии Московского университета.

В новой Программе КПСС записано: «...расширится применение атомной энергии в мирных целях». Эта задача стала основной для лаборатории.

Тут ведутся самые разнообразные работы, имеющие теоретическое и практическое значение. Например, как-то при мне зашел разговор о том, что довольно сложно делать темные очки для близоруких.

— А мы их вам сделаем за несколько секунд,— пошутили студенты, проходившие практику.— Облучим — и порядок: стекла станут дымчатыми. Можете ехать на курорт!

Но темные очки — это так, шутка, а перед сотрудниками лаборатории стоят действительно сложные научные проблемы.

Чем отличается действие ядерных излучений от действия света, тепла, электрического тока? Как создать соединения, стойкие в отношении космических лучей? Каким должно быть строение веществ, не поддающихся разрушению от радиации? Вот далеко не полный перечень вопросов, которые ставят перед собой исследователи.

Над интереснейшей проблемой — радиационным синтезом — работает молодой сотрудник лаборатории Евгений Калязин. Валентину Сараеву интересует радиационная химия органических соединений; химическими превращениями, происходящими в водных растворах под воздействием излучения, занимается Ленар Бугаенко. А можно ли провести полимеризацию вещества в твердом состоянии? Над этой совсем новой проблемой радиационной химии работает сотрудник лаборатории высокомолекулярных соединений Валерий Пшежецкий.

В принципе луч-архитектор может составлять длинные цепочки молекул из атомов самых «упрямых» веществ, не поддающихся соединению ни в жидком, ни в газообразном состоянии.

Пользуясь излучением, химики научатся соединять воедино совершенно разные материалы. Например, резину с пластмассой.

Ведь в конечном итоге это значит, что мы, пользуясь ядерным излучением, сможем составлять молекулы любой архитектуры и создавать по своему желанию новые, неизвестные в природе вещества с заранее заданными свойствами.

«Конечно, нельзя думать, что сейчас, сидя за столом, можно в точности рассчитать все свойства любого вещества,— пишет академик С. С. Медведев.— Создать новое вещество гораздо труднее, чем изобрести новый станок или газовую турбину. Химический процесс сложнее физического и механического. Но все-таки мы уже можем заранее предугадать свойства некоторых новых веществ».

Перспективы, которые открывает перед химиками использование радиоактивного излучения, поистине неисчерпаемы. Взять хотя бы такую практическую задачу, как значительное увеличение производства синтетических моющих средств. Добиться этого можно разными способами. Один из них — использование ядерных излучений. Оказывается, под действием радиации продукты переработки нефти окисляются, превращаясь в жирные кислоты — основу всех моющих средств. Уже сегодня над такой технологией работают специалисты.

Радиация, по заказу создающая новые вещества, пока фантастика. Для того, чтобы она стала явью, исследователи склоняются над пробирками, до боли в глазах вглядываются в тоненькие стрелки приборов, сотни раз повторяют опыты, пытаясь проникнуть в таинственный механизм процесса реакции, пишут и опять зачеркивают химические формулы.

Если раньше ученые сражались с тайной врукопашную, силой только своего разума, то теперь все чаще на помощь им приходит современное исследовательское оружие.

Лаборатория радиационной химии МГУ отлично вооружена. В распоряжении ученых точные, прекрасно поддающиеся управлению, наиболее мощные в стране рентгеновские установки.

Действие на вещество гамма-лучей и рентгеновского излучения носит примерно одинаковый характер. Но для исследовательских и учебных целей гораздо удобнее пользоваться рентгеном. Ведь ядерное излучение нельзя включить и выключить, когда тебе захочется, а рентген можно. Но могут возразить: «Ведь лабораторные рентгеновские установки, которые сильнее лечебных в десятки тысяч раз, очень дороги, и поэтому широко применять их невыгодно».

Это правильно. Но при исследовательской работе, когда рецепты только вырабатываются, особенно важна точная, исключительно поддающаяся управлению техника. И то, что в промышленности дорого и невыгодно, в лабораторных условиях в конечном счете бывает просто необходимо.

МАШИНА ВРЕМЕНИ. В ТЫСЯЧУ РАЗ БЫСТРЕЕ. КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ.

— Как же будет выглядеть химический комбинат будущего, на котором ядерное излучение станет равноправным участником технологического процесса? — спрашиваю я старшего инженера лаборатории А. И. Фроймана.

— Ну что ж, давайте посмотрим,— отвечает он. И, улыбаясь, прибавляет: — Только для этого надо сесть в «машину времени».

Сначала для сравнения заедем на химический комбинат недалекого прошлого.

...Уже издали видны огромные трубы, из которых вырываются клубы черного дыма. Завод встречает нас запахом едких паров, огромными грудами каменного угля во дворе, корпусами с запыленными окнами.

Аппараты нагреты до высокой температуры, предохранительные клапаны по временам приподнимаются, и раздается тяжкий вздох веществ, которые, покоряясь воле человека, превращаются в нужные ему продукты... И для того, чтобы это превращение свершилось, надо затратить массу энергии, которую получают, сжигая в печах завода тонны каменного угля и нефти.

А теперь заглянем в будущее. Над комбинатом не видно ни высоких труб, ни черного дыма. Чистое, голубое небо и солнце. То время, когда топливом служило драгоценное сырье — нефть и каменный уголь, уже давно ушло в прошлое. Всю энергию для химического производства дает расщепленный атом. На большой территории комбината объединены атомная электростанция, химические заводы, исследовательские лаборатории.

Отработанные тепловыделяющие элементы из реактора атомной электростанции еще «горячими» будут автоматически переходить в установки на соседние химические заводы. Там радиоактивное излучение превратится в энергию, управляющую химическими процессами, создаст новые нужные человеку вещества.

Химическое производство будет идти в тысячу раз быстрее и в тысячу раз экономичнее...

— Идея химического комбината с комплексным производством, где полностью используется энергия, принадлежит не мне,— продолжает рассказывать А. И. Фройман.— Ее высказал замечательный советский ученый — родоначальник теплоэнергетики Глеб Максимилианович Кржижановский. Сейчас в этой же области работает его ученик — член-корреспондент Академии наук СССР З. Ф. Чуханов.

На последнем Менделеевском съезде директор Института атомной энергии имени Курчатова академик А. П. Александров высказал интереснейшую мысль о том, что в недалеком будущем окажется более выгодным строительство не энергетических атомных реакторов, а химических или химико-энергетических. Иными словами, основная масса излучения при распаде урана будет идти на нужды химического производства, а попутно выделяющееся при этом тепло — перерабатываться в электроэнергию. И сейчас в научных журналах можно все чаще встретить непривычное название «хемоядерный реактор».

Но чтобы быстрее достигнуть успеха в области радиационной химии, чтобы приблизить будущее, нужны специалисты. А их мало, очень мало. Достаточно сказать, что тепловой переработкой нефти только в нашей стране занимаются тысячи людей, а радиационным крекингом нефти, радиационной полимеризацией — лишь единицы. Ведь лаборатория радиационной химии МГУ еще недавно была единственным в стране учебным учреждением, выпускающим специалистов в области этой новой науки. Лишь в последние годы стали создавать учебные лаборатории такого же типа в вузах не только нашей страны, но и дружественных нам государств.

* * *

...Новые материалы, новые виды энергии, новые методы исследований уже завоевали прочные позиции в науке. Скоро они проникнут и в производство. И это будет еще одним шагом на пути строительства коммунизма.

Хлеб — имя существительное

Мих. АЛЕКСЕЕВ

Рисунок В. Высоцкого.

Этого худущего, долговязого парнишку с большими, оттопыренными ушами звали в нашем селе Самонькой. Уши были самой приметной частью на круглой Самонькиной голове и потому, что они непомерно большие, и потому, что вечно горели жарким пламенем от частого и не слишком ласкового прикосновения к ним отцовской руки.

Помнится, Самонька принимал ежедневную трепку как должное, с мужеством провинившегося, когда сколько ни ищи, не найдешь хотя бы самый малый довод в свое оправдание.

В самом деле, что ты можешь сказать, ежели тебя хватают в чужом саду или в огороде, хватают и ведут к папаньке?

Мой старший брат Ленька имел неосторожность состоять в дружбе с Самонькой и по этой причине часто получал от своего отца то же самое, что его приятель — от своего. Нередко экзекуции вершились в один и тот же день, даже в один и тот же час, и это вроде бы уравнивало друзей, делало наказание не столь уж чувствительным.

Все-таки, думал Самонька, не меня одного отодрали, но и Лёху. Ленька, в свою очередь, мог подумать точно так же о Самоньке, и обоим было легче. Не зря же сказано: на миру и смерть красна. Во всяком случае, через какой-нибудь час они начисто забывали о полученной трепке и, встретившись, уже планировали очередной разбойный набег на чей-нибудь сад или бахчу.

В школу Самонька и Ленька ходили лишь до рождества — на большее у них не хватало усердия. Забежит, бывало, Самонька в заранее определенный им срок к другу и торжественно объявит:

— Лёха, кончаем!

При этом выпачканная чернилами сумка с истерзанными учебниками и тетрадями летит к чертям, а плутовская рожица Самоньки сияет безмерным счастьем.

Ленька давно ждет этого часа и, разумеется, сразу же соглашается.

Неведомо как, приятели все же докарабкались до третьего класса, но дальше продвинуться уж не могли. Так и сидели третий год в этом самом третьем, пока их не поперли совсем из школы.

Потом Самонька неожиданно исчез из села. О нем все уже позабыли, когда — лет двадцать спустя — Самонька объявился вновь. Теперь это был высоченный детина годов этак тридцати пяти, в военной форме, по которой, однако, невозможно было определить, к какому роду войск причислен ее владелец.

Родных на селе у Самоньки не было: мать и отец умерли еще в тридцать третьем, а единственный дружок Ленька убит на войне, затерялась его могила где-то в Смоленских лесах.

Словом, не перед кем было Самоньке похвастаться и своей великолепной формой и городским благоприобретенным выговором, презирающим местное, волжское оканье. И — что самое главное — не перед кем погордиться своей необыкновенной должностью в самой аж столице Москве. А как ему, бедняге, хотелось похвастаться! Если признаться честно, только для этого одного и припожаловал он в родное село.

С досады дернул как следует сорокаградусной в обществе семидесятипятилетней и непьющей бабушки Настасьи, у которой остановился квартировать, и сейчас же почувствовал жгучую потребность поведать ей, кто он и что.

— Знаешь, бабушка, где я служу?

— Нет, милый. Откель же мне знать?

— В Москве, бабушка!

— В Москве? — удивилась Настасья, и Самоньке показалось, что старуха глядит на него с крайней завистью.

Он повторил с большей гордостью:

— В самой Москве, бабушка!

— И где ж ты там, сынок, кем?

Самонька глянул в одну, в другую сторону, покосился на окно, как бы опасаясь, что их подслушают, и шепотом, как величайшую тайну, доверительно сообщил:

— Важный объект, бабушка, охраняю.

— Сторожем, значит?.. Трудно, поди? Вон мой старик десятый, кажись, год колхозные амбары охраняет, сторожит, стало быть... Ни дня, ни ночи покоя нету. Придет, прозябнет весь...

Самонька нетерпеливо перебивает:

— Не сторожем, бабушка, пойми ты!... Важный объект! Понимаешь?!

— Как же, как же, голубок!.. Вот и я говорю: простонит, сердешный, с ружьишком всю ночь. А ночи-то зимние длинные-предлинные, морозы лютые, стужа... Спроворю ему самовар. Весь, как есть, выпьет... Легко ли сторожем-то быть? Понимаю, чай, не первый год на свете живу...

Самонька в отчаянии крутит головой.

— Да пойми ты, наконец, старая, не сторож я, не караульщик, а командир взвода охраны. Это тебе не амбары стеречь, а важный объект!

Бабушка Настасья продолжает, однако, свою линию:

— Я и понимаю, я и говорю: нелегко тебе, сынок. Сторож — должность беспокойная, ночная. Мой-то, вон, придет под утро домой — в бороде сосульки намерзли, отдираю ему их. Шел бы ты, говорю, старик, на пенсию — сто семнадцать трудодней полагаются пенсионеру, хватит с нас... Нет, говорит, старуха, рано мне на пенсию — людев не хватает в колхозе, как же я могу лежать на печи... Люблю, говорит, сторожить колхозное добро, особливо хлеб... Так что трудная у вас с моим стариком должность, сынок! Как же, я все понимаю!

Самонька чуть не плачет.

— Пошла ты к дьяволу, бабушка, со своим сторожем!

— А я, милый, сама так думаю: бросьте вы с моим стариком это самое...

Самонька в бешенстве: попробуй что-либо втолковать этой глупой старухе!

Вдруг его осеняет.

— Бабушка, вдов-то много, поди, в селе?

Настасья хитренько глядит на своего квартиранта, вновь усевшегося против нее за столом.

— Ты что же, сынок, ай не женатый?

— Не женатый, бабушка. Не успел. Война помешала... Так как же... есть такая, помоложе чтоб?

— Есть. Как не быть? Много их опосля войны, сынок, осталось. И детных и бездетных...

— Ну, ну!

— Ты, милый, сходил бы к Журавушке. Рада-радешенька будет.

— А она что, того?..

— Молодая и личиком сходственная. Всех, сказывают, принимает, никого не обижает.

Самонька нетерпеливо ерзает на лавке, новые ремни на нем беспокойно скрипят, уши вспыхивают, как два ночных фонаря.

— Не прогонит, говоришь?

— Нет, нет. Поди, милый. Рада, говорю, будет.

— А живет-то она где?

— Да вот сразу же за Кочками, за озером. Первый дом справа.

Самонька стремительно встает, привычным движением рук распрямляет под ремнем складки черного кителя, смотрится в зеркало, рядом со своим видит отражение радиоприемника, приткнувшегося в углу, на божнице, в добром соседстве с темными ликами святых. Не оглядываясь, спрашивает:

— Почему приемник-то молчит, бабушка?

— Корму, вишь, нет. Воскресенье старик поедет в район, купит.

— Чего купит?

— Корму.

— Питания, что ли? Батареи?

— Ну да.

Оглядев себя раз и два в зеркале, Самонька собирается уходить. У двери задерживается.

— А как же ее зовут, Журавушку вашу?

— Так и зовут — Журавушка.

— Что же, у нее имени нет?

— Как же, есть. Марфушка. Да назвал ее покойный муж Журавушкой — любил, вишь, очень,— так и осталась...

— Ну, я пошел! — с легкой от нетерпения дрожью в голосе сказал Самонька и вышел на улицу.

Вернулся перед рассветом, не включая лампы, разделся в темноте, быстро улегся на отданной ему хозяйской кровати.

Бабушка Настасья лежала на печи. Утром, проснувшись раньше гостя, она увидала на лице спящего, под правым его глазом, преогромный синяк — он жутко лиловел в предрассветных сумерках.

Старуха хихикнула, быстро спустилась на пол и загремела у печки ухватом.

Самонька приоткрыл подбитый глаз и украдкой глянул на хозяйку — к великому свое-

му конфузу, узрел в уголках сморщенных ее губ ехидную ухмылку.

«Ах ты, старая ведьма! — гневно подумал он, пряча под одеялом лицо.— Постой, я те покажу Журавушку! Я не позволю смеяться надо мной!»

Когда рассветало, вернулся старик сторож.

Самонька и Настасья завтракали. Воспылавший было жаждой отмщения, гость вел себя сейчас более чем тихо и скромно. Очевидно, он был благодарен хозяйке за то, что у нее хватило душевного такта не спрашивать у квартиранта, где тот приобрел дулю под правым глазом.

Однако Настасья не успела предупредить старика, чтоб и он поступил точно таким же образом, и роковой для Самоньки вопрос все же был ему задан:

— Кто это тебе, товарищ командир, кхе... кхе... поднес?

Георгиевский кавалер еще с времен японской войны и унтер-офицер по воинскому званию, старик изо всех сил старался соблюсти субординацию и про себя очень огорчился, что у него вырвалось это обидное для «высокого гостя» словцо «поднес». Как истинный солдат, поспешил на выручку попавшему в беду товарищу, заодно ликвидируя и свою промашку.

— Не в яму ль какую угодил, в старый погреб?.. Их с тридцатых годов вон сколько осталось... как после бомбежки. Не ровен час ввалишься... Сколько одного скота покалечено!..

— Об косяк, в темноте,— чуть внятно пробормотал Самонька.

— Оно и так бывает. Я прошлым летом тоже вот, как и ты, звезданулся... чуть было совсем глаза не лишился... А ты, товарищ командир, осторожней будь... Они, косяки эти, посчитай, у всех дверей имеются. Так что же мы... можа, выпьем маненько? А? Достань, старая, соленого огурчика. В городе, значит, в Москве? Так, так... Ну и что... много там народу?

— Много, дедушка,— живо отозвался Самонька, радуясь, что разговор перекинулся на другое, пошел в сторону от нежелательной для него темы.— Миллионов шесть будет.

— Фю-ю-ю! — удивленно свистнул старик.— И что же, все они там важный объект охраняют?

— Зачем же все! — снисходительно улыбнулся Самонька.— Кто на заводе, кто в учреждении — кто где. Все работают, все служат.

— Все, значит? Это хорошо, коли все. Ну, а ты насовсем к нам али как?

— Нет, дедушка, на побывку. Погостить. В отпуске я.

— В отпуске? А это что ж это такое — отпуск?

— Один месяц в году положено.

— Ах, вон оно что. Положено, стало быть? А мы, знать, при другом режиме живем. Нам не положено.

Самонька смущенно молчал.

Старик и тут пришел на выручку.

— Ну, ну, сейчас, знать, нельзя. Работа у нас с вами разная. Вот будет поболе машин, тогда... Не желаешь, значит, в родном селе оставаться? Плохо. А то оставайся, передам тебе свою орудью,— хозяин показал на стену, где висело его старенькое ружье,— а сам на покой. Опыт у тебя есть. Важный объект в Москве охраняешь. А мой объект — наиважнейший. Хлеб. Что могёт быть важнее хлеба? Хлеб — имя существительное! — Старик вымолвил эти слова особенно торжественно и по-ораторски воздел руку кверху.— Потому как все мы существуем, поскольку едим хлеб насущный! — От первой выпитой чарки лицо его, красное с мороза, покраснело еще больше, ликующие глазки сияли победоносно, и он повторил с хрипотцой в голосе: — Хлеб — имя существительное, а весь остальной продукт — прилагательное. Так-то, товарищ командир!

Самонька, как известно, и в школьные-то свои годы не шибко разбирался в существительных и прилагательных, тем не менее в словах старика ему почудился обидный намек. Настроение его явно шло на убыль. Не желая вступать в рискованный диспут со стариками, он нашел предлог и быстро выбежал на улицу.

Но именно тут, на улице, честолюбивым Самонькиным мечтам был нанесен окончательный удар. Не сделав и десяти шагов от дома, он увидал человека в форме артиллерийского полковника, которому пришлось отдать приветствие и сделать это на глазах любопытствующих женщин, среди которых, к немалой своей досаде, Самонька вмиг приметил Журавушку.

В течение того невеселого дня Самонька сделал еще одно поразительное открытие: оказывается, его родное село при желании могло бы насчитать добрую сотню офицеров, перед званиями которых Самонькин чин выглядел бы весьма и весьма скромно.

На третий день, наскоро попрощавшись с бабушкой Настасьей (деда дома не было: находился на охране своего «объекта»), Самонька быстрым, гвардейским шагом направился прямо на станцию. Длинные, оттопыренные уши его, поддерживающие форменную фуражку, полыхали таким жарким огнем, что от них можно было бы прикурить.

Вл. РУДИМ

ПЯТЬ ВСТРЕЧ

Я знаю человека, жизнь которого была необычной — короткой, но славной. Этот человек—Василий Чернов. В Тирасполе живет сейчас его жена А. М. Чернова; свяжитесь с нею и расскажите на страницах «Огонька» о Василии Чернове.

А. Воронин

Киев.

Начало этой истории — тридцатые годы, когда Бессарабия находилась еще под властью румынских бояр. Там, в Бессарабии, в Бендерах, рос смелый парень Вася Чернов. В 1932 году он встретил девушку Анастасию. Ей было пятнадцать, Василию девятнадцать лет. А через два года состоялась свадьба. И лишь после свадьбы Василий рассказал своей любимой о многом таком, чего она не знала или о чем только догадывалась.

Рассказал о декабре 1931 года, когда Бендеры были всполошены выстрелами. Это произошло во время забастовки швейников. Хозяева мастерских позвали штрейкбрехеров, но на помощь швейникам двинулись рабочие других предприятий. Впереди был Вася Чернов — монтер электростанции и вожак комсомольцев-подпольщиков. Рабочие окружили полицейский участок и потребовали освобождения арестованных забастовщиков. Полиция стала стрелять, но молодежь схватилась за камни: не из робких! Чернов первым ворвался в участок. Полицейские были разоружены. Где же арестованные товарищи? В тюрьме?

— Ребята, айда к тюрьме!

Штурмовать тюрьму оказалось трудней. Там и жандармов больше, и сидели они под надежной защитой толстых стен. Пришлось отступить.

Вечером в Бендерах начались аресты. Схватили и Василия. Держали в одиночке. Били. Требовали назвать имена комсомольцев. Василий либо молчал, либо отвечал словами ненависти. Суд приговорил его к пяти годам тюрьмы. Но друзья помогли Чернову — этот срок был заменен годом.

Так вот какой у нее, у Настеньки, муж! Она и пугалась его смелости и гордилась ею.

После освобождения из тюрьмы Василий устроился электромонтером в частный кинотеатр. По-прежнему собирал боевых товарищей, они писали листовки, носили их на предприятия, в дома. Василий отваживался даже агитировать во время киносеансов: вставлял в аппарат диапозитивы с лозунгами, прославляющими великую страну социализма. Конечно, это было очень дерзко, и однажды в кабину киномеханика, как и следовало ожидать, ворвались агенты сигуранцы. Но они ничего не обнаружили.

Чернов больше не стал пользоваться диапозитивами. Нет, он не испугался, дело совсем в другом: в Бендерах разместились румынские войска. Василий Чернов с друзьями начал вести пропаганду среди солдат. Он распространял революционные призывы коммунистов, подпольные брошюры, газеты, в которых была правда о Советском Союзе, разоблачал клику Антонеску.

Для Анастасии это были дни и ночи, полные волнений и радостей. Она радовалась смелости Василия, она была счастлива его любовью, она уже стала матерью и растила дочку. Но в ее сердце жила и тревога: провожая мужа из дому, она не была уверена в том, что он вернется.

В январе 1936 года Василий исчез, словно канул в воду. Кто его схватил? Что ему угрожает? Никто ничего не знал.

Потянулись долгие месяцы полной безвестности. Настало лето 1940 года. Бессарабия была возвращена Советскому Союзу. Анастасия Михайловна сразу переехала в Кишинев. Ей выписали ордер на Михайловскую, 36. Это был дом, выстроенный в модернистском стиле. Он пустовал. Хозяин выехал в Румынию. Когда туда пришла новая хозяйка, в комнатах царил полумрак: все жалюзи были спущены. Анастасия Михайловна подняла жалюзи, солнце осветило голые стены, грязный пол и груду каких-то журналов в углу. Прежде всего нужно сделать уборку. Набрала ведро воды, разыскала тряпку. А что делать с журналами? Выбросить, конечно. Взяла их в охапку, один журнал упал. На обложке — русские буквы: «Часовой». Подняла его, развернула на середине, прочла наугад первые попавшиеся фразы и... охнула, выронила всю охапку, села прямо на пол. Боже мой, да ведь это же о ее Васе!

В журнале, издаваемом белоэмигрантами, был напечатан отчет о суде над Василием Черновым. Анастасия Михайловна пробежала статью не переводя дыхания. Отчет заканчивался словами: «Суд продолжается». Значит, должно быть еще одно сообщение. В каком номере? И сохранился ли он? Начала торопливо рыться в пачке. Не то, не то, все не то. Наконец! Вот и снимок из зала суда. Она с трудом узнала мужа. Сердце сжалось от догадки: пытали, мучили Васю.

Что же узнала Анастасия Михайловна?

«Итак, господа, еще один большевистский агент в наших руках,— злорадствовал белогвардейский обозреватель.— Но что же наделал этот невысокий, коренастый блондин, которого судит кишиневский военный трибунал?»

Да, Василий действительно вел пропаганду в войсках. И не безуспешно, ибо в казармах обнаруживали все больше и больше коммунистической литературы. Не потому ли так беснуется прокурор майор Маня (это видно по отчету), не потому ли выходит из себя председатель суда, лишая слова «бунтовщика»? «И этот бунтовщик считает себя защитником румынского народа»,— возмущается белогвардейский аноним. Анастасия Михайловна хорошо представляла, какие гневные слова бросал судьям Василий. Ведь он боролся за счастье молдавского и румынского народов, не ждал пощады от врагов. Приговор — 15 лет тюрьмы.

— Вот так встретилась я с мужем после многих месяцев неизвестности,— говорит Анастасия Михайловна.

А потом у нее были еще четыре столь же необычных встречи с Василием.

«Где он теперь? — спрашивала она себя, вновь и вновь просматривая журнал.— В одной из тюрем королевской Румынии? Или, может быть, он находится где-то в Бессарабии и уже на свободе? О, если бы так!» Но он в тот же день нашел бы ее!.. Нет, Василия увезли куда-то далеко. В этом она почти не сомневалась. Но все же пошла навести справки. Увы, о Чернове никаких сведений не было. Она написала в Киев, в республиканскую организацию МОПРа: «Может быть, вы, дорогие товарищи, чем-нибудь поможете мне?»

Работники МОПРа обещали помочь. Но время тянулось так медленно! Когда совсем угасла надежда, вдруг пришло письмо. На конверте — чужой почерк. Обратный адрес: Алжир. Почему Алжир? Разорвала конверт. Там — открытка. Она сразу узнала почерк Василия.

Василий ничего особенного не сообщал: жив, находится в тюрьме Дофтана, спрашивает, как живет Настенька, как здоровье дочери.

Анастасия Михайловна только теперь догадалась: Василий послал открытку в Алжир кому-то из друзей, а оттуда ее переслали в Советский Союз. Прямым путем весточка из Румынии не дошла бы: ее конфисковали бы.

Вот, значит, где ее муж — в Дофтане. Она много слышала об этой мрачной тюрьме, о пытках в ее толстостенных казематах. Власти боярской Румынии заключали туда наиболее опасных политических противников, лучших сынов румынского народа.

Всего две открытки пришли от Василия Чернова из Дофтаны. Во второй он сообщал, что, возможно, его переведут в другое место. Снова безвестность.

Началась война. Анастасия Михайловна перебралась в Тирасполь. Город оккупировали румынские войска. Сразу чувствовалось: солдат погнали на войну насильно, они не любили гитлеровцев, не притесняли местных жителей.

Однажды Анастасия Михайловна пошла на рынок. Купила что нужно и повернула уже обратно домой, как услышала чей-то голос:

— Купите изделия узников тюрем. Эти деньги будут использованы для помощи заключенным.

Подошла. На полосатом коврике, разостланном на земле, лежали вазочки, пудреницы, подставочки и другие вещицы, сделанные из дерева и из чего-то белого, похожего на мрамор,— оказывается, это была прессованная соль. Анастасия Михайловна взяла в руку белую рамочку из соли для фотографий. Спросила:

— Кто же ее сделал?

— Василий Чернов.

— Откуда вы это знаете?

Продавец показал надпись на рамке. По-румынски было выведено: «В. Чернов».

Анастасия Михайловна стала перебирать другие вещи и нашла деревянную пудреницу с такой же фамилией. Так она узнала, что ее муж переведен из Дофтаны в Карансебеш: только там были соляные копи.

В Тирасполе находились советские военнопленные. Среди них было много больных и раненых, которые размещались в бывшей тюрьме. Женщины ходили туда — приносили пленным еду, медикаменты, одежду, а охране — вино,

Таким был Василий Чернов в школе (во втором ряду средний).

С МУЖЕМ

водку. Поэтому охрана смотрела сквозь пальцы на помощь, которая оказывалась пленным.

Однажды в Тирасполь привезли группу советских офицеров, которые до этого содержались где-то в Румынии. Один из них (его звали Михаил Петрович) был очень болен, его поместили в лазарет, то есть в бывшую тюрьму. Анастасия Михайловна приносила Михаилу Петровичу лепешки, виноградное вино. Он окреп, рассказал, как был контужен и попал в плен, в каких лагерях находился. Последнее время его вместе с другими военнопленными держали на соляных копях в Карансебеше. Попытался бежать — поймали и заключили в тюрьму.

— Вы не слышали там о Чернове? — спросила Анастасия Михайловна.

— Не только слышал, вместе находились в одной камере. Но вы-то откуда его знаете?

— Это мой муж.

Анастасия Михайловна все еще не верила, что перед нею человек, который несколько недель назад видел ее мужа. А может быть, это другой Чернов, однофамилец?

Михаил Петрович быстро стащил с себя выцветшую гимнастерку и показал на нижней рубахе вышитые инициалы: «ВЧ».

— Эту рубаху дал мне Василий. Он как-то сказал, что буквы вышила жена.

Многое узнала о муже Анастасия Михайловна. Узнала, как Василий Чернов вместе с румынскими коммунистами боролся против террора тюремного начальства, как добывал с воли через верных друзей сводки Совинформбюро и сообщал заключенным. Узнала и про то, почему Чернова перевели из Дофтаны.

В начале ноября 1940 года случилось землетрясение, и Дофтана была разрушена. При этом погибли многие узники. Оставшиеся в живых сделали все возможное, чтобы спасти товарищей. Организатором спасательных работ был Георге Георгиу-Деж. Рядом с ним работал Василий Чернов. Несколько суток они не смыкали глаз, извлекая людей из-под руин. В одном месте треснувшая стена упала и едва не похоронила Чернова.

Так как Дофтана рухнула, то Василия, как и других заключенных, перевели в Карансебеш.

После всего, что рассказал военнопленный, Анастасией Михайловной еще сильнее завладела мысль, которая уже давно не давала ей покоя. Ведь теперь между нею и Василием не было государственной границы. Может быть, ей удастся пробраться к нему? Спрашивала людей. Сказали: через границу просто так не пускают. Но в Киеве есть румынское консульство, оно выдает визы. Анастасия Михайловна все бросила и уехала к дальней родственнице в Киев. Действительно, там было румынское консульство. И туда заходили люди. Спросила у одной женщины, которая тоже направилась к румынскому уполномоченному:

— У вас в Румынии родственники?

— Та нема там у мене нияких родычив,— ответила женщина.— А тому румуну збрешу, що е. Бо не хочу, щоб мене погналы в прокляту Германию.

Добрые люди достали Анастасии Михайловне необходимые документы. Сдала их румынскому консулу. За ответом велено прийти через два месяца. Но она не вытерпела, несколько раз заходила раньше: а вдруг что-нибудь изменится? Случайно познакомилась с румыном, служащим консульства: ей сделалось дурно, и рядом оказался этот румын. Усадил на скамью. Принес воды. Она поблагодарила его и попросила уйти. Она едва не сказала: я не хочу сидеть на одной скамейке с оккупантом.

Он все же догадался о ее чувствах. Кто знает, что потянуло его на откровенность,— румын сказал, что он антифашист и делает все, что может делать в его положении антифашист. Верить ему или не верить?

— Тогда помогите мне поскорее выехать в Румынию.

Он обещал. Действительно, через десять дней все было оформлено. Румын вручил Анастасии Михайловне документы и спросил, понизив голос:

— Вам все равно куда ехать: в Румынию или Германию?

— Нет, мне нужно только в Румынию.

Он еще больше понизил голос:

— Не садитесь на наш поезд, он не пойдет в Румынию, по дороге его повернут немцы в Германию.— И добавил:— То, что я вам сообщил, может мне стоить головы.

Она не села на поезд. Позднее узнала: румын сказал правду. Вскоре немцы запретили всякие выезды куда-либо, кроме Германии. Анастасия Михайловна возвратилась в Тирасполь.

Минул еще год или полтора. Румыния стала свободной. Что же с Черновым? Жив он? Где он?

Анастасия Михайловна не находила покоя. С нетерпением ждала дня, когда наладится жизнь, начнет работать международная почтовая связь и можно будет запросить Бухарест. Если Василий жив, он, конечно, сразу напишет ей. Когда во дворе появлялся почтальон, сердце отчаянно билось.

Весточка от мужа пришла неожиданно. Анастасия Михайловна возвратилась с работы (она заочно окончила институт, стала инженером-экономистом), спросила дочку: писем не было? Не было. Девочка выбежала погулять и через несколько минут вернулась:

— Мама, нам письмо. Вот!

От Василия! Наконец-то!.. Советская Армия освободила его из тюрьмы, и он вместе с румынскими друзьями (он давно уже стал коммунистом) поехал в Бухарест. Но сразу же слег: тюрьма дала о себе знать, пытки в застенках не прошли бесследно,— но теперь все в порядке. Теперь — горячая работа по строительству новой жизни, новой Румынии. «Тебя, конечно, интересует, что я делаю. Должность у меня очень хлопотная — старший комиссар бухарестской полиции. Днем и ночью на посту. Трудно? Ничего. Когда трудно и радостно, все хорошо. Другие работают столько же, а то и больше. Ты слышала о Георгиу-Деж? Он со мной в одной тюрьме находился. Сейчас Георгиу-Деж — министр. Его энергия воодушевляет и нас».

Потом от Василия пришло еще письмо. Он хочет взять жену и дочь к себе в Бухарест. В начале мая приедет за ними. О своем выезде сообщит телеграммой.

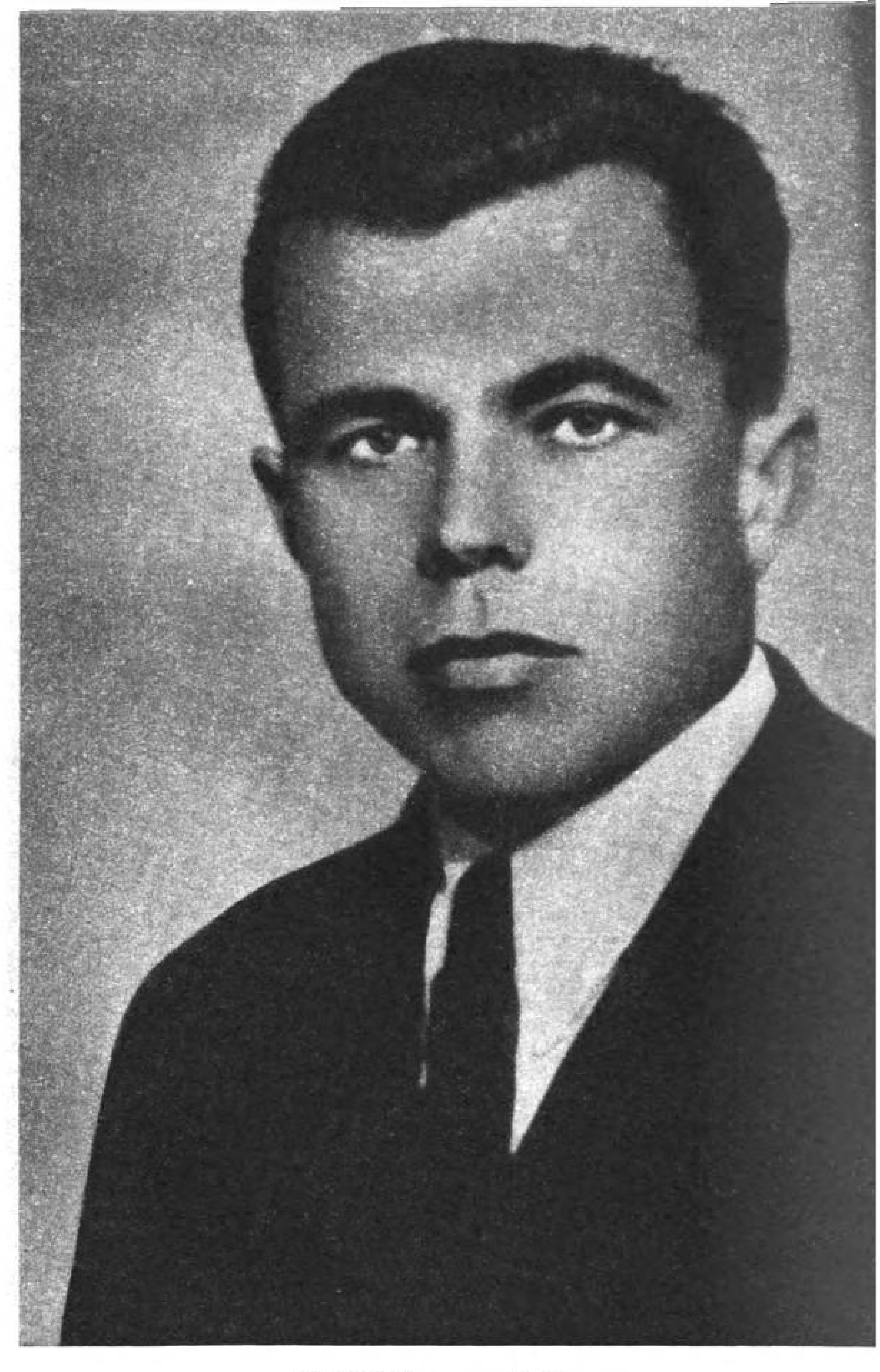
Май. А телеграммы нет. Пятое... восьмое... десятое... Может быть, телеграмма затерялась? После десятого числа Анастасия Михайловна стала ежедневно выходить к поезду. Увы, Василия не было.

Двадцатого пришло письмо. Большое письмо. С двумя номерами газеты «Скынтейя» — от 10 и 11 мая 1945 года. Ей сразу бросился в глаза заголовок: «Старший комиссар Василий Чернов погиб на посту».

Это случилось шестого мая. Василий Чернов напал на след опасной банды, которая грабила народное имущество. Чернов был один, а бандитов несколько. Но комиссар решил во что бы то ни стало задержать их, не дать скрыться. И он сделал это. Однако в неравной схватке Чернов был смертельно ранен. Спасти его уже не удалось.

Боль утраты... Разве можно передать ее словами! Анастасия Михайловна вновь и вновь перечитывала «Скынтейю»: «Товарищ Чернов был похоронен вчера, 10 мая, как раз тогда, когда он по праву мог радоваться победе над гитлеровским зверем. Чернов не первый работник полиции, павший при исполнении своих обязанностей. Но он первый полицейский в Румынии, павший в борьбе за интересы народа, против врагов народа».

Такой была последняя, пятая встреча с мужем. И он навсегда остался в памяти молодым и горячим, далеким и близким, решительным и бесстрашным.

Последний снимок В. Чернова.

М. И. Ульянова и французский писатель Анри Барбюс (редкий снимок).

СЕСТРА ЛЕНИНА

К 25-летию со дня смерти М. И. УЛЬЯНОВОЙ

В неопубликованных набросках автобиографии Марии Ильиничны Ульяновой есть такие строки:

«С детских лет я любила Владимира Ильича больше всех братьев и сестер, и влияние его на меня во все периоды моей жизни было очень велико... Владимир Ильич много возился со мной, как с младшей в семье, занимался со мной, давал указания, что читать, беседовал со мной на разные темы...

...Во время ареста Владимира Ильича в 1895—1897 гг. мне еще ближе пришлось столкнуться с революционными социал-демократами, познакомиться и с революционной нелегальной литературой...»

До конца своих дней Мария Ильинична была верным помощником Владимира Ильича и самоотверженным борцом за дело партии Ленина.

Дореволюционная Москва, Самара, Саратов, Вологда, Петербург, снова Москва... В каждом из этих городов много работала Мария Ильинична, проявляя недюжинный организаторский талант. Владимир Ильич горячо откликался на каждый успех сестры и ее товарищей. Когда в Самаре было создано бюро русской организации «Искры», завязавшее широкие связи с Поволжьем, Уралом и Сибирью, Владимир Ильич писал:

«Ваш почин нас страшно обрадовал. Ура! Именно так! Шире забирайте! И орудуйте самостоятельнее, инициативнее — вы первые начали так широко, значит, и продолжение будет успешно!».

Партийная кличка Марии Ильиничны была «Медвежонок». Н. К. Крупская вспоминала:

«Мы называли Марию Ильиничну «медвежонком» за какую-то особую молодую застенчивость, слившуюся с громадной убежденной напористостью».

Эта неудержимая напористость особенно чувствуется в неопубликованном письме М. И. Ульяновой к Н. К. Крупской, написанном в первые дни после окончания самарской ссылки:

«Медведь просит передать, что хотелось бы перекочевать куда-либо... очень бы просил дать указание относительно этого. Вы знаете, что это за зверь, а следовательно, можете судить, где он может быть у места... Он бы был очень благодарен, если бы старик (В. И. Ленин.— Ю. М.) высказал свое мнение относительно этого».

Партия и Ленин высоко ценили организаторские и конспиративные способности Марии Ильиничны. Когда велась подготовка к созыву III съезда партии, Н. К. Крупская в одном из своих писем отмечала:

«Все письма Медвежонка получены. Дальнейшее строго конспиративно и никому, ни одной душе, кроме Медвежонка и дяденьки (Л. Книпович.— Ю. М.), не должно быть известно ни под каким видом».

Мария Ильинична была серьезным переводчиком и библиографом. Она перевела ряд писем Маркса. По просьбе Владимира Ильича М. И. Ульянова много раз делала для него выписки из газет и журналов, подбирала литературу, способствовала изданию произведений В. И. Ленина.

Большая, душевная, человеческая теплота освещает дружбу М. И. Ульяновой с В. И. Лениным. В одном из писем А. И. Ульяновой-Елизаровой Мария Ильинична сообщала из-за границы:

«Больше всего с Володей жаль расставаться. Всегда я его любила. Но теперь как-то особенно сжились. Возился он со мной невероятно за время болезни — я даже себе представить не могла, что он способен на это. Больно славный братик...»

Ю. МАХИНА

Художник не умирает

К 80-летию со дня рождения
М. Б. ГРЕКОВА

Художник умер в 1934 году в Севастополе — городе военной славы. Почетный караул черноморских моряков вез его тело в вагоне, увитом зелеными ветками туи. В городах навстречу траурному поезду выходили части Красной Армии. На алых знаменах вились черные ленты, сверкающие трубы оркестров играли похоронные марши. В Москве несколько сот кавалеристов на подобранных в масть черных конях провожали гроб, на котором лежал самодельный фанерный этюдник. Армия хоронила своего живописца — Митрофана Борисовича Грекова.

Донской казак, прирожденный конник, он любил широкий степной горизонт, как моряк любит свободный горизонт моря, и как моряка волнует соленый запах воды, так его волновал запах земли на Дону.

Кто бы мог подумать, что деревенский мальчик, который ходил за волами на пашне и научился, как всякий мальчишка-казак, держаться в седле едва ли не раньше, чем ходить, до 17 лет не видевший ни одной настоящей картины, кто бы мог подумать, что он станет прославленным баталистом невиданной конной армии — армии народа, отстоявшего свою свободу?

Говорят, Джотто, будучи пастухом, нарисовал на камне овцу, и проходивший мимо художник был потрясен его талантом. Греков в юности рисовал на песке, конечно, одних лошадей: и стоящих спокойно, и летящих карьером, и вставших на дыбы...

В 17 лет деревенский полуграмотный парень был принят в Одесское художественное училище: его рисунки широко открыли перед ним двери. Потом — Академия художеств. Потом — война. Три года провел в седле, в составе 19-й казачьей сотни, Греков. Он отказался сдать экзамен на офицера. Он был против войны. «Война приносит больше вреда, чем пользы, и побежденным и победителям»,— говорил он тогда. Ни одной картины не посвятил он войне. Только без конца «позировал» ему его боевой товарищ, прошедший с ним всю войну,— конь Бурый.

Греков не был революционером. Но художнику-гуманисту, сыну бедного казака, трудно было ошибиться, на чью сторону встать.

Когда в Новочеркасск пришла Красная Армия, художник, говоривший не так давно: «Война бесполезна»,— надевает на одно плечо ремень винтовки, на другое — ремень этюдника и идет добровольцем в Красную Армию. Через несколько месяцев он подает в Реввоенсовет Первой конной докладную записку с грандиозным планом отражения в живописи гражданской войны. На собрании один из командиров, побагровев от возмущения, крикнул: «У нас армия без штанов, а мы будем картины писать!» Ему ответили: «Ты рассуждаешь неправильно, у нас должны быть и армия и искусство». Надо было охранять искусство старое, и надо было создавать искусство свое. Уже в 20-м году Греков дарит 15 картин военному клубу. Красноармейцев картины о Первой конной радуют очень: «Смотрите, товарищи, еще Кавказ от белых не очищен, а художники о нашей Красной Армии уже картины пишут!».

Через 10 лет, в 1930-м, боец Первой конной расскажет о диораме «Взятие Ростова»: «Вхожу в полутемное помещение в ЦДКА и вдруг вижу, будто я опять в бою за Ростов. Наши скачут с саблями наголо. Белые удирают. Все как было, в точности. Смотришь и видишь, какой грозной силой была в то время наша Первая конная!..»

И вот они перед нами — «Трубачи Первой конной». Каждый одет во что горазд: в гимнастерке, в рубахе, в казачьих шароварах, в городских брюках, в кепке, в папахе, простоволосый... Но зато какие у них кони! Трубачи с горящими, как солнце, трубами сидят на белых, как быстрые чайки, конях, медь сверкает под солнцем нестерпимым блеском, и над ними тяжело полощется алое знамя.

Какое щегольство, какой праздник в этих белых конях, в сияющей меди, алом шелковом знамени! Первая конная — любовь народа, надежда народа, и сколько девушек заглядывается на этих коричневых от загара всадников, сколько старух молится за них и сколько стариков сурово провожает их в бой! А они едут по сожженной солнцем добела степи, под небом, бесцветным от зноя, и вместе с блеском труб и шумом знамен движется армия по бескрайней степи.

И вот уже протрубила труба — идет кавалерийская атака. На переднем плане пулеметный огонь врага поднимает фонтанчики земли, а вдалеке по степи катится лавина всадников, растянувшаяся до горизонта. Сейчас будут смяты пулеметчики, сейчас произойдет страшный и почти мгновенный бой, из которого вылетят обезумевшие кони, унося трупы порубленных врагов... Удивительно, как на молчаливом холсте можно добиться такого впечатления грохота, грома копыт, стремительного, неудержимого, все сметающего на своем пути движения. Такой может быть только армия героев. Кто же эти герои?

Сутулый, уже немолодой человек, с обожженным солнцем крестьянским лицом, едет о-двуконь по заросшей степной дороге. Волосы его, не так давно сбритые, сейчас торчат ежиком: он был в армии. Он был в царской армии. В 17-м он воткнул винтовку штыком в землю и ушел домой — к бабе, к хате, к земле. Ох, как трудно было ему решиться снова сейчас бросить все это! Но он понял: чтобы жить спокойно, чтобы пахать, и сеять, и собирать урожай самому, надо еще воевать. Он взял все, что было у него в хозяйстве самого дорогого,— пару коней — и с ними отправился в путь. Кони идут тихо, и крестьянин на ходу пришивает к шапке большой алый лоскут,— может быть, кусок платка дочери или жены... Картина называется «В отряд к Буденному». Да, когда вот так, добровольно, после тяжких дум и колебаний, бросив дом, придешь в армию, то будешь уже воевать, как пахал, как лепил мазанку, как косил,— пока не сделаешь дело до конца. И ничем тебя враг не возьмет, хотя он в десять раз лучше вооружен, чем ты, сыт, обут и одет...

И вот она, побежденная вражеская техника: при лунном свете на заснеженном поле возвышается громадный, молчаливый, все еще кажущийся неприступным, но теперь бессильный танк. Ночь. Светит луна. От луны ложатся резкие тени. В свете луны горит холодным блеском медная головка шашки убитого казака и погон мертвого офицера. Мертвая техника. Мертвые враги. Шквал боя пронесся над этим полем, и теперь победа летит под знаменами Первой конной, идущей вперед и вперед....

«Надо сделать мир лучше, чем он есть»,— говорил Греков. Он, художник, делал этот мир лучше: он писал картины о подвигах, о том, чего забыть нельзя. Картины Грекова учат романтике, пафосу, гуманизму, красоте революции.

А. ЛЯХОВА

…к не умирает

…о со дня рождения
…Б. ГРЕКОВА

И вот они перед нами — «Трубачи Первой конной». Каждый … во что горазд: в гимнастерке, … рубахе, в казачьих шароварах, … городских брюках, в кепке, в … пахе, простоволосый… Но зато … кие у них кони! Трубачи с го… щими, как солнце, трубами сид… на белых, как быстрые чайки, … нях, медь сверкает под солнц… нестерпимым блеском, и над н… тяжело полощется алое знамя.

Какое щегольство, какой праз… ник в этих белых конях, в сия… щей меди, алом шелковом зна… ни! Первая конная — любовь на… да, надежда народа, и сколько д… вушек заглядывается на этих к… ричневых от загара всадник… сколько старух молится за них … сколько стариков сурово про… жает их в бой! А они едут п… сожженной солнцем добела степ… под небом, бесцветным от зноя, … вместе с блеском труб и шум… знамен движется армия по бе… крайней степи.

И вот уже протрубила труба — идет кавалерийская атака. На п… реднем плане пулеметный огон… врага поднимает фонтанчики зе… ли, а вдалеке по степи катится л… вина всадников, растянувшаяся д… горизонта. Сейчас будут смяты п… леметчики, сейчас произойд… страшный и почти мгновенный бой, из которого вылетят обез… мевшие кони, унося трупы пор… ленных врагов… Удивительно, к… на молчаливом холсте можно д… биться такого впечатления гро… та, грома копыт, стремительног… неудержимого, все сметающего н… своем пути движения. Такой м… жет быть только армия геро… Кто же эти герои?

Сутулый, уже немолодой чел… век, с обожженным солнцем кр… стьянским лицом, едет о-двуко… по заросшей степной дороге. Вол… сы его, не так давно сбриты… сейчас торчат ежиком: он был … армии. Он был в царской арми… В 17-м он воткнул винтовку шт… ком в землю и ушел домой — … бабе, к хате, к земле. Ох, ка… трудно было ему решиться сно… сейчас бросить все это! Но он по… нял: чтобы жить спокойно, чтобы пахать, и сеять, и собирать ур… жай самому, надо еще воевать. О… взял все, что было у него в х… зяйстве самого дорогого,— пару коней — и с ними отправился … путь. Кони идут тихо, и кресть… нин на ходу пришивает к шапк… большой алый лоскут,— может быть, кусок платка дочери или ж… ны… Картина называется «В от… ряд к Буденному». Да, когда во… так, добровольно, после тяжких дум и колебаний, бросив дом, пр… дешь в армию, то будешь уже во… вать, как пахал, как лепил м… занку, как косил,— пока не сд… лаешь дело до конца. И ничем т… бя враг не возьмет, хотя он в д… сять раз лучше вооружен, чем ты, сыт, обут и одет…

И вот она, побежденная враже… ская техника: при лунном свете на заснеженном поле возвышается громадный, молчаливый, все еще кажущийся неприступным, но т… перь бессильный танк. Ночь. Св… тит луна. От луны ложатся рез… кие тени. В свете луны горит х… лодным блеском медная головк… шашки убитого казака и пого… мертвого офицера. Мертвая те… ника. Мертвые враги. Шквал бо… пронесся над этим полем, и те… перь победа летит под знаменами Первой конной, идущей вперед и вперед…

«Надо сделать мир лучше, чем он есть»,— говорил Греков. Он, художник, делал этот мир лучше, он писал картины о подвигах, о том, чего забыть нельзя. Картины Грекова учат романтике, пафосу, гуманизму, красоте революции.

А. ЛЯХОВА

М. Греков. ТРУБАЧИ ПЕРВОЙ КОННОЙ АРМИИ. 1934.

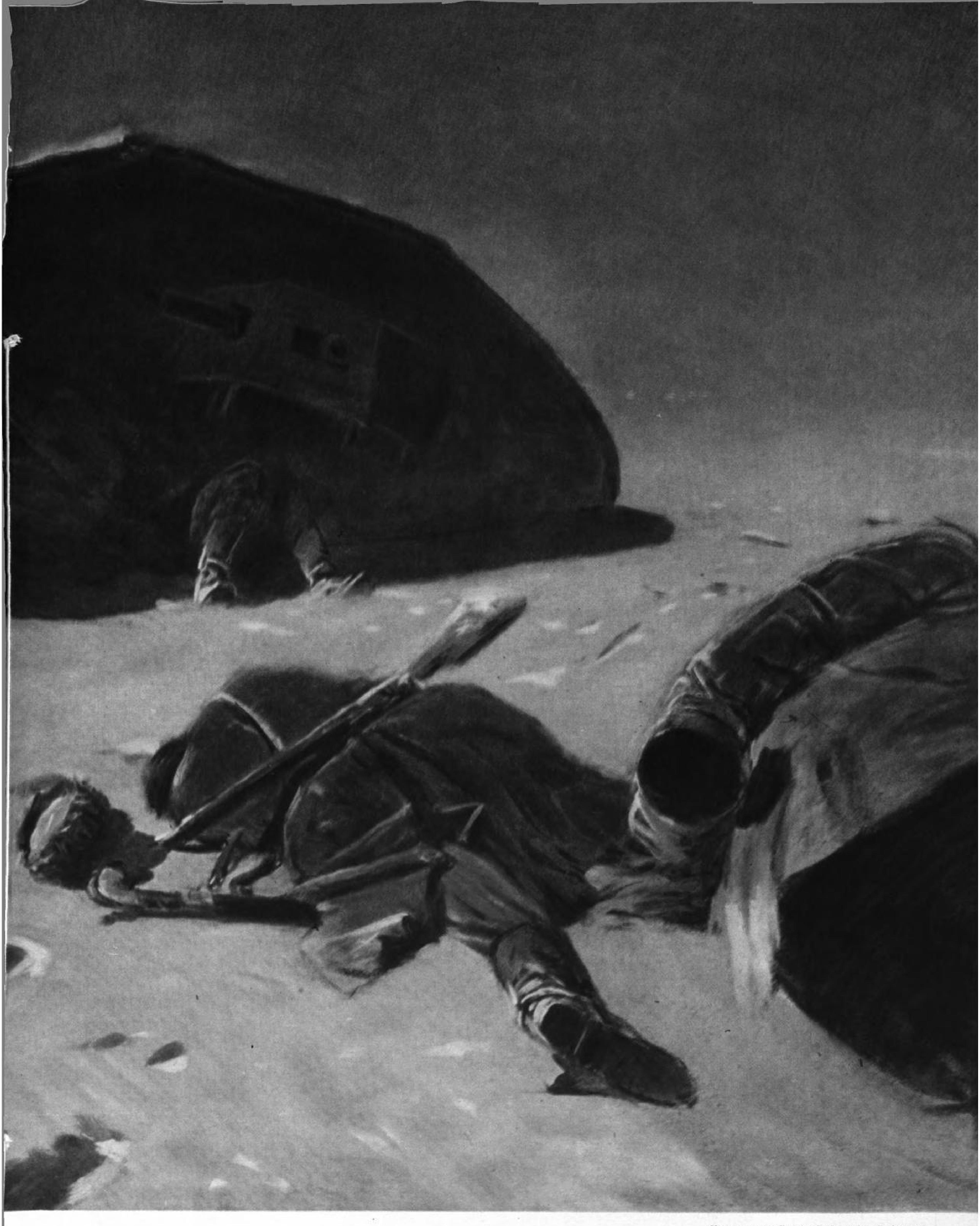
Государственная Т…

ОТРЯД БУДЕННОГО В ПЕШЕМ СТРОЮ ОТБИВАЕТ АТАКУ ПРОТИВНИКА. 1934.

М. Греков. ОТБИТЫЙ У ДЕНИКИНЦЕВ АНГЛИЙСКИЙ ТАНК. 1924.

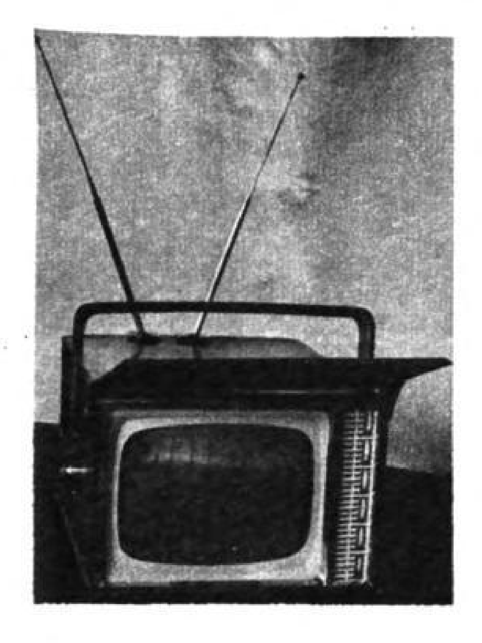
Центральный музей Советской Армии.

М. Греков. ЧЕРТОВ МОСТ. 1931.

Центральный музей Советской Армии.

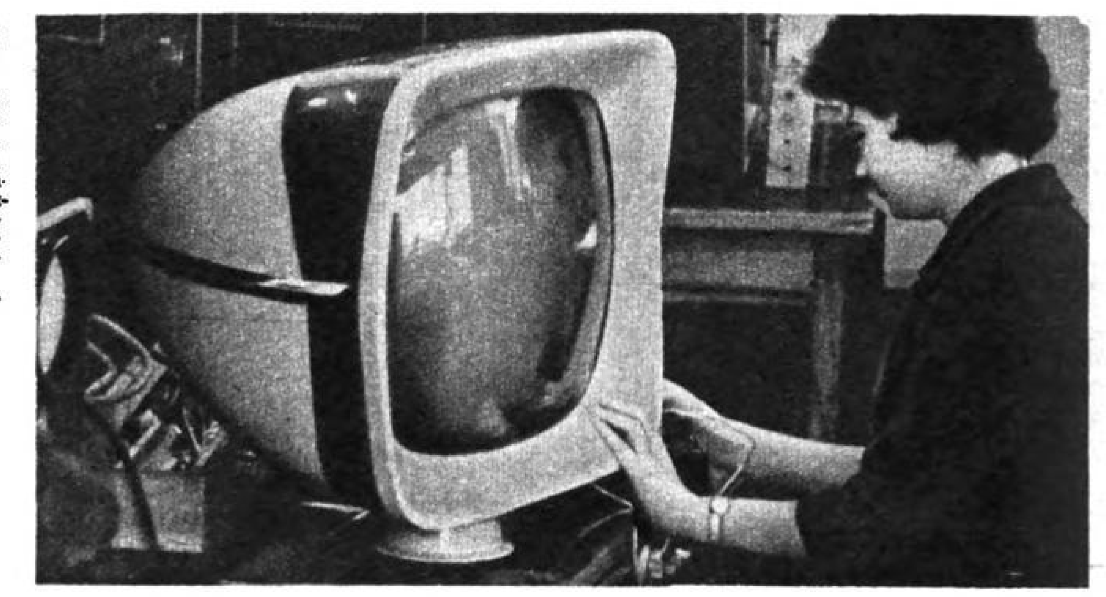
В ОТРЯД К БУДЕННОМУ. 1923.

Государственная Третьяковская галерея.

Самый маленький и самый большой советские телевизоры. Слева — портативная, величиной с небольшой чемоданчик, «Москва», работающая на полупроводниках. Она детище филиала. Справа — львовская «Украина». Инженер Галина Лукина испытывает ее синхронизацию.

Фото А. Гостева.

ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР О ТЕЛЕВИДЕНИИ

ЗЛОСТНЫЕ ТЕЛЕПОМЕХИ

Г. КУЛИКОВСКАЯ

В нашей стране, как известно, выпускается тринадцать типов различных телевизоров. Каждая республика, каждый завод, стремясь сделать свое детище особенным и неповторимым, изощряются друг перед другом и во внешнем оформлении и во внутреннем их содержании. Массивный красноярский «Енисей» не похож на миниатюрную, в скромном металлическом чехле ленинградскую «Зарю»; дорогой и нарядный московский «Рубин» никто не спутает с львовской «Верховиной». Воронежцы, рассчитывая на самого массового, широкого потребителя, одели свой «Рекорд» в строгий светлый дуб. Делали минчане телерадиолу «Беларусь», и что же? Появилась телерадиола и на Украине, своя собственная.

Кто же возглавляет столь разноликое, чрезвычайно пестрое семейство советских приемников изображения? Кому доверен надзор за их качеством и надежностью? Где рождаются методы и способы определения этой надежности? Как утверждаются новые модели и типы телевизоров?

Всеми этими и еще другими, большими и малыми, телевизионными проблемами занимается всего один научно-исследовательский институт, вернее, даже не сам институт, а его филиал. Задача возложена на плечи филиала немалая и нелегкая. Пройдемся же по его лабораториям и посмотрим, что в них делается...

На очереди «Украина»

Стенды, стенды и стенды вдоль стен и между ними.

На стендах различные приборы и аппараты — десятки приборов и аппаратов, с помощью которых определяются параметры телевизора: качество изображения, чувствительность, настройка... Это лаборатория электрических испытаний, в которой начинается первое знакомство с телевизором.

Два раза в год прямо с заводских конвейеров на контроль прибывают сюда все, какие только есть у нас, приемники. Их тут «выслушивают», «осматривают», «выстукивают» и, если все в порядке и соответствует нормам, выдают свидетельство о переаттестации. Но если что-нибудь не так...

В прошлом году, например, из-за большого количества дефектов, которые давала сборка, филиалу пришлось рекомендовать совнархозам временно приостанавливать производство «Верховины», «Немана», «Рекорда-12» (бакинского совнархоза), «Рубина-102» и «Харькова». А совсем недавно, весной, из-за снижения технологической дисциплины в Ленинградском совнархозе стал страдать «Волхов». Однако совнархозы пекутся больше о «вале» продукции, чем о ее качестве, не всегда реагируют на тревожные сигналы специалистов. К таким совнархозам относятся, в частности, Красноярский и Харьковский... и к их телевизорам особенно много претензий по качеству.

Сейчас на проверке в лаборатории находились «Старт-3», «Рубин-102», «Радий», «Нева». Телевизоры гудели, выли и рычали на разные голоса. Осциллографы лихорадочно отражали лиловыми змейками их электрические сигналы...

Тут же, в правой половине комнаты, возвышалась «Украина», экспериментальный образец нового приемника I класса, присланный Львовским совнархозом. Оригинальна его конструкция. Все нутро, за исключением кинескопа, сосредоточено в низком и легком, современной формы столике на острых ногах, а кинескоп в виде огромной светлой морской раковины вознесен над столиком. «Раковина» свободно, как чаша радиолокатора, поворачивается на оси.

Сам кинескоп тоже нового типа: как в «Темпе-7» и «Дружбе», он имеет укороченную горловину в отличие от прежних трубок, угол развертки его 110 градусов, а не 70, как было раньше.

Видимо, экзамены идут у «Украины» неровно и негладко. Знакомый ее своеобразный силуэт я встречала потом во многих комнатах и даже в конструкторском зале. Ведется тщательное изучение и испытание. Наметились по некоторым «предметам» и переэкзаменовки. Прилетел из Львова в Москву начальник КБ завода Н. А. Роговин. Так сообща с научными сотрудниками филиала намечаются пути доводки телевизора до нужной кондиции.

50 бросков, 500 подскоков

Дома мы всем семейством торжественно водружаем телевизор на заранее приготовленный для него пьедестал, и не дай бог, чтобы кто-нибудь как-нибудь... Словом, мы дышим на него, почти что боготворим, особенно если он хорошо нам служит.

А тут?!

Уроженку Ленинграда «Неву» бесцеремонно подвесили ремнями к раме, а рама толстыми, почти якорными цепями прикреплена к станине специального стенда. Внизу, в основании стенда, под «Невой» так называемая подушка. Нет, не из пуха и не из перьев она, а из бетона. Лаборант нажимает кнопку, цепи слабнут, и — о, ужас! — лелеянная нами «Нева» под тяжестью всех своих двадцати килограммов, без упаковочного футляра, с грохотом падает на бетонную плиту. Раз, другой, третий... Счетчик наверху меланхолично отсчитывает броски. Пятьдесят раз с высоты пяти сантиметров должен упасть, согласно международным стандартам, любой телевизор, и при этом ничто не должно нарушиться или повредиться в его «начинке».

Рядом другой экзекуторский стенд. На сей раз «Неву» одевают в картонный упаковочный футляр и привязывают к деревянному помосту. Получается полная иллюзия кузова грузовика. Снова включается мотор. Все выше, резче подпрыгивает помост с «Невой». Ничего себе ухабы попались на ее пути! Пятьсот подскоков и встрясок должна она выдержать. И я с грустью думаю: что бы стало с «Неманом» на ее месте! Вспомнилось выступление на одном заседании в ВЦСПС И. Е. Шаповала, директора минского завода, на котором делаются эти телевизоры. Заводу систематически поставляются гетинаксовые пластины полуторамиллиметровой вместо двухмиллиметровой толщины. К ним после ряда операций припаиваются разные детали и устанавливаются лампы.

— Ведь такой гетинакс не выдерживает дальних перевозок и дает трещины,— с тревогой жаловался И. Е. Шаповал.— Разве доедет наш «Неман» до Дальнего Востока или Сахалина? Ему бы только по Минску ездить да по Москве!..

Увы, он даже из Москвы не выбрался б, если б попал на этот стенд.

К удивлению, представитель Госплана СССР, который присутствовал на том заседании, ничего не сказал по поводу гетинакса. Что же, завод так и будет работать на брак?

Третье испытание «Неве» предстоит климатическое. Происходит оно в толстостенной белой камере. Тут искусственно создаются тропические и субтропические условия. Вполне возможно, что телевизорам придется трудиться не только на Кавказе и в Средней Азии, но где-нибудь в Африке или Южной Америке.

«Неве», однако, не повезло. Камера была занята. Там уже «жарился» «Минск-110» — один из первых экземпляров только что созданного белорусскими конструкторами телевизора.

Заглядывая в завтра...

В двух других лабораториях глубоко, самым тщательным образом исследуется нутро телевизора, не только существующего, но и того, который еще будет. Тут рядом с экраном какого-либо серийного приемника можно увидеть макет совершенно неизвестного доселе устройства. Тут намечаются принципиально иные схемы телевизоров и вносится в старые узлы все то прогрессивное, что в конечном счете принесет радость нашему телезрителю: станет чище, ярче изображение, приятней звук, исчезнут одна за другой помехи... И вся эта гигантская, самая типичная научно-исследовательская работа, которой филиал и должен заниматься в первую очередь и прежде всего, сосредоточена на сравнительно маленькой площади. Лаборатории заставлены и загромождены аппаратурой до такой степени, что даже в солнечный летний день приходится пользоваться электрическим освещением.

Как известно, первейшая задача, поставленная перед телевизионной промышленностью,— это переход на изготовление унифицированных деталей и узлов. Это облегчит ремонт приемников и позволит автоматизировать их производство. Исчезнет пестрота в семействе телевизоров: количество типов, отличающихся друг от друга внутренней схемой и шасси, сократится с тринадцати до четырех-пяти. Зато станет больше разных по форме, стилю, цвету и отделке моделей... Филиал института вместе с воронежским заводом «Электросигнал» завершает сейчас разработку одного такого унифицированного узла для приемников III класса — усилителя промежуточной частоты — УПЧ. От него зависит качество изображения и звук.

К концу года воронежцы должны сделать партию новых УПЧ и разослать их на отзывы всем другим заводам, делающим телевизоры III класса.

Важная это проблема? Бесспорно. А сколько отведено ей места в лаборатории? Мало, непропорционально мало решаемой проблеме. Сотрудники вплотную сидят за столами: тут логарифмические линейки, справочники для расчетов, и тут же производится сборка схем УПЧ, и тут же эти схемы испытываются...

Рядом решается еще более широкая, перспективная проблема. Сейчас телевидение работает на волнах метровой длины. Когда же количество станций и каналов возрастет, придется перейти на более короткие волны — дециметровые. И вот перед нами устройство, которое позволит обладателю любого обычного телевизора принять эти волны. Пока это довольно громоздкая приставка-конвертор со своими катушками, коробочками, дисками и клеммами. Но это «пока» скоро кончится. Конвертор будет сведен к одной радиолампе, которая поселится в переключателе телевизионных каналов.

Инженер В. А. Сергеев разрабатывает схему для двухречевого вещания. Она удобна в национальных республиках, в которых передачу надо вести на двух языках: узбекском, допустим, и русском или узбекском и казахском... Такая схема осуществлена на половине стола! И воплощена в аккуратную маленькую коробочку, которая подключается по мере надобности к телевизору.

— Много у нас есть еще идей по совершенствованию и повышению надежности отечественных телевизоров,— делится своими мыслями начальник отдела Владимир Иванович Косиков.— Нам не только тесно, но и мало нас. Не хватает инженеров, техников, лаборантов. Но если мы к этому всему притерпелись — человек ведь ко всякому привыкает,— то еще есть такие препятствия, перед которыми бледнеют наши трудности. И своротить их нам бывает не под силу, хотя и имеем мы на это все юридические права. Но, как говорится, деюре—это одно, а де-факто — другое.

И Владимир Иванович поведал мне одну лишь историю, одну из многих...

«Антилинейные» и другие хитрости

Белый металлический домик, умещающийся своим основанием на ладони, и две такие же белые трубки на крыше домика.

Домик без окон, без дверей, но, как в детской загадке, полон людей. Живут в домике тесно, близко друг к дружке коробочки, пластинки, шарики, палочки и цилиндрики, яркие и затейливые, как бусины. Называется домик ПТК — переключатель телевизионных каналов. Что это такое, все телезрители знают. Не хотите смотреть «Пестрые рассказы» по Чехову, а футбол — пожалуйста, переведите рычаг, и ПТК осчастливит вас. И вдруг в тот самый напряженный момент, когда ваш любимый вратарь проворонил мяч, на экран набежали полосы. Одна, другая, третья... И экран разлинеился, точно школьная тетрадь. Это значит, что где-то рядом, на промежуточных частотах, очень близких к телевизионным, пошли другие сигналы. Вы начинаете крутить разные ручки настройки, но все напрасно. Надо набраться терпения и пережидать.

Как избавить телевизор от этих помех, как очистить экран от линеек?

Научные сотрудники нашли для этого очень простой способ. Они предложили поместить в домик маленький узел, вернее, узелок, состоящий всего лишь из катушки и тоненького диска. Он как раз способен «проглатывать» эти линейки. Его так и назвали, шутя, «антилинейным» фильтром. Узелок совсем мал: катушка тоньше обычного карандаша, а диск меньше копейки, и для них нашлось бы, конечно, место в домике. Но, боже мой, какой переполох вызвал крошечный фильтр на каунасском радиозаводе, единственном на всю страну монополисте по изготовлению ПТК! Какие у него нашлись здесь большие и могучие враги и еще более могучие и сильные их покровители!

Из Москвы в Каунас непрерывно выезжали люди. Раньше работники завода ссылались на то, что нужно менять технологию и документацию, потом на то, что усложнится... настройка ПТК, что повысится себестоимость, что у них график, и т. д., и т. п. Наконец, заместитель главного инженера завода В. В. Калибатас заявил, что у них в плане этого нет и они не обязаны этот узел ставить...

Филиал обратился в Управление приборостроения Литовского совнархоза. Оттуда отвечали вежливо, но сдержанно и без особого восторга, как будто речь шла не об улучшении качества телевизоров, а об их ухудшении. «Примем меры, разберем» — такие обтекаемые слова мелькали в переписке, а завод меж тем продолжал выкручиваться.

И тут, к счастью, в какой-то степени помогло несчастье. Выяснилось, что корпус того же самого ПТК не выдерживает высокой влажности и корродирует. Значит, надо что-то придумать для повышения его климатостойкости, хотя бы в тех партиях телевизоров, которые предназначены для районов с жарким и сырым климатом. Филиал предложил покрывать домик кадмием. И тут завод снова стал на дыбы: «Нет у нас кадмия, не зафондирован нам этот материал!..»

Петру Андреевичу Ильину, начальнику одной из лабораторий филиала, пришлось самому отправиться на розыски кадмия. И что же? Нашел он кадмий на складе... самого завода!

Завод был уличен и посрамлен, и ему пришлось идти на попятную — согласился даже ставить «антилинейный» фильтр, однако все же с оговоркой: только в той модификации ПТК-4, которая предназначена для «климатических» партий приемников.

А как с остальными приемниками? Они так и не будут отсеивать помехи?

— Увы, экраны все еще могут быть подвержены помехам,— заканчивает свой рассказ Владимир Иванович Косиков.— А ведь эта история тянется не один месяц, даже не один год,— пошел ей уже третий.

Третий год пробивает филиал законный ордер малому узелку на право проживания в домике.

Подобных примеров из жизни филиала можно привести немало. Иногда приходится затрачивать титанические усилия на преодоление консерватизма заводов и совнархозов, а иногда приходится усмирять их чрезмерный, никому не нужный пыл.

Нет, глубоко заблуждаются те телезрители, которые полагают, что самые злостные телепомехи — это подъемный кран под окном, самолет, летящий в небе, какие-либо другие, нетелевизионные средства связи или телевизор соседа... Современные наука и техника ищут и в конце концов находят способы борьбы с помехами такого технического рода. Более опасны помехи, возникающие вследствие косности и равнодушия.

...Много заводов в нашей стране занято изготовлением телевизоров и телевизионных приборов. И много учреждений помогают им в этом. Но филиал института — главное среди них. По масштабам работ, им осуществляемых, он вполне созрел для того, чтобы стать институтом со всеми вытекающими отсюда последствиями: площадью для лабораторий, кадрами, производственной базой и обязательными для заводов рекомендациями. Проблемы развития телевизионной техники и телевизионного конструирования должны быть сосредоточены в одних руках!

Ремонт телевизоров

Штефан САБО

У меня испортился телевизор. Я не техник, в таких вещах не разбираюсь. Я пошел в мастерскую и подал заявление. Я не стал ждать, пока мне назначат срок ремонта, и предложил сам:

— Передачи все равно никудышные, вы можете не обещать быстро его исправить! Если скажете, что придете через месяц, ничего. Но извольте быть точными!

— Через неделю телевизор будет в порядке!

Через неделю я зашел в мастерскую.

— Послушайте, прошла неделя, а вы не показываетесь. Повторяю, дело терпит. Подожду, пока передачи станут лучше. Если скажете, что придете 30 декабря 1965 года,— ничего. Но, давши слово, извольте починить.

Они оскорбились и рассердились.

— Хорошо,— говорят,— до 30 декабря 1965 года телевизор будет исправлен.

Я запомнил дату и 30 декабря 1965 года снова был у них.

— Послушайте,— говорю,— это уже слишком. Я, конечно, и без него обойдусь, но все-таки... Если вы скажете, до 9 мая 1996 года исправите,— ладно. Но уж тогда держитесь!

Они отвечали, что много, мол, неотложной, важной работы и потому до моего телевизора руки не доходят. Но до 9 мая 1996 года он непременно будет исправлен.

9 мая 1996 года я снова отправился в мастерскую. К этому времени, вопреки всевозможным чудесам медицины, вид у меня был, увы, уже не блестящий. Когда на самоходном кибернетическом слоне я подъехал к гидравлическим дверям мастерской, там очень удивились.

— Вот я и снова у вас,— сказал я.— При помощи невидимого миниатюрного микрофона я мог это проделать, не открывая рта, но решил заехать сам: подходит последний срок. Вы придете чинить телевизор?

— Минуточку, сейчас найдем ваше заявление.

Потом какой-то мужчина уселся на моего кибернетического слона, и со скоростью света мы перенеслись в мою квартиру. Он осмотрел злополучный телевизор, сменил перегоревшую лампочку — и экран засветился.

— Передачи,— отметил я,— стали немного лучше. Видите, что вы за люди,— прошамкал я в невидимый микрофон.— 36 лет я должен был ждать, пока вы смените одну-единственную обычную лампочку! Ах, как стыдно!..

Человек взял у меня микрофон, перевел звук на «громко» и закричал мне в ухо:

— Мы сделали это для вас вне очереди!

Перевела со словацкого
В. Петрова.

Николай ВИРТА

Катастрофа

Повесть

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

Конец истории с новогодним гусем

— Вот вам! — Шмидт за ухо втащил Хайна в комнату командующего.— Вот этот негодяй, господин генерал-полковник! Он обманул вас, меня и раненых, о которых вы проявили такую заботу!

Продолжение. См. «Огонек» №№ 22, 23, 24.

Генерал-полковник спросонья не сразу понял, где он и в чем дело. Тускло горела электрическая лампочка. Пламя свечи, вставленной в бутылку, колебалось, и на стене возникали странные тени.

— Что случилось?

Генерал-полковник зевнул. Перед ним стоял пылающий негодованием Шмидт и вырывающийся из его рук Хайн.

— Он жрал гуся, я накрыл его с поличным! Жрал гуся в одиночку, спрятавшись в уборной!

Генерал-полковник рассмеялся. Он смеялся долго, всхлипывая и судорожно заглатывая воздух.

Шмидт оторопело смотрел на него. Воспользовавшись моментом растерянности, Хайн вывернулся и освободил ухо из цепких пальцев начальника штаба.

— Ты?.. В уборной?.. Новогоднего гуся? — все еще смеясь, выговаривал генерал-полковник.

— Не понимаю и не разделяю вашего веселья, господин генерал-полковник,— обиженно заговорил Шмидт, вытирая руки платком: он был очень брезглив и чванился своей чистоплотностью.

— Напротив, Шмидт, напротив, вы должны радоваться. Хайн, старина, ты выручил меня и отвратил большую неприятность. Господин генерал-лейтенант упрекал меня в идеализме и утверждал, что, отдавая гуся двенадцати раненым, я возбуждаю против себя ненависть остальных. Молодчина, Хайн! Итак, я благодарю тебя за этот самоотверженный поступок.

Генерал-полковник вытер слезы, выступившие на глазах от смеха, привлек сияющего Хайна, обнял его и, хлопая по спине, приговаривал:

— Молодчина, ну, молодчина!

Надо ли говорить, как в те минуты Шмидт ненавидел командующего и его ординарца!

— Кстати, Хайн, ты съел всего гуся или пожалел себя? Если да, поделись с господином генералом. Он так хотел откушать гусятины в канун Нового года!

— Оставьте! — Шмидт наморщился.— За кого вы меня принимаете? Чтобы я прикоснулся к гусю, который валялся в уборной?! Фу!

— Там все смерзлось,— заметил Хайн.— Ей-богу, никаких запахов. И если желаете...

— Замолчи! — вне себя от ярости выкрикнул Шмидт.— Иди и жри остатки!

— Не надо кричать на человека, который выручил меня, Шмидт. Надеюсь, Хайн, гусь, проглоченный тобой, не повредит твоему пищеварению?

— Никак нет, господин генерал-полковник! — весело ответил Хайн.— Я бы мог съесть еще одного, но пока мне до него не дотянуться.

— Ладно, иди и пируй, мошенник! — Генерал-полковник ласково шлепнул Хайна ниже спины.— Иди и прихвати с собой остатки коньяка. Гусь был отчаянно жесткий.

Хайн ушел, ликуя.

Шмидт мрачно молчал.

— Как вы узнали об этом, Шмидт?

— Я послал ординарца в госпиталь. Он доложил мне, что никакого гуся туда не приносили. Зная, что Хайн уединяется изредка в своем тайном уголке, я застал его, когда он пожирал гуся.

— Вы блестяще провели эту сложную операцию, Шмидт. Итак, я благодарю и вас.

— Не за что,— натянуто рассмеялся Шмидт.

Генерал-полковник посмотрел на часы.

— Боже, я спал пять часов подряд! Уже двенадцатый час! Где Адам? Он обещал достать шампанское. Мы разопьем его в честь Нового года.

— Я здесь, эччеленца! — Адам вышел из клетушки и остановился в дверях.

— Вы спали, Адам? — улыбнувшись, спросил генерал-полковник, заметив на полном и румяном лице адъютанта полосы, оставленные смятой подушкой.

— Так точно, эччеленца! Днем я посетил генерал-полковника Зейдлица, вернулся, когда вы спали, и не решился беспокоить вас.

— Что-нибудь новое?

— На фронте пятьдесят первого корпуса, эччеленца, без перемен. Генерал Зейдлиц сказал, что он придет поздравить вас с Новым годом, и прислал две бутылки клико.

— Отлично, Адам!

— Вы прочитаете оперативную сводку?

— Потом.

— Слушаюсь!

— Шмидт, вы передали в ставку то, что я приказал вам?

— Разумеется.

Адам рассмеялся.

— Представляю, как взбесятся фюрер и старик Кейтель, прочитав вашу радиограмму, эччеленца!

— Вы познакомились с ней?

— Мне показал ее радист Эберт, когда я заходил к генералу Роске за сводкой.

— Да, в ней мало приятного,— усмехнулся генерал-полковник. Отоспавшись, он чувствовал себя свежим; былая энергия вернулась к нему.— Кстати, позовем генерала Роске, Адам. Он, вероятно, сердит на меня за то, что я стеснил его, въехав в этот роскошный замок.

Адам снова рассмеялся.

— Ничего, эччеленца, на войне, как на войне. А генерал Роске — человек молодой, дивизией командует недавно, ему лестно быть в вашем обществе и охранять вас.

— Очень энергичный и инициативный генерал,— согласился генерал-полковник.— Он далеко пойдет... если... Впрочем, что гадать! Хайн, сходи за генералом Роске. Ах, да, он ушел. Знаете, Адам, у нас тут невероятные события! — Генерал-полковник накоротке рассказал адъютанту финал истории с новогодним гусем.

Адам расхохотался. Шмидт мрачнел.

— Что-нибудь слышно от генерал-полковника Штреккера? — обратился к нему командующий.

— Затишье на всем фронте,— нехотя ответил Шмидт.— Боюсь, как бы русские не попытались отрезать северную группу и не посадили Штреккера в котел.

— Что ж,— меланхолически заметил генерал-полковник,— вместо одного будет два котла. Все идет к тому.— Он прислушался.— Действительно, тишина в городе необыкновенная.

— Отдохнем от канонады хоть одну ночь. Русские, видно, тоже решили отпраздновать Новый год. Потому и помалкивают.

— Надолго ли? — угрюмо выдавил Шмидт.

— Что за мрак накануне Нового года? — весело возразил Адам.

— Новый год! А что он принесет нам? — так же мрачно отозвался Шмидт.— Вообще историю этих последних месяцев можно охарактеризовать одной фразой: выше головы не прыгнешь.

— Дома нас могут похоронить,— проговорил Адам.

— Ну, ну, Адам! Вижу, вы поддаетесь настроению Шмидта,— сказал генерал-полковник.

— Тут дело не в настроении,— помолчав, начал Шмидт.— Конечно, еще далеко не все проиграно, далеко не все, но интересно, сколько времени они еще будут наступать?

— До марта. Потом дороги развезет,— сказал Адам.

— Пожалуй, дольше,— процедил генерал-полковник.

— В Германии,— мрачно заявил Шмидт,— возможен кризис военного руководства.

Все помолчали, после чего генерал-полковник, зевнув, сказал:

— Все это войдет в военную историю как блестящий пример оперативного искусства русских.

— Да, они научились воевать, что и говорить! — Адам стоял, прислонившись к двери.

— Садитесь, Адам, что вы стоите.

— Спасибо, эччеленца! — Адам сел.— Можно курить?

— Разумеется. Вытяните и мне сигару вон из того ящика.

Шмидт, сидевший у стола и листавший библию, опередил Адама, передал сигару генерал-полковнику и заодно угостил себя.

Адам усмехнулся украдкой: вдобавок ко всем прочим добродетелям, которыми в избытке был набит Шмидт, он любил выпить и покурить за чужой счет.

— Что вы вычитали в библии, Шмидт?

— Я перечитывал Экклезиаст, господин командующий. Все суета, сказано здесь. Кружатся ветры на кругах своих и возвращаются на круги свои.

— Вряд ли мы возвратимся на круги свои,— заметил генерал-полковник.

— Нас одно может утешать: германская нация не забудет наших страданий и подвигов,— сказал Шмидт.

Адам поморщился.

— Мы отвоевали для нации такие грандиозные жизненные пространства! — продолжал Шмидт.— Теперь границы рейха необозримы. Возврата к старым быть не может. Трудно вообразить, что там, где мы сидим, проходит пограничная полоса с Советами. Это поразительно, не правда ли, господин генерал-полковник? Германская нация не уступит ни пяди завоеванной земли.

— И это кладбище,— добавил Адам с ироническим огоньком в веселых серых глазах.

— При чем тут кладбище? — Шмидт надменно поджал губы.

— При том, что эта полоса уже есть кладбище, которому суждено стать огромным. Вот при чем.

— Один идеалист, другой пессимист. Ну и компания! — Шмидт посмеялся.

— Напротив, оптимист, господин генерал-лейтенант. Я заживо кладу себя под деревянный крест ради фюрера. Разве это не есть высший оптимизм? Пусть граница пройдет через мою могилу. Уверяю вас, на том свете это доставит мне массу удовольствий.

— Это юмор висельника, Адам, с вашего разрешения.

— Я известный шутник, господин генерал-лейтенант. И что нам остается делать в нашем положении, как не шутить? Пусть будут мрачны те, кому после нас придется цепляться за границы рейха — старые или новые, безразлично! Пусть они вопят и бьют в барабаны по поводу священных и суверенных прав, пусть снова кричат о жизненном пространстве! А ведь так будет, если мы понесем поражение, непременно будет. К сожалению, уроки истории слишком быстро забываются. Не дай бог, чтобы тем безумцам, которые переживут нас, пришла в голову преступная мысль — снова посчитаться с Советами.— Адам помолчал.— Впрочем, мне-то что. Я буду на том свете, где пространства для умерших не занимать.

— Вы неправы, Адам,— со смехом остановил его генерал-полковник.— После этой войны пространства для душ, вознесшихся на небеса, сильно сократится. Не придется ли господу богу подумать о расширении его, как вы думаете? Может быть, ему тоже придется вторгнуться в пределы сатаны?

Адам долго смеялся.

— Однако скоро двенадцать,— поглядев на часы, сказал генерал-полковник.— Ладно, выпьем без Зейдлица и Роске. Они, вероятно, решили провести эти минуты со своими офицерами. Несите клико, Адам.

— Оно в снегу, эччеленца, во дворе. Я сейчас.

Адам вышел и вскоре вернулся с шампанским.

Покончив с гусем и незаметно выскользнув из пиршественного чертога, Хайн шел по пятам за Адамом. Бутылки с шампанским, замеченные им, настроили Хайна на веселый лад. Ясно, угостят и его. После гуся — шампанское!.. Это уж действительно настоящий пир, черт побери!

Без двух минут двенадцать Адам выстрелил в потолок пробкой, без одной минуты двенадцать Хайн помог ему разлить шампанское в бокалы. Ровно в двенадцать они поднесли шампанское к губам.

Ровно в двенадцать стены подвала дрогнули от разрыва снарядов. С потолка посыпались пыль и куски штукатурки. Раздался еще один, очень близкий взрыв.

Хайн выбежал в коридор. Там, где он пировал десять минут назад, зияла громадная дыра: снаряд, пройдя через три полуразрушенных этажа универмага, вдребезги разнес уборную. Свет в коридоре погас от взрывной волны. Люди метались в темноте. На верхних этажах бессменно дежурил офицерский охранный батальон. Там тоже началась паника. Люди отчаянно вопили, бежали стремглав вниз, кто-то стрелял, а канонада сотрясала все здание. Стреляла тяжелая артиллерия из-за Волги и все орудия, стоявшие на городском берегу,— минометы и пулеметы; длинные трассирующие линии разрезали тьму ночи.

Хайн прижался к стене возле пианино. Его трясло. Из комнаты командующего выбежал Шмидт и понесся в штаб Роске. Хайн ползком добрался до комнаты командующего. Тот сидел, уперев взгляд в пространство; лишь дергалось веко левого глаза. В остальном генерал-полковник походил на каменную статую.

Адам говорил по телефону.

— Госпо...

— Перестань, Хайн! — сказал генерал-полковник.— Не кричи. Просто они готовятся к атаке. Еще к одной атаке, только и всего.

Хайн все еще дрожал.

И вдруг — это произошло на десятой минуте — все смолкло. Разом, по единой команде. Молчание было еще более жутким, чем обстрел.

— Сейчас русские пойдут в атаку,— пробормотал генерал-полковник.— Интересно, на кого они обрушатся: на нас или на Штреккера?

Он прислушался. Паника наверху утихла. Ни рева танков, ни визга пикирующих бомбардировщиков.

Стремительно вошел Шмидт.

— Они поздравили нас с Новым годом! — визгливо закричал он еще у входа.— Наши перехватили приказ командарма шестьдесят второй.— Он рухнул на стул.

Генерал-полковник вытер пот со лба.

— Командарм шестьдесят второй к тому же обладает немалой долей юмора,— с коротким и невеселым смешком заметил он.— Адам! Шампанское еще есть. Хочу выпить за своего остроумного противника. А я не догадался поздравить его подобным же образом. Вот оплошность!

Адам разлил шампанское.

— Прозит! — Генерал-полковник поднял бокал.

Все выпили, все, кроме Шмидта.

Палач города на Волге

Через несколько дней утром явился комендант города, штандартенфюрер СС, коротконогий толстяк с расплывшимся лицом, в пенсне. Его перехватил Шмидт. Поговорив с ним, комендант постучался к командующему. Генерал-полковник сидел над картой фронта. Он был один.

— Вы вызывали меня, господин генерал-полковник? — Комендант платком вытер пот, катившийся градом: он страдал потливостью.

— Да, я вызывал вас,— сухо сказал генерал-полковник.— Прошу! — Он указал на табуретку, стоявшую по левую сторону стола.

Комендант сел, протер пенсне и водворил его на прежнее место.

— Разве так тепло на улице? — осведомился генерал-полковник, заметив непрекращающиеся попытки коменданта избавиться от пота.

— Нет, это просто так.— Комендант скомкал влажный платок и сунул в карман.— Я весь внимание.— Комендант чуть-чуть заикался: быть может, оттого, что слишком много видел всякого на своем веку.

— Скажите, в городе еще остались русские? Я подразумеваю под русскими всех, кто жил в этом городе до войны.

— Д-да, немного.

— Если вы не запамятовали, в вашем докладе месяц назад значилось, что русских мирных людей здесь нет, что все они бежали.

— Т-так точно.

— Куда и почему они бежали?

— Эт-то обычное явление, господин генерал-полковник. Они бегут от нас, как от чумы.

— Быть может, потому, что мы кажемся им чумой?

— К-коричневой, как у-утверждают большевистские комиссары,— хихикнул комендант.

— И они бегут только потому, что так нас называют комиссары?

— Н-ну, и не совсем так, господин генерал-полковник. Ев-вреи и всякая ч-чернь распускают слухи о якобы нашем н-недружелюбном отношении к м-мирным жителям.

— Замечу, что и до меня дошли эти слухи. Рейхсфюрер СС, Гиммлер то есть, ваш непосредственный верховный руководитель, при моем назначении командующим армией сказал, чтобы я уничтожил всех евреев и коммунистов. Разумеется, он шутил.

Комендант, раскрыв пухлые губы, уставился на командующего. «Или он валяет дурака, или действительно принял за шутку приказ рейхсфюрера СС!»

— Н-не думаю.

— Что не думаете?

— Шутки неуместны с марксистами и евреями, господин генерал-полковник, когда речь идет о том, чтобы полностью освободить от них Европу.

— Я не понимаю. Вы что ж, намереваетесь выселить евреев в Палестину?

«Валяет дурака!» — решил комендант.

— Палестина? Они наплодятся там и снова распространятся по всему миру.

— Значит, если я правильно понял вас, они должны быть уничтожены?

— Это в-высшая политика, господин генерал-полковник, а я лишь исполнитель.

— Исполнитель чего?

— Соответствующих п-приказов.

— Каких?

— Р-разве они не известны вам?

— Раз я спрашиваю, извольте отвечать! — резко возразил генерал-полковник.

Комендант развел руками.

— П-приказов много.

— Я спрашиваю, каких?

— Я не см-могу перечислить их.

— Извольте не паясничать! — прикрикнул на коменданта генерал-полковник.— Я вызвал вас не для того, чтобы терять время попусту. Какие приказы вы получали о евреях и мирных жителях?

— П-позвольте заметить, господин генерал-полковник, я, в сущности, не подчинен командованию ар-рмии и несу ответственность п-перед другими инстанциями.

— То есть?

— Вы уже назвали то лицо.

— Ах, вот как!

— Т-так точно.

— Значит, если я правильно понял вас, армия, оккупирующая этот район, и командование, возглавляемое мной, не вправе вмешиваться в ваши прерогативы?

— Б-более или менее.

Генерал-полковник откинулся на спинку стула и несколько мгновений молча смотрел на человека, снова принявшегося вытирать пот.

— Р-разве вас не информировали об этом? — невинными глазами глядя на командующего, спросил комендант.— Господин генерал-полковник, вы прошли со своей армией до Волги. Я далек от мысли, что вы лично истребляли марксистов и евреев, но ведь их истребляли повсюду, куда бы ни ступал германский солдат. Это его в-высшая миссия. В-ваша армия не исключение из общего правила, и я, п-простите, никак не могу понять этого п-приступа человеколюбия к элементам, п-подлежащим уничтожению во имя блага рейха.

Генерал-полковник открыл рот, чтобы возразить, и снова закрыл его. Что возразить? Он отлично знал, что его армия, как и другие, убивала тех, кого Гиммлер называл марксистами и евреями. Будь генерал-полковник и его армия в другом положении, подобного рода разговора не могло бы случиться. Но армия в котле, в котле и ее командующий. Генерал-полковник не думал о смерти. Толстые стены подвала оберегали его от бомб и снарядов. Но он мог попасть в плен. И хотя Шмидт говорил, будто германские генералы не сдаются в плен, они сдавались и сдаются. Если верить русским, их вовсе не вешают и не пытают. Может быть, так оно и есть. Однако допроса не миновать. И не миновать разговора об уничтожении людей, тысяч и сотен тысяч людей... И ответственности за это тоже... И вот теперь, когда генерал-полковник исподволь приучил себя к мысли, что во всем виноват вовсе не он, а фюрер и те, кто ему что-то там советует, надо было найти виновника убийств русских мирных людей. Виноваты, разумеется, фюрер и Гиммлер. Но они далеко. Непосредственного виновника надо найти здесь. Почему бы им не быть вот этому типу, от которого так отвратительно пахнет потом?

Генерал-полковник взглянул на сидевшего перед ним штандартенфюрера СС, на толстощекое лицо, на лоб, покрытый капельками пота.

«Он и ответит!»

Решив так, генерал-полковник встал в позу человека, который решительно ничего не понимает, не знает об издевательствах, совершаемых над беззащитными людьми. Более того, его, оказывается, обманывают! Обманывают до сегодняшнего дня.

«Есть преступники объективные и есть преступники субъективные,— размышлял генерал-полковник.— Ведь лично я никого не убил — значит, хотя, быть может, я и преступник, но преступник символический, отвечающий за все вообще. А вот этот, плавающий в поту, безусловно, преступник без всяких скидок на «вообще»!»

И, напустив на себя вид человека, разъяренного до предела, генерал-полковник сказал, не отводя сверлящего взгляда от коменданта:

— Отвечу вашими же словами. Приказов слишком много. Я не успеваю читать их. Но в одном могу заверить вас, господин полковник... Имеются ли подобные ограничения власти командующих армиями в других оккупированных районах или нет, я не знаю, но у себя в армии я не потерплю исполнения приказов об уничтожении мирных людей. С вашего разрешения, я солдат, а не палач.

— П-палачи, господин генерал-полковник, к сожалению, п-профессия необходимая при соответствующих обстоятельствах.

— У меня в армии их нет и не будет! — истерически выкрикнул генерал-полковник.— Слышите: не будет! — «Отлично, отлично!» — подбадривал он себя.

— Все возможно, господин генерал-полковник.

— И не будет палачества!

Комендант пожал плечами.

— Б-без того не обойтись, если не вам, то нам.

— Хорошо, оставим это. Вернемся к тому, с чего я начал. Вы сказали, что все мирные жители, за исключением немногих, покинули город. Это было до прихода моей армии сюда?

— И п-после.

— Как они могли уходить, если все входы и выходы из города закрыты?

— Их ловили, очевидно.

— Кто?

— Н-не русские же, господин генерал-полковник.

— Значит, их ловили...

— Мы. То есть действующие на оккупированных территориях группы СД.

— Но ведь группы СД, как я знаю, наблюдают за безопасностью в зоне военных действий, в тылу, разве не так? Это служба безопасности, если определить точно функции СД.

— С-совершенно верно. Но русские с их ужасно примитивным мышлением называют группы СД карателями. Может быть, потому, что СД действительно карают ослушников и врагов рейха.

— То есть заботятся об охране политической нравственности русского населения, оставшегося на оккупированных нами территориях, так, что ли? — Генерал-полковник нагонял и нагонял на себя раздражение.

— В-в принципе, конечно. Но для этого СД и специальным группам, называемым эйнзатцкомандой, приходится заниматься делами не совсем приятными.

— То есть?

— Господин генерал-полковник,— взмолился комендант,— скажите, ради бога, вы шутите или всерьез?

«Ах, вот как? — рассвирепел генерал-полковник.— Вдобавок ко всему ты хочешь уличить меня в комедиантстве? Ну, поберегись!»

— Молчать! — выкрикнул он.—Я сейчас так далек от шуток, как никогда... Что вы называете не совсем приятным делом?

— Л-ликвидацию...

— Ликвидацию кого?

— Тех, кто угрожает безопасности армии, рейха и подрывает политическую н-нравственность русского населения, вверенного нашему попечению.

— Кто они?

— Н-ну, в первую очередь комиссары, потом евреи и вообще так называемые советские служащие.

— Советские служащие? То есть чиновники?

— Так точно.

— Чиновники угрожают нашей армии и рейху? Да вы что, издеваетесь надо мной! — Генерал-полковник повысил голос.— Насколько я знаю, чиновники — самые мирные и спокойные люди... Много их было в городе, когда мы вошли сюда?

— П-порядочно.

— И некоторые из них хотели покинуть город?

— Так точно.

— Слава богу, наконец мы добрались до желтка. Значит, СД и эйнзатцкоманда ловили мирных людей, когда они по неизвестным причинам собирались покинуть город, а их... Как вы сказали?

— Л-ликвидировали.

— Ликвидировали только за то, что они не желали оставаться в зоне военных действий и хотели спасти свои жизни?

Комендант молчал.

— Командование армией знало об этом... об этом мероприятии?

— Б-безусловно, господин генерал-полковник. Как же иначе!

— Кто мог знать об этом из моих подчиненных?

— Если этого не з-знали вы, господин генерал-полковник, то об этом н-непременно дол-

жен знать генерал-лейтенант Шмидт. То есть оп-перативная часть штаба.

«Великолепно! — со злорадством подумал генерал-полковник.— Значит, есть еще один виновник, и он — Шмидт? Пусть отвечает вместе с этим сукиным сыном. Уж кого-кого, а Шмидта я не пожалею!» И вслух сказал:

— Почему вы думаете, что об этом знала оперативная часть армии?

— Потому что через оперативное управление группы армий фельдмаршала Вейхса она п-подчиняется главному оперативному управлению генерального штаба сухопутных войск, господин генерал-полковник.

— То есть генерал-лейтенанту Адольфу Хойзингеру?

— Так т-точно!

— Я знаю генерала Хойзингера, долго работал вместе с ним. Он принимал деятельное участие в составлении «плана Барбаросса»...

— Плана нападения на Советы, хо-тите вы сказать? — с намеком произнес комендант. Ему было известно, что и генерал-полковник приложил руку к этому плану.

— Я сказал, что сказал,— раздраженно заметил генерал-полковник.— Но при чем генерал Хойзингер в данном случае?

Комендант снова оторопело посмотрел на сгорбившегося командующего армией.

— Да ведь именно генерал Хойзингер п-подписал директиву о том, что п-политические руководители Советской Армии не д-должны считаться военнопленными и должны уничтожаться самое п-позднее в т-транзитных лагерях. Генерал Хойзингер прямо указывает, что самое лучшее — устранять их посредст-твом повешения.

— Но ведь это касается только комиссаров, насколько я понимаю.

Комендант пожал плечами:

— Н-ну, не совсем так. Имеются в виду и п-просто те, кто может быть обременительным свидетелем...

— Свидетелем чего?

— Наших... э-э... акций по ликвидации всех врагов рейха. А русские, см-мею заметить, почти сплошь враги рейха.

— Так и сказано в директиве Хойзингера?

— Б-безусловно, господин генерал-полковник. Он же связан с гестапо и п-полицией безопасности, а они занимаются этим же. И фюрер, н-насколько я з-знаю, очень доволен его решительностью в уничтожении врагов германской нации.

— Хорошо. Последний вопрос: чем занимаетесь вы?

— Я?

— Да, вы!

— Н-навожу порядок в городе.

— Порядок в городе!.. Разве еще остались люди, которые могли бы нарушить его?

— Они были.

— Но теперь их нет. И вы, значит, не страдаете от обилия работы?

— П-пожалуй.

— Так вот, вы возьмете автомат и с этого часа будете просто солдатом. Комендантом я назначу человека, который далек от политики и очень хорошо знает, что такое мирный человек и как с ним надо обращаться. Итак?

Комендант, вспотев с ног до головы, выкрикнул:

— Я подчиняюсь не вам, а рейхсфюреру СС!

— С этой минуты вы подчиняетесь мне. Если попытаетесь уклониться от несения солдатской службы, я вас ликвидирую. Вы свободны.

Комендант, пошатываясь, вышел.

Генерал-полковник сидел некоторое время молча. Теперь ему нужен был свидетель. Свидетель того, как справедлив он в расправе со злодеями.

— Хайн!

Никто не ответил. Генерал-полковник открыл дверь клетушки. Адам спал, но, почувствовав прикосновение руки, тотчас проснулся.

— Да, эччеленца? Простите, я заснул.

— Ничего, ничего. Сделайте одолжение, пойдите в город, найдите какого-нибудь русского человека, не военнопленного, а из мирных жителей, и приведите сюда.

— Слушаюсь, эччеленца! — Адам понятия не имел, зачем командующему понадобился русский человек и где его разыскивать. Он воздержался от вопросов.

— Идите. И попросите ко мне Шмидта.

— Да, эччеленца!

Шмидт пришел злой: он еще не успел позавтракать.

— Садитесь,— прозвучал властный голос.— И прошу отвечать без всяких там психологических этюдов.

Шмидт с ужасом подумал, что его роль в штабе армии раскрыта. Командующий вызывал коменданта. Тому, разумеется, известна вся агентура СС и гестапо в армии. Он пытался выудить у коменданта, зачем его вызвал командующий.» Тот разводил руками. Как на иголках, сидел Шмидт у себя, пока командующий разговаривал с штандартенфюрером СС.

— Я всегда готов отвечать на любые ваши вопросы,— напыщенно проговорил Шмидт.— При чем тут психологические этюды?

— Вам известно, что на территории, занятой армией, или на той, что была занята до окружения, действуют оперативные группы полиции безопасности?

— Так точно, господин генерал-полковник! Вернее, не оперативная группа, потому что она огромна и сфера ее действий — армейская группа фельдмаршала Вейхса, а оперативная команда.

— Вы знакомы с ее задачами? — спросил генерал-полковник, готовясь еще к одному спектаклю.

— Разумеется. Ликвидация всех лиц, угрожающих безопасности рейха и чистоте германской расы. Группы были направлены в армейские соединения, а команды — во все армии, как только мы покинули границы рейха, господин генерал-полковник. Делалось это в порядке соглашения между начальником верховного главнокомандования фельдмаршалом Кейтелем, рейхсфюрером СС Гиммлером и начальником оперативного управления генерального штаба генералом Хойзингером.

— Кейтель и Хойзингер подписали соглашение об уничтожении целых наций?

— Бог мой, но вы сами подписали приказ о назначении связного между командованием армией и эйнзатцкомандой!

— Я?

— Могу принести приказ.

Генерал-полковник помолчал. «Ах, вот как! Значит, есть документы!»

— Когда я подписал приказ?

— При вступлении в эту область.

— Этого не могло быть!

— Тем не менее,— усмехнулся Шмидт,— вы его подписали. Быть может, вы не вникли в суть дела и подписывали механически. Возможно, ваши мысли в тот момент шли в ином направлении. Но факт остается фактом. Что делать, господин генерал-полковник! Все мы связаны одной веревочкой и все понесем ответственность.

— «...понесем ответственность»,— повторил генерал-полковник.

— Поэтому я вчера сказал вам: германские генералы не имеют права сдаваться в плен большевикам.

— Да, да, конечно.

— Кроме того, господин генерал-полковник, русской разведке отлично известно, кто именно в германском генеральном штабе разрабатывал план нападения на Россию и блокирования всей области до западных отрогов Урала. Равным образом они знают, что автор плана и тот, кто привел свою армию, куда еще никогда не ступала нога германского солдата,— одно лицо. И это лицо — вы! — Последние слова Шмидта прозвучали подобно выстрелу из пистолета прямо в сердце человеку, стоявшему напротив.

— Я понимаю это, Шмидт,— устало сказал генерал-полковник.— Простите, еще одну минуту. Приказываю распустить эйнзатцкоманду, а людей ее послать рыть траншеи.

— Это уже сделано. Поскольку у них иссякли возможности деятельности...

— То есть они ликвидировали всех, хотите вы сказать?

— ...мы нашли целесообразным занять людей команды другими работами.

— Хорошо. Прошу немедленно найти тот приказ и прислать мне. Сейчас же! Без промедления! Идите!

Шмидт вышел с веселым лицом. «Пронесло!»

«Одной веревочкой...» — вспомнились генерал-полковнику слова начальника штаба.— Одной веревочкой с людьми вроде Гиммлера! Бог мой! Отныне я сообщник этого мерзавца — штандартенфюрера СС и Шмидта, которого знать не знал восемь месяцев назад... Кстати... Почему так внезапно был снят мой предыдущий начальник штаба и заменен Шмидтом? Почему на все мои возражения не последовало ответа? Почему Йодль, когда я через фельдмаршала Вейхса выразил свое удивление и протест, передал мне, чтобы я не вмешивался в функции оперативного управления главного командования? И почему всякий раз, когда мы в разговоре с Адамом упоминаем имя Шмидта, Адам подозрительно усмехается? Что он знает? Что скрывают от меня? Быть может, кто-то стоит тенью за спиной Шмидта?»

Генерал-полковник встал и, тяжело ступая, прошелся по комнате. Серый, унылый день... Вот уже начался новый год! С новым счастьем, ха-ха! С новыми радостями, ха-ха, с новыми успехами, ха-ха!

Толстяк Эберт принес приказ, козырнул, повернулся, словно на пружине, и вышел. Генерал-полковник перечитал приказ, чиркнул спичкой, сжег бумагу, сдунул пепел на пол и растоптал его.

Вошел Адам, повел носом.

— Чем-то пахнет, эччеленца?

— Пахло чем-то весьма нехорошим. Но теперь все в порядке. Кстати, Адам, я все хотел спросить вас... Почему вы так недружелюбны к Шмидту?

— Эччеленца?!

— Вы усмехаетесь всякий раз, когда мы заговариваем о нем в его отсутствие.

— Мне... Хм! Мне не слишком нравятся некоторые черты его характера.

— И только? — Взгляд генерал-полковника неотступно следил за выражением глаз адъютанта.

— Так точно,— последовал не совсем уверенный ответ.

— Мне лжет Хайн, Адам,— сухо заговорил генерал-полковник.— Он лжет на каждом шагу, но его ложь мальчишеская, глупая и безвредная. Зачем лжете мне вы?

— Эччеленца!

— Адам, вы косите глаза...

— Но...

— Вы покраснели к тому же.

— Да, я сказал неправду.— Адам стоял, повесив голову, как Хайн в минуты раскаяния.

«Мальчишки оба!» — подумал генерал-полковник.

— Итак?

— Я бы не хотел передавать вам сплетен, эччеленца.

— Сплетен?

— Да. Но ведь это только сплетня...

— Именно?

— Этого никто не знает наверняка.

— Адам! Вы выводите меня из терпения.

— Эччеленца, в штабе говорят, будто генерал-лейтенант Шмидт — приставленный к вам шпион гестапо.

Генерал-полковник вздрогнул, словно его обожгло ударом бича.

«Ну, в таком случае, Шмидт, вы не отвертитесь. Даю слово, приложу к тому все старания!» — Генерал-полковник жестко усмехнулся.

— Но, эччеленца, повторяю, кто может это знать!

— Да, конечно,— рассеянно проговорил генерал-полковник.— Знает только он. Если это правда, разумеется.

— Да, эччеленца.

— Вы помните приказ фельдмаршала Вейхса о снятии бывшего нашего начальника штаба, Адам?

— Это было в апреле.

— Почему его сняли и заменили Шмидтом?

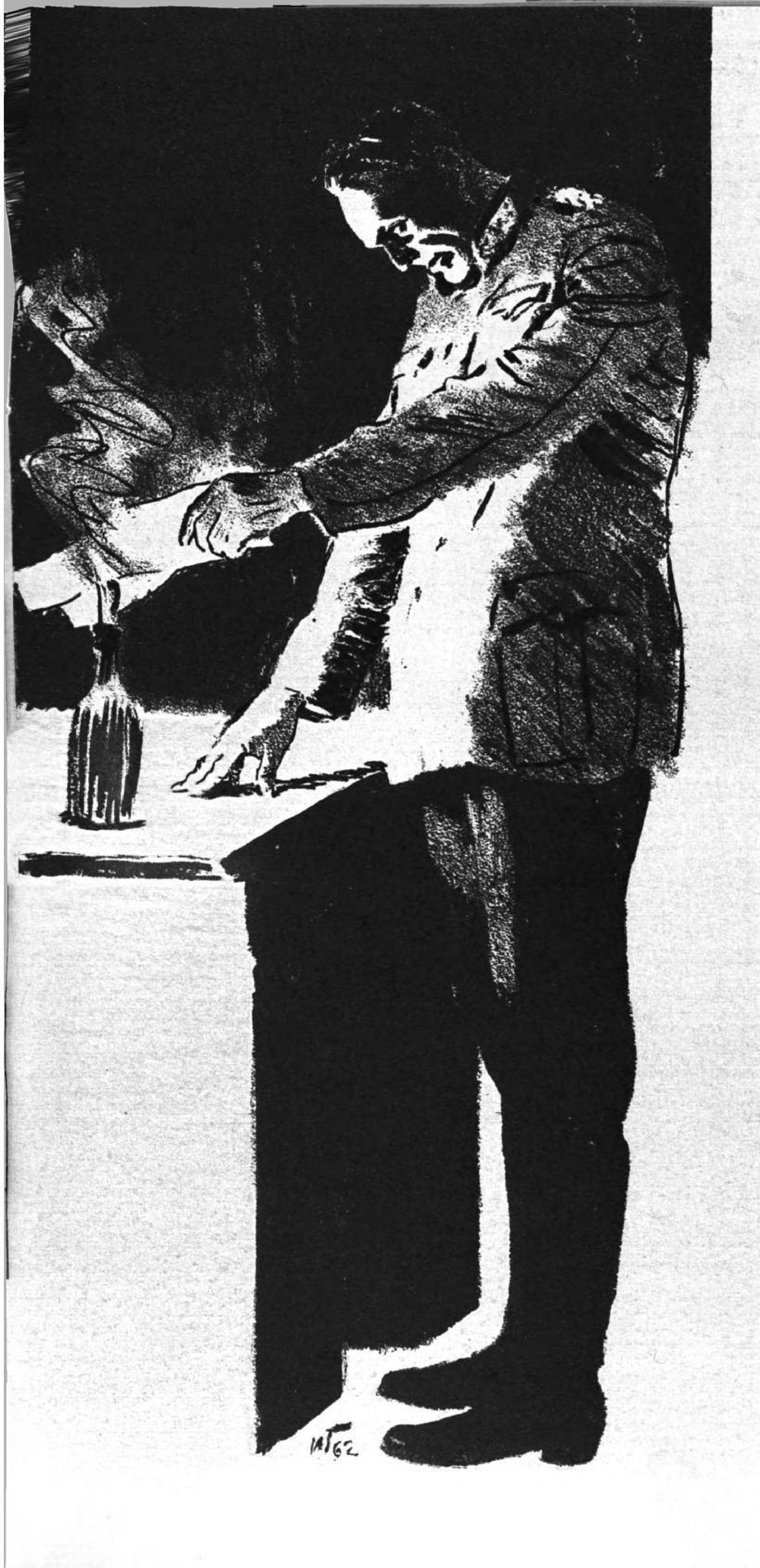
Адам пожал плечами.

— Хорошо. Забудем этот разговор до тех пор, пока я не возобновлю его сам. Вы нашли русского?

— Так точно. Он в приемной, эччеленца.

— Пригласите его. У нас есть какая-нибудь еда и выпивка? Принесите, что найдете...

Продолжение следует.

НА КИЕВСКИХ КРУЧАХ

Любомир ДМИТЕРКО

* * *

В круговращающихся тучах,
Поднявшись ввысь, раздавшись вширь,
Ногами твердо став на кручах,
Уперся в небо богатырь.

В Днепре, пещеры в кручах выев,
Дробит каменья водоверть,
А богатырь, чье имя Киев,
Стоит в веках, поправши смерть.

Изведал он удары грома,
И все же рос, и все же рос,
Тянулся к солнцу, к окоему,
Все пережил, все перенес.

И юность видит эту силу,
Ее бессмертные следы
Там, где Аскольдова могила,
Где Голосеева сады.

А с пьедестала, недвижимый,
Щитом уставив крест вперед,
Глядит чугунный князь Владимир
На реактивный самолет.

* * *

Я не могу! Так дальше невозможно!..
Одолевая тяжесть, человек
Настойчиво, мятежно и тревожно
Берет с земли космический разбег.

Опять! Опять! Все выше неизменно!
Наступит час, и множество ракет
Помчится ввысь, в такую даль вселенной,
Где нет конца, как и начала нет.

И только я не в силах отчего-то
Преодолеть хотя бы в жизни раз
Ни горы мною начатой работы,
Ни блеск твоих, меня сковавших глаз.

Пускай другим космические крылья,
Пускай причалы в космосе не нам —
Дорогу к счастью тоже мы торили,
А значит, путь к планетам и мирам.

* * *

Есть в Киеве одна из новых улиц.
Иду по ней. Стекло и камень. Клумбы.
Она неугомонна, точно улей.
На ней табличка: «Улица Лумумбы».

С печерских круч закат бросает пламя,
И мнится мне, зовя меня помочь,
С глазами негра, грустными глазами,
Сойдет сейчас тропическая ночь.

В движенье улиц что-то есть от рек:
Как в океан, они впадают в площадь,
И переулки в них кончают бег,
Их ветры бьют, и ливни их полощут.

И я плыву. Река меня несет
Туда, где зноем выжжены саванны,
Где Африка срывает, как лианы,
Колониальный ненавистный гнет.

Я только мельком Африку видал,
Летя в другой конец земного шара,
Но в знойной меди видел Сенегал
И бронзовую мертвую Сахару.

Я видел ночь печальных черных глаз
И блеск надежды в их зрачках лучистых.
Я не могу забыть и по сей час
Гигантов черных, рослых и плечистых.

Он нежным был. Он был совсем иным.
Поэт, мечтатель с щедрыми руками.
И счастлив я, что повстречался с ним —
Неколебимым, стойким и живым —
На склоне меж печерскими садами.

Перевел с украинского
Дмитрий СЕДЫХ.

За семью горами

В. ПОДКУРКОВ

Мы, два советских журналиста, летим в Непал. Невелико расстояние между Дели и Катманду — менее трех часов полета на маленькой и дряхлой «Дакоте». Но в течение веков мало кто мог проникнуть сюда, и очень немногие знали об этой стране. Долгое время Непал считался «царством отшельников», «страной за семью замками». До 1949 года здесь побывало, как свидетельствует статистика, не более трехсот иностранцев. Непал — одна из наименее исследованных стран на земле.

Самолет пересекает южную, с Индией, границу Непала, и мы видим у подножия гор узкую равнинную полоску земли — тераи. Это одно из самых «мокрых» мест на нашей планете. Здесь в году только четыре «сухих» месяца. Тераи покрыты джунглями, топями и болотами. А дальше — сплошные горы. Они идут, как шеренги солдат, с юга на север, тремя параллельными ступенями, поднимаясь все выше и выше: сначала гряда Сивалик, затем Махабхарат и третья — Главный Гималайский хребет.

Центральную, самую высокую часть Гималаев занимает Непал. Уходя вершинами в облака, как стражи вечного безмолвия, возвышаются суровые и грозные «восьмитысячники» Канченджанга, Аннапурна, Дхаулагири, Макалу и над ними — высшая точка земли Джомолунгма — «богиня — мать мира», или, по-непальски, Сагарматха — «неба достигающая».

Наш самолет долго петлял в ущельях и вдруг неожиданно оказался над долиной, прорезанной реками, усеянной рисовыми полями, рощами деревьев, сквозь кроны которых виднелись пирамидальные верхушки многочисленных храмов.

...Долина Катманду — 25 на 30 километров,— окруженная со всех сторон Гималаями, возвышается на 1 360 метров над уровнем моря. В этой долине расположены главные города страны: Катманду, Патан и Бхатгаон. Население занимается главным образом земледелием. На первый взгляд лица непальцев могут показаться непроницаемыми. Но при ближайшем знакомстве убеждаешься, что этот трудолюбивый народ очень общителен, приветлив и гостеприимен.

Города невелики, но многолюдны и по-восточному шумны. На узких улочках прямо на земле разложены незатейливые товары, овощи, фрукты. И кажется, продавцов больше, чем покупателей. Повсюду снуют любопытные ребятишки, идут, ритмично раскачиваясь, носильщики, деловито едут велосипедисты, изредка появляется автомашина, а вот промчался и наш «Москвич». В речке, спасаясь от жары, прохлаждаются буйволы, над водой — только ноздри, глаза и рога. Неторопливо, важно и торжественно шествуют флегматичные коровы. Они священны и неприкосновенны. В тени лениво дремлют собаки. Дома большей частью двухэтажные, с выступающими карнизами, защищающими от солнца и дождя. В нижнем этаже обычно лавка, мастерская, иногда хлев или курятник.

Нигде, пожалуй, вы не увидите такого обилия старинных храмов, как в долине Катманду.

Величественный древний буддийский храм Боднат, высотою более 40 метров, построен еще до нашей эры. Это — кубическое здание с полукруглым куполом, увенчанным башней и тонким шпилем, верх которого напоминает нераскрывшийся цветок лотоса. С каждой из четырех сторон башни за вами неотступно следят огромные глаза всевидящего Будды.

На вершине лесистого холма стоит храм Сваямбунат. Рядом с ним живут сотни священных обезьян. Ими, как гроздьями, усеяны окрестные деревья.

— Не смотрите им пристально в глаза. Это их раздражает, и они становятся агрессивными,— говорит сопровождающий нас непалец.

Но обезьяны, занятые своими делами, ведут себя мирно. Непальский мальчик, серьезный и любознательный, увязавшийся за нами и чувствующий себя здесь хозяином, вдруг издает «тарзаний» вопль, и моментально с деревьев сыплется, окружает нас множество обезьян. Мальчик разбрасывает зерна, и зверьки торопливо, как-то удивительно по-человечески, подбирают их лапой и отправляют в рот.

Целый городок у реки Багмати занимает стариннейший храм брахманистов, Пашпатинат. Сюда приходят паломники, фанатичные старики и старухи, чтобы быть после смерти сожженными на специальных сооружениях у священной реки. В этот храм и до сего времени не пускают европейцев.

Их очень много, этих великолепных храмов и святилищ-чайтий, вдохновенно украшенных искусными фигурами и тонкой резьбой. Их около трех тысяч только в долине Катманду.

В Непале немало удивительного для иностранца, и за последние годы сюда зачастили туристы. В городах мы часто встречали группы американцев, точнее, американок, весьма преклонного возраста, не по летам живых и энергичных.

— У нас создается впечатление, что в США живут одни богатые старушки,— шутит гид.— Вероятно, на склоне лет их привлекает наша экзотика.

Да, Непал и впрямь страна экзотическая.

Посмотрите на карту Непала, и вы увидите прямоугольник, вытянувшийся с востока на запад, длиною примерно 800 и шириною 200 километров, вклинившийся между Индией и Китаем. «Тоненькая начинка в бутерброде между двумя большими кусками хлеба»,— сказал нам в беседе министр иностранных дел Непала.

Здесь, идя с юга на север, на протяжении всего двухсот километров вы найдете все разнообразие климата, животного мира и растительности субтропиков и Северного полюса: от вечного лета до вечной зимы. Климат на этой узкой полосе и субтропический, и умеренный, и альпийский, и холодный — постоянно зеленые поля, леса, джунгли и белое безмолвие никогда не тающих снегов. Здесь можно увидеть пальмы, бамбук, березы и клены, альпийские луга и многометровые сугробы. Здесь выращивают бананы, манго, сахарный тростник и рожь, кукурузу, картофель, лук. Здесь водятся тигры, слоны, носороги, кобры, крокодилы, лисы и волки. Рядом с попугаями и нектарницами соседствует наш знакомый воробей.

Все реки Непала устремляются в Ганг. В узких ущельях, прорезая Гималаи, они текут на глубине тысячи метров, пересыхают зимой, а летом, в период дождей, иногда за сутки поднимаются на 10 метров.

В глубину веков уходит история этой древней страны. Уже в III веке до нашей эры в долине Катманду существовало сильное княжество. Аборигенами страны были племена тибетского происхождения, затем в разное время с ними смешались индийские племена неваров и гурккхов. До XVIII века Непал представлял собой независимое государство.

В начале XIX века сюда явились англичане. И хотя Непал формально считался по-прежнему независимым, он фактически попал под протекторат Англии.

Власть в стране захватил английский ставленник, крупный непальский феодал Джанг Бахадур Рана. Члены династии Рана более ста последних лет владели Непалом, как своей вотчиной. Король был отстранен от государственных дел, ему воздавались королевские почести, но запрещалось выезжать за пределы Катманду. Пост премьер-министра занимал Рана, и этот пост стал наследственным. Все важнейшие должности в государстве захватили члены семейства Рана. Глава семьи был премьером, один его брат — главнокомандующим, другой — верховным судьей, остальные — министрами. Сын премьера в день появления на свет получал звание генерала. Да и вообще генералами могли быть только родственники премьера. Запрещалось строить дома больших размеров, чем у Рана. Только в долине Катманду этой династии принадлежало 60 дворцов. Три четверти доходов государства шло в карман алчного семейства.

И так сто лет. Никаких законов не существовало, до 1924 года продолжалось узаконенное рабство. Непал был одной из самых отсталых феодальных стран Азии.

Но свежий ветер проник и через Гималаи.

После второй мировой войны в Непале бурно развернулось антифеодальное движение. 18 февраля 1951 года последний Рана был свергнут народом. Этот день ежегодно отмечается как национальный праздник. Позже впервые в истории страны был избран парламент, во главе которого стали лидеры партии «Непальский конгресс». С декабря 1960 года правительство возглавляет король Непала, который обнародовал декларацию о роспуске парламента, запрещении политических партий и установлении «режима прямого правления». Правительство Непала проводит политику нейтралитета, укрепления независимости и суверенитета государства, придерживается принципов мирного сосуществования и добрососедских отношений, выступает за ликвидацию колониальной системы.

Современный Непал получил в наследство не только древнюю культуру, но и древнюю мотыгу, отсталое, слаборазвитое хозяйство.

Почти все десятимиллионное население страны занято в сельском хозяйстве. Пахотной земли не так уж много. Она отвоевывается у гор, по их склонам непальцы с удивительным искусством создают террасы. Здесь выращивают рис (основной продукт питания, на юге его собирают по два урожая в год), джут, сахарный тростник. Большая часть пригодных для обработки земель — это «бирта»: дарственные земли, собственность феодалов, за которые они не платят государству ни одной рупии, но сами получают с крестьян-арендаторов две трети урожая.

Месяц назад, как рассказали нам гостившие в июне в Советском Союзе непальские журналисты, принято решение о земельных преобразованиях: система «бирта» ликвидируется, земли передаются в ведение государства, а владельцы получают определенную компенсацию.

Недра гор богаты железом, медью, золотом, свинцом, нефтью, углем, графитом, слюдой. Богатства рядом, но не хватает средств на их разработку. Как гласит древняя непальская поговорка, «нужда в деньгах в доме у Кубера» — бога богатства. Промышленности, по существу, нет, если не считать кустарных мастерских и небольших предприятий по переработке риса, джута.

Нам рассказали о проекте второго плана развития страны, рассчитанного на три года, начиная с июля 1962 года, или, по непальскому летосчислению, с июля 2019 года. В нем основное внимание уделено улучшению руководства, расширению транспорта и связи, развитию сельского хозяйства и промышленности.

Перед второй мировой войной подавляющее большинство населения Непала было неграмотным. Сейчас создано более трех тысяч школ, 27 колледжей, университет, сообщил нам министр образования и национального руководства.

Перед отъездом нас принял король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева. Беседа проходила в летней резиденции — одноэтажном, просто обставленном доме, стены которого украшены охотничьими трофеями.

Король считает, что Непал «не может разрешить своих проблем методом проб и ошибок, характерных для капиталистической системы производства. Похоже, что Непалу уготован средний путь».

Говоря о взаимоотношениях с Советским Союзом, король сказал:

— Я посетил Советский Союз в 1958 году, побывал в разных районах вашей страны. У меня хорошие воспоминания об этом визите. Встречали нас всюду тепло и радушно. Мы никогда не забудем прием, который был нам оказан в вашей великой стране. Я стремлюсь улучшать дружеские отношения между двумя нашими странами. Мы с благодарностью воспринимаем участие вашего народа в развитии нашей страны.

Советский Союз оказывает непальскому народу бескорыстную помощь: помогает строить электростанцию, сахарный завод, сигаретную фабрику, шоссейную дорогу Восток—Запад. Нашим специалистам пришлось преодолеть немало трудностей, прокладывая в джунглях первую очередь трассы будущей основной дороги, которая так нужна для связей внутри страны.

Непальский народ высоко ценит экономическую помощь Советского Союза, основанную на невмешательстве во внутренние дела, уважении суверенитета страны. Непальцы хорошо знают, что советские люди искренне желают им успехов в укреплении национальной экономики, прогресса и процветания. Вот почему всюду в Непале мы встречали радушие, дружеское отношение к советским людям, к нашей стране.

Когда непалец хочет сказать, что все идет хорошо, он приводит древнюю непальскую пословицу: «Туман в месяц паус, капли в месяц маг, ливни в фальгон, солнце в месяц чайтра — все предвещает хороший урожай».

Пусть так и будет!

Площадь в столице Непала Катманду. Причудлива архитектура непальской столицы.

Фото автора.

Бахадур
ана более
ли Непа-
. Король
ственных
ролевские
выезжать
ст премь-
а, и этот
ным. Все
государ-
семейства
ремьером,
командую-
им судьей,
Сын
ия на свет
. Да и во-
быть толь-
ра. Запре-
льших раз-
но в доли-
ии принад-
четверти
в карман

их законов
4 года про-
рабство.
мых отста-
Азии.
ик и через

й войны в
улось ан-
18 февра-
й Рана был
день еже-
националь-
впервые в
бран парла-
стали ли-
ский кон-

Нам рассказали о ...
рого плана развития страны, ра...
считанного на три года, начиная ...
июля 1962 года, или, по непал...
скому летосчислению, с ...
2019 года. В нем основное вни...
ние уделено улучшению руководст...
ва, расширению транспорта и св...
зи, развитию сельского хозяйст...
и промышленности.

Перед второй мировой войной
подавляющее большинство на...
ления Непала было неграмотны...
Сейчас создано более трех тыс...
школ, 27 колледжей, университ...
сообщил нам министр образован...
и национального руководства.

Перед отъездом нас принял ...
роль Непала Махендра Бир Би...
рам Шах Дева. Беседа проходила ...
летней резиденции — одноэт...
ном, просто обставленном до...
стены которого украшены охо...
ничьими трофеями.

Король считает, что Непал не ...
может разрешить своих пробле...
методом проб и ошибок, характер...
ных для капиталистической сист...
мы производства. Похоже, что Не...
палу уготован средний путь.

Говоря о взаимоотношениях с
Советским Союзом, король сказал:

— Я посетил Советский Союз в
1958 году, побывал в разных ра...
онах вашей страны. У меня за...
шие воспоминания об этой ...
те. Встречали нас всюду тепло ...
радушно. Мы никогда не забуд...
прием, который был нам оказан ...
вашей великой стране. Я стре...
люсь улучшать дружеские от...
шения между двумя нашими ст...
нами. Мы с благодарностью ...
принимаем участие вашего ...
... нашей страны.

«Три толстяка» Ю. Олеши на сцене МХАТа имени Горького. Сцена из 2-го акта.

Фото Е. Умнова.

Суок — артистка Н. Гуляева. Доктор Гаспар Арнери — А. Покровский.

«СУХОЙ ЛИСТ» И ЛАВРЫ

Лев КАССИЛЬ

Две недели мы, болельщики, чувствовали себя так, будто жили в самом эпицентре великого сердцетрясения и извержения страстей — Чили. Наши добрые друзья, а часто и совсем незнакомые люди где попало беспрерывно одолевали нас расспросами, касающимися событий, происходящих на футбольных полях Сант-Яго, Винья-Дель-Мар и Ранкагуа. А на днях мне рассказали об одном эпизоде, происшедшем на одном важном совещании. Никак не удавалось разрешить мелкий, но коварный вопрос. И вдруг один из участников совещания, хлопнув себя по лбу, воскликнул:

— Товарищи, я нашел выход! Эврика!

Что тут было! Все вскочили и окружили оратора.

— Ну, ну! Не томи! Какой счет, говори.— И в ответ на недоуменное молчание пояснили: — Ты же сказал «Арика»!

А когда недоразумение выяснилось, когда стало ясно, что речь шла об эврике, что значит по-гречески «нашел», а не о чилийском городке Арике, бедного оратора и слушать не захотели.

Невозможно было дать ответ на волнующий всех вопрос: чем закончатся битвы в Арике и в других городах Чили? Но некоторым знатокам было не так-то легко расписаться в своем неведении, поэтому часто можно было слышать от них комментарии примерно такого рода:

— Собственно, расстановка сил такова, что мы, вне сомнений, имеем большие шансы. Но, с другой стороны, учитывая, так сказать, экстра-класс мирового футбола, технику «сухой лист»... Однако я лично, если хотите знать...

Когда мы слышали такие тирады, то лишь молча улыбались. Даже сам Гавриил Качалин, старший тренер сборной СССР, вряд ли смог бы сказать нам что-нибудь заранее. И как тут предсказывать? Издавна известна футбольная мудрость, гласящая, что мяч круглый и катится одинаково в разные стороны. А тут еще надо было помнить, что не только мяч, но и земля круглая и на разных сторонах шара земного живут отличные футболисты, которые съехались в Чили, чтобы переправить «Золотую богиню» именно под ту широту и долготу, где они прописаны на округлости планеты.

Вот тренер команды Уругвая Хуан Лопес еще раз блистательно подтвердил, как важно быть скромным в прогнозах. В канун матча с югославами, опустив глаза, он деликатно заявил, что два победных очка в предстоящей встрече уругвайцам обеспечены. Ан выполнить эту заявку его футболистам как раз и не удалось. Как известно, они проиграли со счетом 1 : 3.

К еще большему конфузу привела заносчивость новоиспеченного «испанца» Пушкаша. Этот бывший венгр прямо, без лишних стеснений объявил, что в случае проигрыша испанцев команде Бразилии он готов уйти с поля в чем мать родила. Ну что же, бразильцы, можно сказать, морально сняли с Пушкаша трусы и выиграли матч со счетом 2 : 1. Да, не скажи «гол», пока судья не засчитал! И не вписывай в таблицу очки, пока рефери не просвистел конец игры.

Мы все — и игроки нашей сборной и любители футбола — тоже получили наглядный урок в этом смысле. Уже казалось, что дело сделано, что игру с командой Колумбии наша сборная СССР закончит со счетом 3 : 0. А к финальному свистку уже вписанная многими нетерпеливыми болельщиками в таблицу двойка похудела в два раза и стала единицей...

Как это ни звучит парадоксально, но сейчас ясно, что кульминацией, решившей исход матча, был гол, забитый Понедельником во втором тайме. Именно этот гол слишком рано успокоил нашу команду и внушил ей всегда пагубную мысль, что победа в кармане. Счет 4 : 1 наши игроки, вероятно, восприняли как итоговый, полагая, что теперь-то уж с ним должен примириться и противник. А тот не внял этой примитивной арифметике.

Казус в Арике, приведший к потере важного очка, казалось, послужил хорошим уроком для наших ребят. И если в игре с Колумбией наши позволили превратить свою победу в ничью, то во встрече с Уругваем ничейная арифметика была заменена алгеброй подлинной спортивной страсти. Однако, едва мы вступили в ту решающую зону, когда первая же неудача становится смерти подобной, команда наша сошла с дорожки, проиграв чилийцам, и таким образом оказалась вычеркнутой из числа тех, кто надеялся испить славу из кубка «Золотой богини». Ну что же, подавим тяжелый вздох и попробуем разобраться в случившемся, как это ни трудно сейчас, пока еще все участники и очевидцы этого «ЧП» — чрезвычайного происшествия на международном футбольном поле — находятся от нас на расстоянии двенадцати тысяч километров, на другом полушарии земли.

...Теперь я могу признаться, что первую страницу этих заметок писал за несколько дней до последнего матча нашей команды в Арике. И хотя был весьма осторожен в прогнозах, однако, что тут скрывать, надеялся на лучшее. Но, как еще раз смог убедиться, планета наша действительно имеет форму шара — она кругла, как футбольный мяч.

Неожиданности, которые принес нам четвертьфинал, вероятно, потрясли болельщиков как по ту, так и по эту сторону Атлантики. На самом деле, кто мог бы подумать, что такая команда, как венгерская, так легко уступит право на выступление в полуфинале своим чехословацким друзьям и что бывший чемпион мира — команда ФРГ, подтвердившая в Чили свой высокий класс, будет выбита из розыгрыша югославами, занявшими второе место в арикской группе! И если победа чемпионов мира — бразильцев — над англичанами и не вызвала особого удивления, то уж результат встречи Чили — СССР признан мировой спортивной сенсацией, ошеломившей не только нас, но и всех, кто последние месяцы следил за выступлениями сборной команды СССР, отдавая должное ее классу, мастерству и энергии.

Но мы не будем утешать себя тем, что все решил случай. Нет, тут дело не в том втором мяче, который чилийцы забили в наши ворота через минуту после того, как мы сквитали счет. Ведь впереди был еще целый тайм — сорок пять минут игры, сорок пять минут надежд, которые были предоставлены нашей команде для того, чтобы хотя бы сравнять счет. И ведь весь второй тайм наша команда провела в атаках, увы, безрезультатных!

Конечно, когда вернутся свидетели этой футбольной драмы, мы узнаем много дополнительных подробностей и яснее поймем причины столь неожиданного поражения нашей сборной, понесенного от команды, с которой она успешно справилась во время своего осеннего турне за экватор. Но уже сейчас можно сказать, что если в игре с Колумбией нас подвела защита, то во встрече с чилийцами — нападение. Это заставляет нас обсуждать не только огорчительный счет 1 : 2, но и тот счет, который мы, любители футбола, имеем основание предъявить уже всей команде в целом, всем ее звеньям — и игрокам и тренерам.

За последнее время прошумело много горячих дебатов об оборонительном и атакующем футболе. Мы с привычным сочувствием внимали «романтикам» футбола, призывающим к развитию атакующего стиля, отвергающим тактику глухой обороны. Но уже с первых игр в Чили мы смогли убедиться в том, что лучшие команды находили во время игры некий «стилевой экватор» между двумя тактическими полюсами: атакующим и оборонительным. Они не гнушались глухой обороны, но в каждый момент создавали мгновенный атакующий кулак за счет привлечения игроков защитных линий.

К чему приводит увлечение одной атакующей стороной, показала встреча с колумбийцами, когда наша защита к концу матча за какие-то считанные минуты пропустила три гола. И если второй из четырех забитых нам мячей еще можно было объяснить действительно редкой случайностью (резаный мяч с корнера), то два последних не имеют оправданий.

И нам кажется, что дело тут не только в тактических просчетах. Сказался недостаточный резерв защитных линий. Если в линии нападения, к примеру, Месхи и Метревели получили надежную замену в лице Численко и Хусаинова, то ветеран футбола Игорь Нетто вынужден был провести на поле все четыре игры, не имея равноценной замены. А если бы несчастье случилось не с Дубинским, отсутствие которого тоже, бесспорно, сказалось, а с Нетто? Как бы тогда выглядела наша команда?

Многие любители нашего футбола и даже тренеры были несколько заворожены блистательной техникой южноамериканских команд, а наши игроки овладели и так называемым «сухим листом» — коварным резаным ударом, неожиданно меняющим траекторию мяча в полете. Этот «сухой лист» как бы символизирует виртуозную технику современного футбола. И действительно, по этой части за последнее время мы добились значительных успехов, техника лучших наших игроков выросла. Но от «сухого листа» до лаврового — дистанция огромного размера. И чтобы ее пройти, требуется гармоническое сочетание защиты и нападения, умелое маневрирование футбольными резервами, а главное, наличие этих резервов.

Да, не встретим мы с вами «Золотую богиню» на Шереметьевском аэродроме... Но если мы трезво и спокойно учтем уроки Арики, то советский футбол получит немалый приз: он выйдет из трудного испытания еще более сильным и закаленным.

НАЧАЛО ТРАДИЦИИ

Слева: Ван Клиберн на репетиции в Горьковской филармонии. Дирижер К. Кондрашин.

Справа: В концертном зале Горьковской филармонии.

Фото Н. Капелюша, М. Редькина.

Несколько дней в городе Горьком длился большой праздник — фестиваль современной музыки. Во Дворцах культуры, в залах филармонии звучали произведения Д. Шостаковича, С. Прокофьева, Д. Кабалевского, К. Кара-Караева, а также Б. Бартока (Венгрия), И. Стравинского, С. Барбера (США) и других.

Тепло приветствовали горьковчане А. Хачатуряна, дирижировавшего своим скрипичным концертом. Т. Хренников исполнил с оркестром филармонии свой фортепьянный концерт.

Хорошим подарком фестивалю были выступления знаменитого американского пианиста В. Клиберна. Он играл в сопровождении симфонического оркестра Московской филармонии под управлением дирижера К. Кондрашина.

СПОРТ И МИР НЕДЕЛИМЫ

Вопросы «Огонька» президенту Международного олимпийского комитета Эвери Брендеджу

— В чем основное значение московской сессии МОКа?

— Я уже полвека активно тружусь на олимпийской ниве, и все это время, помнится, продолжались споры вокруг проблемы любительства. Рад сообщить читателям «Огонька», что, кажется, с этой проблемой покончено на московской сессии МОКа. В чем была трудность? Любительство в спорте так же трудно сформулировать, как дать определение понятиям любви, дружбы, доброты. Но без определения любительства нельзя развивать олимпийское движение, ибо люди хотят точно знать, с чем они имеют дело. Если в нескольких словах попытаться выразить те черты, которыми мы наделили спортивное любительство, то вот они: те люди, которые бескорыстно отдают спорту свободное время, лишнюю энергию и даже деньги, являются любителями.

На сессии в Москве мы категорически осудили вмешательство политики в спорт. Мы подчеркнули, что страна, которая не разрешает по политическим соображениям въезд к себе спортсменов государства — члена МОКа, не может рассчитывать на то, что мы доверим ей право проводить на своей территории Олимпийские игры. По нашему глубокому убеждению, спорт не может служить инструментом, ни тем более оружием в осуществлении политических целей. Олимпийский спорт должен служить делу мира, делу сближения всех народов земного шара.

— Какую роль играет советский спорт в олимпийском движении?

— Наша московская сессия проходила в приподнятой, я бы даже сказал, в радостной обстановке. Ведь мы находились в столице страны, где двадцать пять миллионов людей крепко подружились со спортом. Я был в России пятьдесят лет назад. Тогда мне довелось увидеть несколько плохо оборудованных стадионов и атлетов, малознакомых со спортом. Другое дело сейчас. Следует отдать должное тому прочному и широкому фундаменту, который был заложен в последние сорок лет. Ни одна страна не сделала за такой короткий промежуток времени столь грандиозных успехов. Советский Союз для всех стран служит образцом верного служения олимпийским идеалам, провозглашенным бароном де Кубертеном — основателем современных Олимпийских игр. Советский спорт видит свою главную задачу не в завоевании золотых олимпийских медалей, а в развитии массового спорта, воспитании сильных, здоровых юношей и девушек, хороших граждан своей великой страны. Вот почему так высок престиж советского спорта в олимпийском движении.

— Каковы перспективы Олимпийских игр в Токио в 1964 году?

— Япония — наша большая опора в олимпийском движении. В японских школах ученикам прививают олимпийские идеалы. Японский спорт добился больших успехов за последние несколько десятков лет. Вот почему мы спокойны за организационную сторону олимпиады. Готовясь к олимпиаде, Токио меняет свое лицо; появляются новые мосты, дороги, улицы, здания, спортивные комплексы. Это показывает, что олимпиада служит большим стимулом для любого города, будь то Рим, Токио или Инсбрук.

ОЧКИ, ОЧКИ!..

С. ФЛОР,
международный гроссмейстер

Победа пятидесятилетнего М. Ботвинника над молодым Талем в матч-реванше показала, что шахматы всем возрастам покорны, что и ветеранам не следует думать о «шахматной пенсии». И действительно, успех Ботвинника стимулировал «стариков». Недавно на турнире в Гаване аргентинец М. Найдорф блестяще «тряхнул стариной». Пятидесятидвухлетний гроссмейстер по достоинству отметил двадцатую годовщину смерти феноменального кубинца — Х. Р. Капабланки, с которым он встречался еще до войны—и занял первое место, впереди Б. Спасского, Л. Полугаевского, В. Смыслова, С. Глигорича и других, несмотря на то, что он начал турнир с... двух нулей!

Успехом Найдорфа заинтересовался Роберт Фишер. Он запросил Найдорфа: «Сообщите, как вы сумели наверстать два очка. Может быть, у вас есть рецепт? Именно такой рецепт мне нужен теперь на Кюрасао». «Есть хороший рецепт! — ответил Найдорф. — Не надо отставать на два очка!»

Как на дистанции в 14 туров наверстать два очка — вот о чем думал Бобби Фишер во время недельных каникул. И он, видимо, пришел к выводу, что если сыграть очень здорово, то вернуть два очка вполне возможно. Перерыв кончился. Фишер стал играть аккуратно, старательно, пять туров подряд ему удавалось держаться на поверхности. Но В. Корчной все же нанес Фишеру еще одно поражение. Теперь все! Даже самонадеянному Бобби Фишеру ныне ясно, что «можно ехать домой».

Не пошел перерыв на пользу и победителю Фишера — Корчному. Очевидно, что одна неделя — срок недостаточный для того, чтобы опомниться от «шока», который Корчной потерпел в четырнадцатом туре в партии с М. Талем. Корчной потерял уверенность и в третьем круге проиграл три партии подряд, причем основным своим конкурентам — Е. Геллеру, Т. Петросяну и П. Кересу. Так за три дня окончательно рухнули надежды Корчного.

Михаилу Талю в этом турнире также ничто не может помочь. Третий круг экс-чемпион мира продолжал «в таком же духе», как два первых. Целая дюжина нулей украшает графу Таля в турнирной таблице. «Скорее бы сдать в архив истории эту турнирную таблицу», — вероятно, думает Таль.

Зато не могут налюбоваться на турнирную таблицу Е. Геллер, П. Керес и Т. Петросян. У этой лихой троицы есть всего-навсего одно-единственное «пятнышко»: нуль Кереса в партии с Р. Фишером.

Личные отношения лидирующей тройки между собой очень деликатные и нежные: все партии между ними закончились вничью!

Кто победит? Угадать имя победителя сейчас значительно легче, чем в начале турнира. Только трое претендуют на победу: молодые Е. Геллер, Т. Петросян и «старик» П. Керес. Старейший участник турнира П. Керес не устает, а, наоборот, с каждым туром улучшает свои позиции и играет с юным задором.

Кто же будет первым? Любой из этой тройки достоин победы. Это настолько равная по силе компания, что у каждого после 28-го тура могут оказаться лишних пол-очка. Но может оказаться, что вырваться вперед не удастся никому. В таком случае тайна шахматного острова Кюрасао рассеется лишь у нас дома, в «дополнительное время». Такой вариант, пожалуй, устраивает любителей шахмат. Впрочем, зачем гадать: ведь ждать нам остается совсем недолго.

В ГОРОДЕ ФЕСТИВАЛЯ

От нашего специального корреспондента

Кинофестиваль на устах всех жителей Карловых Вар, на устах огромной армии курортников, приехавших со всего мира к целебным карловарским водам. В автобусах, у источников, у подножия лесистых холмов, окружающих город, на многочисленных мостиках идет обсуждение фильмов, которые демонстрируются сейчас здесь, на тринадцатом международном.

Ох, уж эта злополучная цифра тринадцать! Ведь на международных конкурсах даже такое правило существует, что в жеребьевке нет номера тринадцатого. Деятели искусства — народ прогрессивный, но среди них есть и те, кто предпочитает обойтись без этой цифры. Ну, а как быть, когда фестиваль в Карловых Варах все-таки тринадцатый по счету?

Популярность и авторитет карловарского фестиваля настолько велики в мировом кинематографе, а его девиз «За благородство во взаимоотношениях между людьми, за вечную дружбу народов» настолько притягателен, что с 8 июня самолеты, поезда, автобусы не перестают привозить сюда делегации. Едут прославленные актеры и режиссеры, известные продюсеры. А о журналистах уж и говорить нечего!.. Кажется, все радио- и телевизионные компании, все печатные органы прислали сюда своих представителей. Пятиэтажное здание гостиницы «Севастополь», превратившееся сейчас в дом печати, переполнено. На пресс-конференции звучат десятки языков народов мира.

Более сорока стран показывают свои фильмы на 13-м международном кинофестивале. Мы увидим здесь новые работы кинематографистов Италии, Марокко, Франции и Вьетнама, США и Кубы, увидим картины Чехословакии, Болгарии, Польши, Китая...

Советский Союз показывает фильмы «Девять дней одного года», «На семи ветрах» и короткометражные картины. Кроме показа полнометражных художественных и короткометражных фильмов, на фестивале проводится симпозиум молодой кинематографии стран Африки, Азии и Латинской Америки.

Во второй неделе фестиваля откроется традиционная Вольная трибуна, на которой будут обсуждаться пути кинематографа, его задачи.

В это же время в двадцати пяти городах страны будут проходить кинофестивали трудящихся, высказывать свое мнение будет уже зритель. Впрочем, и сейчас его мнение ясно чувствуют и жюри и создатели фильмов, когда они видят огромные очереди у касс и толпы народа с пледами под мышками, направляющиеся в летний кинотеатр, который всегда переполнен, хотя вмещает 3 700 человек.

Даже погода не устояла перед кино! Еще несколько дней тому назад в Татрах выпал снег, а сейчас летнее солнце — любимый и почетный гость фестиваля, гость, который так же, как и все остальные, начинает чувствовать себя в приветливых Карловых Варах очень хорошо.

И. ВЕРШИНИНА

Карловы Вары,
12 июня,
по телефону.

УВЛЕЧЕННОСТЬ

(К шестидесятилетию композитора В. Я. Шебалина)

Любовь к жизни, какое-то восхищенное изумление ее широтой и богатством свойственны композитору и педагогу Виссариону Яковлевичу Шебалину. Эта увлеченность определила необычайное творческое многообразие музыканта, придала ясность и сердечность средствам выражения замыслов, всегда глубоких, философских.

Воспитанник Московской консерватории, В. Я. Шебалин воспринял лучшие традиции русской музыкальной культуры. Художник-новатор, пришедший в музыку в пору становления советского музыкального искусства, он уверенно и убежденно обратился к темам современности, находя новые, только ему присущие краски для таких больших полотен, как симфонии «Ленин», «Перекоп», ряда крупных хоровых произведений.

Давно и прочно вошло творчество В. Я. Шебалина в нашу музыкальную жизнь. В Большом театре в Москве идет его комическая опера «Укрощение строптивой» (по Шекспиру). Звучат камерные, инструментальные и вокальные произведения композитора с профессиональной и самодеятельной концертной эстрады.

Немало известных музыкантов обязано педагогу В. Я. Шебалину своим выходом в большой музыкальный мир. В числе его учеников Т. Хренников, А. Спадавеккиа и другие композиторы, заслужившие признание народа.

В день шестидесятилетия славного деятеля советской музыки «Огонек» присоединяет свой голос к хору поздравлений Виссариону Яковлевичу и, конечно, желает ему новых творческих успехов.

Экипаж самолета «АНТ-25»: Г. Ф. Байдуков, В. П. Чкалов, А. В. Беляков.

Америка встречает отважный экипаж В. П. Чкалова.

ДВА ПРЫЖКА ЧЕРЕЗ ПОЛЮС

18 июня 1937 года летчики В. П. Чкалов, Г. Ф. Байдуков и штурман А. В. Беляков на самолете «АНТ-25» первыми в мире начали перелет через Северный полюс в Америку. А через 22 дня тем же маршрутом полетели летчики М. М. Громов, А. Б. Юмашев и штурман С. А. Данилин.

Эти перелеты навсегда вошли в историю авиации и сыграли большую роль в укреплении дружбы между советским и американским народами.

М. М. Громов, С. А. Данилин, А. Б. Юмашев у самолета «АНТ-25».

КАК СОЗДАВАЛСЯ «ОБЛОМОВ»

18 июня 1962 года исполняется сто пятьдесят лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова.

Каждый знает и любит его произведения: исполненные ума и наблюдательности, проникнутые тонким юмором путевые очерки «Фрегат Паллада», замечательные по глубине психологической разработки характеров романы «Обыкновенная история» и «Обрыв».

Но лучшей книгой писателя был и остается бессмертный «Обломов», в котором Гончаров в полнокровных художественных образах запечатлел вырождение крепостнического уклада, свойственные ему черты духовного застоя и дикости.

Владимир Ильич Ленин многократно использовал в своих статьях образы знаменитого романа, ставшие нарицательными понятиями для обозначения инертности и косности. Высоко ценили «Обломова» Лев Толстой, И. С. Тургенев, В. Г. Короленко, Максим Горький. Талант Гончарова, писал Н. А. Добролюбов в статье «Что такое обломовщина?», «покорил своему неотразимому влиянию даже людей, всего менее ему сочувствовавших».

Много места Добролюбов, как известно, уделил в статье анализу мастерства писателя, художественного своеобразия «Обломова». Однако далеко не каждому читателю и даже почитателю Гончарова известно, какой огромный труд вложил писатель в создание своего лучшего романа.

В этом отношении представляет большой интерес хранящаяся в Ленинградской государственной публичной библиотеке имени М. Е. Салтыкова-Щедрина первоначальная, так называемая «мариенбадская» рукопись «Обломова».

Необычна история этой рукописи. Как известно, начало непосредственной работы над романом относится к 1847 году. В 1849 году «увертюра всего романа», глава «Сон Обломова», была напечатана. Но дальше работа подвигалась медленно: до 1857 года была вчерне написана лишь первая часть. Наконец летом 1857 года, во время лечения на Мариенбадском курорте, Гончаров за два месяца написал почти весь роман. Позднее писатель вспоминал об этом времени: «В голове у меня был уже обработан весь роман окончательно — и я переносил его на бумагу, как будто под диктовку. Я писал больше печатного листа в день». В это же время была, повидимому, переработана и написанная ранее первая часть романа, о чем свидетельствует одна из пометок на первых страницах рукописи: «Переделать начало так».

«Мариенбадская» рукопись и отражает ту стадию работы, когда, по собственному признанию писателя, роман был еще «необработанный, в глине, в сору, с подмостками, с валяющимися вокруг инструментами, со всякой дрянью».

Отделка романа продолжалась в течение всего 1858 года, и уже в ноябре Гончаров писал, что из первой половины первой части «несколько дней сряду лопатами выгребал навоз и все еще много!» Из сравнения «мариенбадской» рукописи с окончательным текстом видно, что во время переработки частично менялась композиция, вставлялись новые эпизоды, главы, менялись имена действующих лиц... Обращение к рукописи помогает проникнуть в творческую лабораторию писателя, понять, как художнику удалось «добиться того, чтобы случайный образ, мелькнувший перед ним, возвести в тип, придать ему родовое и постоянное значение» (Добролюбов).

Совершенно иным был вначале портрет главного героя: «...человек ...полный, гораздо полнее, нежели обыкновенно бывают люди в эти лета. Независимо от этой благоприобретенной полноты, кажется, и сама природа не позаботилась создать его постройнее. Голова у него была довольно большая, плечи широкие, грудь крепкая и высокая: глядя на это могучее туловище, непременно ожидаешь, что оно поставлено на соответствующий ему солидный пьедестал,— ничуть не бывало. Подставкой служили две коротенькие, слабые, как будто чем-то измятые ноги... Волосы уж редели на маковке. Можно было предвидеть, что этот человек обрюзгнет и опустится совсем. Теперь его от этого пока спасали еще лета».

В окончательном тексте нет такого подробного описания внешности Обломова. В этом человеке «среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами» писатель обращает внимание читателя прежде всего на то, что он «както обрюзг не по летам: от недостатка ли движения, или воздуха, а может быть, того и другого. Вообще же тело его, судя по матовому, чересчур белому цвету шеи, маленьких пухлых рук, мягких плеч, казалось слишком изнеженным для мужчины». Гончарову важно лишь то, что имеет отношение к характеру и образу жизни Ильи Ильича.

Выразительные сами по себе, детали казались писателю в ряде случаев лишними, так как ничего не поясняли и не добавляли к характеристике героя или даже вступали с ней в противоречие. Так, в описании ставшего впоследствии знаменитым халата Обломова Гончаров убрал целый кусок: «...Халат не ежится, не торчит, нигде не режет, сжимается в тесный комок или развивается широкой пеленой, великолепно драпируясь около тела. Илья Ильич иногда от нечего делать вдруг то плотно обовьется халатом, как статуя греческой богини, которой контуры сквозят чрез прозрачные покровы, и бескорыстно любуется рельефами своего тела, то, как египетский истукан, обвешается бесчисленными складками, или обнажит грудь и одно плечо, а на другое накинет халат, как тогу. Обломов иногда любил заняться этим в свободное время».

В начальной рукописи отсутствует бессмертный разговор Об-

ломова с Захаром, с рассуждениями последнего о том, что моль, блох и клопов, вообще «нечистоту», не он выдумал, что у других сору нет от «скаредного житья»; нет в «мариенбадской» рукописи и знаменитых слов Обломова о Захаре, произнесенных мысленно: «Ну, брат, ты еще больше Обломов, нежели я сам».

Знакомясь с первым вариантом (в небольшой заметке нам удалось привести лишь незначительную часть интереснейших разночтений одной только первой главы первой части), невольно думаешь о том, какой поучительный пример представляет такое взыскательное отношение Гончарова к своему творчеству. Обращаясь к окончательному тексту, нельзя не вспомнить слова Д. И. Писарева о том, что таланту автора «Обломова» «должно отдать полную дань удивления: он умеет удерживать нас на этом крошечном уголке в продолжение целых сотен страниц, не давая нам ни на минуту почувствовать скуку или утомление; он чарует нас простотою своего языка и свежею полнотою своих картин...»

М. БЛИНЧЕВСКАЯ

Малышам

Рисунки Вл. ГАЛЬБЫ.

УМНЫЙ СМА-ГУА

Китайская сказка

Жил-был мальчик. Звали его Сма-гуа.

Вот пошел однажды Сма-гуа в соседний сад и стал играть с детьми в жмурки.

А в саду была насыпная горка. Каждый знает, зачем люди насыпают такие горки в садах,— для красоты. А чтобы легче было садовнику поливать цветы, стоял под горкой большой глиняный чан. Садовник брал из него воду.

Чан стоял здесь давно, и никто не думал, что это может привести к беде.

Случилось все так.

Дети играли в саду. Расшумелись. Расшалились. Жмурки — ведь очень веселая игра. Весело бывает, когда убегаешь от того, кто ловит, и весело, когда сам ловишь.

Мальчик Лю-дзу тоже шумел, веселился, бегал со всеми. А потом пришла его очередь ловить.

Повязали ему платок на глаза, покружили и отпустили: ну-ка, поймай!

Незаметно-незаметно дети, играя, поднимались на горку. Лю-дзу не отставал. Ничего не видя, вытянув руки, он бежал на голоса, кидался то в одну сторону, то в другую.

И вдруг — конец горки, обрыв. Никто не успел ни крикнуть, ни остановить мальчика. Лю-дзу полетел вниз.

А внизу — чан, а в чане — вода.

Бульк!.. Маленький Лю-дзу попал в большой чан, маленькому Лю-дзу из большого чана никак не выбраться. Пробует руками за край чана уцепиться — не достает, пробует ногами на дно встать — тоже не получается: глубоко. В общем, плохо. Можно даже сказать, совсем плохо. Конец приходит маленькому Лю-дзу. Вот-вот захлебнется. А взрослых никого.

Дети сбежали с горки, обступили чан, слышат, как барахтается в нем Лю-дзу, а сделать ничего не могут. Лица бледные, глаза круглые от испуга.

Сма-гуа сбежал с горки вместе со всеми, испугался не меньше других, но не растерялся. Голова работала: «Как быть? Как быть? Как быть?»

Посмотрел Сма-гуа туда, посмотрел сюда, увидел большой булыжник.

Ага! Есть!

Сма-гуа схватил булыжник, подбежал к чану, ударил по глиняному боку.

«Бам!» — отозвался чан.

Сма-гуа ударил сильнее.

«Бам!.. Бам!..»

Не так-то просто, оказывается, разбить чан, когда нужно.

Однако глина есть глина, а гранит есть гранит. Всем понятно, чем мог кончиться спор между ними. После того, как Сма-гуа ударил в третий или четвертый раз, вместо гулкого звона послышался треск. Из пробитого чана хлынула вода.

А потом на дорожку выбрался Лю-дзу. Ну и смешной же он был! Мокрый, дрожащий, испуганный... Но зато целый и невредимый.

Правда, во всей этой истории пострадал чан.

Садовнику пришлось ставить новый чан.

В отличие от старого он имел крышку. Так, на всякий случай.

Пересказал Г. НОВОГРУДСКИЙ.

Владимеж СЛОБОДНИК

В ПРЯНИКОВИЧАХ

В Пряниковичах все из пряника —
Дом из пряника и лужайка.
Там по сахару белоснежному
Скачет пряничный белый зайка.

В Пряниковичах все съедобное,
Потому что там все из пряника.
Можно съесть и луну и облако,
Даже тетушку и племянника.

В Пряниковичах нет несладкого —
Сладок уксус, сладка наука —
Арифметика и грамматика,
Даже глобус, круглая штука.

Можно съесть там Европу с Азией,
Антарктиду с Африкой даже.
И Америку и Австралию,
И никто ничего не скажет.

В Пряниковичах возле мостика
Будка пряничного сапожника.
К туфле пряничной бантик сахарный
Пришивает он осторожненько.

По ночам фонари из пряников
Зажигают — такой порядок.
Даже труд старика фонарщика
В Пряниковичах тоже сладок.

ДЯТЕЛ

Дятел так стучал по буку:
«Стуку-туку, стуку-туку...»

Приставали к дятлу жабы:
— Отдохнул бы ты хотя бы!
Что за стуки? Что за штуки?
Что ты ищешь в старом буке?

Приставали к дятлу совы:
— Помолчи ты, бестолковый!

Что за звуки! Что за стуки!
Что ты ищешь в старом буке?

Приставали к дятлу лани:
— Это что за наказанье!
Ты с ума сошел от скуки!
Что ты ищешь в старом буке?

Отвечал на это дятел:
— Я пока еще не спятил.
Стуку-туку, стуку-туку
Целый день стучу по буку,
Потому что я чудесный,
Знаменитый врач древесный.

КОТ В САПОГАХ

В Мручиславе, в Кошачьем панстве,
За горами да за лесами
Кот купил сапоги на рынке
С голенищами, с каблуками.

Сапоги из хорошей кожи,
Да тесны, к сожаленью, слишком.
Кот надел их, а снять не может,
И велит он стянуть их мышкам.

Долго-долго они трудились,
Но увы! Не в мышиных силах
С лап кошачьих снимать сапожки,
И за это кот проглотил их.

Так погибли бедные мышки.
Но злодей поплатился тоже:
Все мучительней режут ноги
Сапоги из хорошей кожи.

В Мручиславе, в Кошачьем панстве,
За горами да за лесами
Кот свои сапоги из кожи
Поливает весь день слезами.

КАК ПАНИ СЛОНИХА СЫНИШКЕ ШТАНИШКИ ШИЛА

Вздумала как-то в праздник сынишке
Пани Слониха справить штанишки.

Ниток достала и матерьяла,
Только наперстка ей не хватало.

Чтобы работу начать скорее,
Пани отправилась в галантерею.

В лавке наперстков целая горстка,
Но подходящего нет наперстка.

Хоть перерыла за полкой полку,
Только от этого мало толку.

Ей говорит продавец любезный:
— Видимо, поиски бесполезны —

Лапы слоновьи у милой пани,
Безрезультатны ваши старанья.

Но ради сына ничто не трудно.
Пани пошла в магазин посудный.

Вместо наперстка ведро купила
И для сыночка штанишки сшила.

ТРИ УТКИ

Шли три утки по дороге,
Желтоклювы, желтоноги.
«Кря, кря, кря...»

Видят — селезень навстречу
Выступает, словно кречет.
«Кря, кря, кря...»

Не помедлив ни минутки,
У него спросили утки:
— Кря, кря, кря?

Был он очень умным малым
И на это отвечал им:
— Кря, кря, кря!

Перевела с польского
Д. ОРЛОВСКАЯ.

ТРОЛЛЕЙБУС

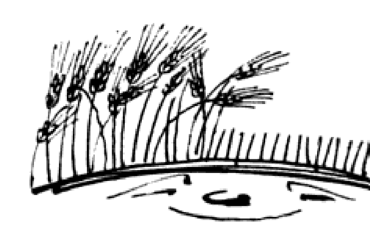
И. ХОЛИН

Мчится троллейбус
По улице Мира.
Едут
И едут
На нем пассажиры.
Домохозяйки
На рынок
Спешат.
В отпуск
Торопится
Бравый солдат.
С толстым портфелем
Сидит
Счетовод.
Парень-
Механик
Спешит на завод.
Ночью троллейбус
Стоит.
Отсыпается,
Утром
Холодной водой
Умывается.
Любит он
Щетки,
Любит он
Смазку,
Любит он
Краску,
Любит он
Ласку.
Если за ним
Никудышный уход,
Он
Никого
Никуда
Не везет.

В СТЕПИ

М. ФАЙЗУЛЛИНА

Всех внучат
Привел с собой
Дедушка Апош.
Пусть посмотрят,
Как в совхозе
Убирают рожь.

Удивлен был
Больше всех
Маленький Дауд:
— Ой, смотрите,
У степи
Волосы стригут!

Перевел с татарского
Н. УМЕРОВ.

ВЕРБЛЮД И МОРЕ

В. РОСИН

Много лет прожил верблюд в пустыне, которой ни конца, ни края не видно. Жара, пески, от оазиса до оазиса далеко, и верблюду не каждый день удавалось напиться воды.

И вот случилось так, что вышел верблюд к морю. Увидел он, сколько воды перед ним, и обрадовался:

— Вот уж напьюсь вволю!

Бросился верблюд к воде, хлебнул раз, другой и зафыркал:

— Фу, какая соленая! Теперь понимаю, почему ее так много: ее пить никто не хочет.

Киев.

Рисунок Вл. ГАЛЬБЫ.

ЭКСПРОПРИАЦИЯ АРБУЗА

Марк ТВЕН

Я помню этот случай великолепно. Помню его так, словно он произошел только вчера, словно только вчера я экспроприировал арбуз в первый раз. М-да, в первый раз. По крайней мере так мне кажется, что это было в первый раз, а может быть, я что-нибудь и запамятовал. Когда же это было? Дайте подумать... пожалуй, в восемьсот сорок восьмом; значит, мне в то время было лет тринадцать-четырнадцать. Я этот арбуз запомнил прекрасно. Даже сейчас у меня во рту его вкус.

Да, я совершил кражу. Впрочем, надо ли так грубо выражаться? Это был самый большой из всех арбузов на возу, который стоял возле канавы у нас в городке, в Ганнибале, штат Миссури. Фермер был занят с другим... ну, с другим покупателем, а я тем часом стянул арбуз. Безусловно, «украл» было бы слишком сильно сказано. Лучше сказать: экспроприировал. Или еще лучше: удалил его из обращения. И вместе с ним удалился и сам.

А удалился я с ним на дровяной склад. Я знал там укромный уголок среди штабелей пахучих досок, и туда, в это место, я принес свой арбуз. Несколько минут я любовался его пятнистой коркой, а потом разбил его, или, как говорят мальчишки, грохнул, треснул камнем.

Арбуз оказался неспелым, совершенно непригодным для еды. Не знаю, почему это обстоятельство произвело на меня такое впечатление, но я не мог никак успокоиться. Оно поколебало все мои представления о нравственных устоях, вызвало в моей душе протест. Я стал размышлять. А ведь размышление — мать нравственной реформы. Нет размышления — нет и нравственной реформы.

Я спрашивал себя: какую линию поведения мне избрать? Что велит мне моя совесть? Как обязан поступить благородный юноша, похитивший неспелый арбуз? Как поступил бы в подобном случае Джордж Вашингтон? Вот он, тот роковой час, когда все, чему меня учили в воскресной школе, должно прийти в действие.

И оно пришло. Я вспомнил слова: «Возврати владельцу». Видимо, к этому призывает меня долг. Я выдержал большую борьбу с самим собой и наконец все-таки решился. «Так и сделаю, отнесу ему назад его добро!» — сказал я себе твердо. Не много найдется мальчишек, способных на такой героизм, на такое чувство справедливости, на такую готовность во имя этого чувства испить чашу до дна. Дав себе слово действовать, я ощутил необычайный душевный подъем. Человек всегда ощущает душевный подъем, отвергнув зло и став на путь добродетели. В приливе сил я вылез из своего закутка и, освеженный и обновленный, сознавая свое духовное могущество, понес обратно арбуз (вернее, то, что от него осталось) и заставил фермера дать мне взамен другой, спелый.

Но у меня был еще невыполненный долг — и перед собой и перед фермером. Я обрушился на него со всей суровостью, какую диктовали обстоятельства. Я не стал его щадить. Я сказал ему, что стыдно подсовывать своим... гм... покупателям неспелые арбузы. И ему стало стыдно. Он просил у меня прощения. Он признался, что ему так же больно, как и мне. Хотя в этом он, конечно, ошибался: ведь сам-то он не ел своего арбуза!

На русском языке публикуется впервые.

ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКА

ДОМ ЭЙНШТЕЙНА

По дороге из Нью-Йорка в Филадельфию мы заехали в маленький городок Принстон, знаменитый своим университетом. Время было каникулярное, и помощник президента университета мистер Койл водил нас по пустым аудиториям.

Кто-то из нас вспомнил, что здесь, в Принстоне, жил более двадцати лет Альберт Эйнштейн, эмигрировавший из фашистской Германии. Он и умер в этом городке. Нельзя ли побывать на его могиле и поклониться праху великого физика?

— Нельзя, — сказал Койл. — Господин Эйнштейн, умирая, не пожелал быть похороненным на американской земле. Он просил сжечь его тело, а прах развеять по всему свету... Но если хотите, вы можете увидеть дом, в котором жил Эйнштейн. Это вам по пути. Мерсер-стрит, 112, — сообщил мистер Койл адрес.

Вот этот небольшой деревянный, в два этажа, коттедж, стоящий у дороги. И весь дом в зелени. Она ухожена. А вот само жилье производит впечатление пустующего. Мы заглянули в окна — запустение. Мемориальной доски на доме нет. Кому он принадлежит сейчас? Эйнштейн завещал его, как известно, Марго, дочери своей второй жены.

Нам всем хотелось сфотографироваться возле последнего пристанища великого ученого. Пощелкав друг перед другом затворами аппаратов, мы, чуть грустные, двинулись дальше в Филадельфию.

А. СТАРКОВ

МАССАУА—БЕРЕГ КОРАЛЛОВ

Узнав, что я еду в Эритрею, знакомый географ попросил: «Привези, пожалуйста, кораллы. Там, в Массауа, лучшие в мире».

...Выйдя из отеля, вы сразу наталкиваетесь на бойких продавцов кораллов и ракушек. Изумительные по форме и окраске дары Красного моря стоят здесь всего несколько эфиопских центов. Вот один из торговцев, в белоснежном тюрбане. Его кожа настолько черна, что кажется, она обуглилась под нестерпимым эритрейским солнцем. Он разложил свой товар, который привлек бы в Европе многих покупателей, и терпеливо ожидает редких клиентов: моряков океанских лайнеров, заходящих в Массауа, туристов или коммерсантов.

На прибрежных мелях смуглые юноши ныряют за знаменитыми кораллами. Этим промыслом издавна занимались их предки.

Нырнем в теплую, как парное молоко, воду. Вид зарослей красных, фиолетовых, пестрых кораллов, меж которыми поблескивают стайки разноцветных рыб, — зрелище потрясающе красивое. И тот, кому суждено хоть раз увидеть эту волшебную картину, никогда не забудет ее.

Все окружено зеленым и синим блеском. В лазурной глубине пестрые цветы — живые коралловые полипы. Более крупные мели покрыты тысячами цветных звездочек. На ветвистых коралловых деревцах и кустиках сидит цветок на цветке. Даже пестрый мох, заполняющий пространства между ними, — это совсем не мох, а миллионы крошечных коралловых животных.

Но идиллия обманчива. Ловца за кораллами подстерегает много опасностей. Острые зубцы каменистых кораллов не позволяют стать ногами на дно. Спрятавшийся в песке морской еж готов вонзить в вашу руку длинные иглы с маленькими крючочками. Попробуйте отломить красивую фиолетовую ветку мадрепорового коралла, как маленький рачок, живущий среди его ветвей, вцепится в вашу руку. Стоит слегка прикоснуться к так называемому жгучему кораллу, и пальцы начинают гореть, словно вы схватились за раскаленное железо.

Красивы кораллы, да не так-то легко их взять!

А. АБРАМОВ

Я сказал ему, что даже для первого раза ужасно, но пусть он постарается представить себе, как он будет наказан, если возьмет себе это в привычку. Я нарисовал ему ужасающую картину будущего. И я его спас. Он меня благодарил и дал слово исправиться.

Мы должны считать своим долгом спасать тех, кто стал на стезю порока. Весьма вероятно, что этого фермера действительно грех попутал в первый раз. Он не успел еще зайти далеко, но занес уже ногу над пропастью. К счастью, в этот час нашелся друг, и этот друг протянул ему руку спасения, не дал ему пасть.

Другие люди оробели бы, постеснялись указать ему на его ошибку. А я вот не оробел и не постеснялся. И это один из тех случаев моей жизни, которым я горжусь, как только вспомню, что я спас человека, впавшего в грех.

И благодать снизошла на нас обоих. Он уехал с просветленным лицом к своей ликующей жене, а я... получил спелый арбуз. Думаю, что мы оба испытывали одинаковое чувство. Для меня нравственная реформа была не каприз чувств, не мимолетный эпизод, не отпущение грехов филадельфийским проповедником. Я исправился навсегда. С того самого дня я не украл ни одного арбу... ни одного неспелого арбуза.

Перевела с английского
В. ЛИМАНОВСКАЯ.

К сожалению, с натуры

Владимир ЛИФШИЦ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Через рощу
прямиком
парень шел
с дробовиком.
Шел, довольный
сам собою,
шел, махорочку
палил
и сплеча
во все живое
с наслаждением
палил.
Увидал
на ветке сойку,
по-собачьи
сделал стойку,
приложился,
замер!..

Бух! —
полетел
кровавый пух.
Зря он выстрела
не тратил,
видно, классный
был стрелок:
бух! —
убит
бедняга-дятел;
бух! —
у белки
вырван бок;
бух! —
и нет в живых
синицы;
бух! —
и нет в живых
грача...
Все бегут —
зверье и птицы
от лесного
палача!

Через рощу
прямиком
парень шел
с дробовиком.
Шел, довольный
сам собою,
шел, махорочку
палил
и сплеча
во все живое
с наслаждением
палил.

У стихов моих,
читатель,
нет хорошего
конца.
Помогите мне
двустволку
отобрать
у подлеца!

МАЛЕНЬКИЕ СКАЗКИ

Джанни РОДАРИ

Марионетка сбежала из театра, потому что ей хотелось пожить на свободе. Однако она забыла обрезать нитку, прикрепленную к голове, и никак не могла понять, почему, где бы она ни была, ей всегда приходилось плясать для чьего-нибудь удовольствия.

Убежать даже далеко нетрудно, труднее обрезать нитку.

●

Зонтик размышлял: «Это неправильно, что меня всегда моют только сверху».

Бедняге хотелось, чтобы и снизу тоже шел дождь.

●

Многие несчастья в мире происходят оттого, что можно писать при помощи швейной машинки, но нельзя шить на пишущей машинке.

●

Курица, смотрясь в зеркало, спрашивала себя: «Кто я? Для льва мне не хватает двух лап, для лисы у меня недостаточно уверенная улыбка, для черной пантеры я слишком цветиста. Кто же тогда я?»

●

Крыса, думая, что корабль тонет, бросилась в море. Но корабль не потонул. Крыса погналась за кораблем вплавь, но тут ее проглотила акула.

Перевел с итальянского
А. БАТРАКОВ.
Рисунки В. КАНЕВСКОГО.

Ожившие реликвии

Этот интересный факт я узнал в Болгарии, во время экскурсии на Шипку. Здесь, на вершине Столетова, высится величественный памятник русским воинам и болгарским ополченцам, проявившим чудеса героизма при освобождении страны от пятивекового турецкого ига.

У самого памятника и у подножия горы, на кладбище русских воинов, установлены пушки, участвовавшие в сражении. Это и орудия русской армии и крупповские — отбитые у врага. С 1878 года стоят они здесь, и все эти годы реликвии боевой славы поддерживаются в полной готовности к стрельбе. И однажды пушки загрохотали вновь. Это случилось в 1958 году, когда вся Болгария торжественно отмечала восьмидесятилетие боев на Шипке. Сюда съехались несколько тысяч человек со всех концов республики.

Ю. КРИВОНОСОВ

В парке Андерсена

Жители датского города Оденсе, где родился Х. К. Андерсен, чтят память великого писателя. Здесь созданы музей и парк Андерсена. В парке много скульптур, изображающих героев его сказок.

А. ЧИСТЯКОВ

Два памятника

В Рио-де-Жанейро, на улице Рио Бранко, стоит памятник «пекену жорналейру» — мальчику, продающему газеты. Бронзовый мальчуган на пьедестале прост и трогателен. Мимо него нельзя пройти и остаться равнодушным: кажется, сейчас услышишь голос уставшего мальчишки и звон медяков в его кармане.

Не встретишь теперь в Рио маленьких газетчиков, не услышишь их голосов. Но живы они в памяти людей.

Второй любопытный памятник находится в городе Сан-Пауло. Это — бронзовое дерево кофе. У его гранитного подножия можно стоять часами, слушая металлический шелест листьев.

Б. БАЗУНОВ

Италия, кое-что из архитектуры

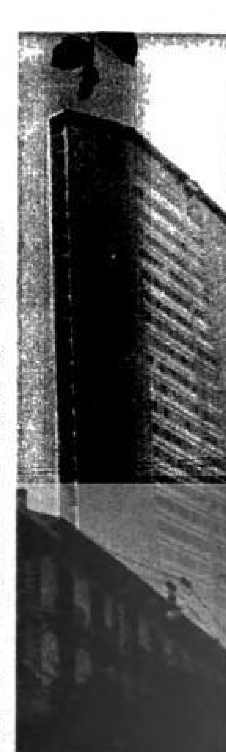
Архитектура Италии середины XX века своеобразна. В ансамблях жилых домов — подчинение общего рисунка природному рельефу. Архитектор старается подчеркнуть строениями естественную неповторимость каждого холма, склона, долины.

Что касается поисков новых форм, тут, пожалуй, особенно интересны вокзал Неаполя (фото справа внизу) и новый небоскреб Милана (фото справа вверху). Вокзал построен в 1959 году. Материалы: железобетон, металл, стекло. Плоская крыша лежит на штативах-треногах, как бы перевернутых вверх ногами. Стен нет. Есть стеклянные перегородки, не несущие никакой нагрузки. У пирамид на крыше чисто утилитарное назначение. Из трех сторон каждой пирамиды две непрозрачные, а третья — стеклянная. Стеклянная сторона обращена к северу, откуда солнце смотрит лишь на заре. В вокзале нет ни единой ступеньки — ни вверх, ни вниз.

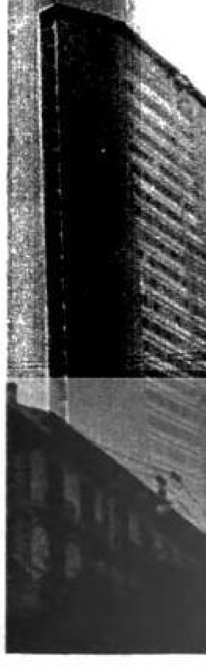
В Милане мы, туристы, долго кружили вокруг небоскреба «Пирелли». «Пирелли» — крупная промышленная фирма. Небоскреб — ее административное здание. «Пирелли», откуда бы вы на него ни взглянули, покоряет прежде всего красотой. Хотя со своими тридцатью шестью этажами он и кажется громадиной, но громадина эта удивительно легка. Она как бы плывет над бесчисленными крышами, разрезая небо. А так как небольшая неостекленная площадь стен тоже имеет небесную окраску, «Пирелли» вписывается в красоту неба.

Обе стены небоскреба (а у него всего две видимые стены) едва заметно изломаны, каждая на пять панелей. И так как изломы едва заметны и стены сведены друг с другом «на острие», довольно широкое здание кажется плоским, как лезвие, и почти невесомым. Стены почти сплошь застеклены, и здание, лишенное непрозрачных перегородок, просвечивает насквозь. В итоге еще более усиливается удивительный эффект невесомости.

В. ПОЛЫНИН

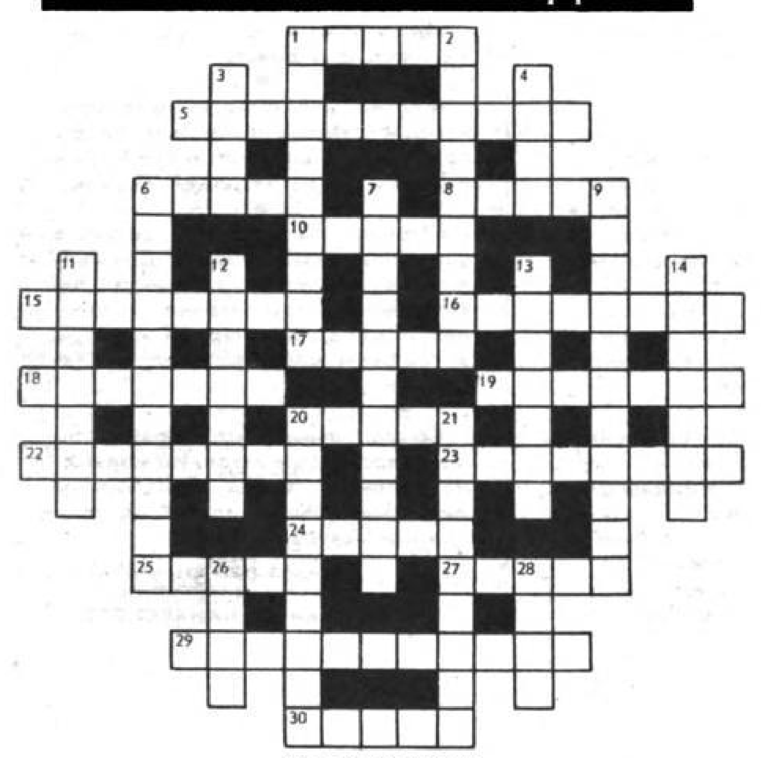

— ...И по этим показателям мы передовики производства.

Рисунок румынского художника Г. Кирнака.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Немецкий физик. 5. Балерина, народная артистка СССР. 6. Часть буера. 8. Приток Северского Донца. 10. Героиня пьесы С. Вургуна. 15. Гриб. 16. Основная деталь прядильной машины. 17. Элемент перекрытия зданий. 18. Ветка для прививки или посадки. 19. Верхний ярус в театре, цирке. 20. Привал. 22. Разновидность капусты. 23. Литературный псевдоним А. И. Герцена. 24. Один из Больших Антильских островов. 25. Детский или женский головной убор. 27. Пестрая нерпа. 29. Числовой множитель в алгебраическом выражении. 30. Порт в Японии.

По вертикали:

1. Тонкий глянцевитый картон. 2. Пилот межпланетного корабля. 3. Войлок высшего сорта. 4. Башня с сигнальными огнями. 6. День недели. 7. Польский писатель. 9. Хвойное дерево. 11. Вид связи. 12. Персонаж оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 13. Ежегодный торг. 14. Занимательность, увлекательность. 20. Жизнеописание. 21. Азбука старославянского языка. 26. Восточное кушанье. 28. Площадка для бокса.

Ответы на кроссворд, напечатанный в № 24

По горизонтали:

4. «Арсенал». 11. Гуцулка. 12. Каравай. 13. Специфика. 14. Опера. 15. Валуй. 17. Можайск. 20. Грушовка. 22. Реология. 24. Магнитофон. 25. Белорыбица. 27. Раздолье. 30. Централь. 33. «Детство». 36. Оптик. 39. Анива. 40. Стипендия. 41. Кульбит. 42. Запятая. 43. «Человек».

По вертикали:

1. Кружево. 2. Вертикаль. 3. Нарцисс. 5. Пурпур. 6. Кудряш. 7. Часы. 8. Шкаф. 9. Бамако. 10. «Кабуки». 16. Светило. 17. «Манфред». 18. Крыльцо. 19. Сопрано. 21. Унгуз. 23. Глина. 26. Баскетбол. 28. Амплуа. 29. Двинье. 31. Реньяр. 32. Лавсан. 34. Елисеев. 35. Водолей. 37. Мста. 38. Вязь.

На первой странице обложки: Румынская Народная Республика. Обмолот пшеницы.
На последней странице обложки: Установки нефтехимического комбината в Онешти — одном из крупных центров химической и нефтяной промышленности Румынии, выросшем за последние годы.

Фото Аджерпресс — агентство печати «Новости».

[redacted] Арктика и Антарктика стали одной из любимых тем филателии. Более пятидесяти советских марок отразили научные наблюдения за природой Арктики, этой «кухни погоды». Недавно Министерство связи СССР выпустило блок из четырех марок с юбилейной надпечаткой «25 лет с начала работы станции «СП-1».

М. ТИМОФЕЕВ

Москва.

ФАНТАЗИЯ ОГНЯ

Выгребая золу из печки, я обнаружил слиток шлака, напоминающий какое-то животное. Фотографию слитка предлагаю читателям.

Н. КОЛЫЧЕВ

Ташкент.

ГРЕБЕНЬ ФАТХ АЛИ ШАХА

В 1958 году преподаватель педагогического института в Душанбе Мухаммед Али Дадашев показал мне интересный гребень с двухсторонней персидской надписью. С ним связан рассказ о последних днях русской миссии в Тегеране в 1829 году.

Гребень изготовлен из рога яка. Мастер, сделавший его, выбрал весьма сложную технику резьбы и превратил арабские буквы в красивый орнамент.

На гребне есть дата — 1232 г. х. (1816—1817).

Судя по форме, это гребень для бороды. По словам Дадашева, он принадлежал иранскому шаху Фатх Али (1797—1834).

В семью Дадашевых попал он так.

Согласно Гулистанскому договору 1813 года, шах Ирана должен был возвратить пленных русских солдат. Как известно, после второй русско-персидской войны и заключения Туркманчайского договора 1828 года А. С. Грибоедов, будучи русским послом в Персии, энергично взялся за выполнение этого договора. К нему явилось много соотечественников с просьбой отправить их в Россию. В числе этих людей оказался и Ходжа Мирза Якуб Маркарьян, служивший при дворе шаха в качестве одного из самых доверенных чиновников. Он прожил в Персии около 20 лет и мечтал вернуться на родину.

Именно он, Маркарьян, подарил одному из близких людей Грибоедова, Дадашеву, предку нынешнего владельца гребня, этот сувенир и саблю. Видимо, Маркарьян хотел задобрить Дадашева, чтобы тот выступил посредником и добился согласия посла на принятие его в русскую миссию и отправку в Ереван.

В литературе об А. С. Грибоедове мы часто встречаем имя Дадашева, о нем пишут как о переводчике русской миссии. За два дня до трагических событий в Тегеране Дадашев отправил свои вещи, благодаря чему и сохранился гребень.

Дадашев был убит вместе с Грибоедовым, а его семья через некоторое время была отправлена в Баку.

Так гребень Фатх Али шаха оказался в семье Дадашевых.

А. МУХТАРОВ,
кандидат исторических наук

Душанбе.

После выступления «Огонька»

«УХА С КРЮЧКАМИ»

Разговор о браконьерах-клеветниках из Брянска был начат «Огоньком» в фельетоне «Уха с крючками» (№ 47 за 1961 год) и продолжен в заметке «Не расхлебали...» (№ 22 за 1962 год). Состоялось заседание бюро Брянского обкома КПСС. «За лов рыбы запрещенными методами и клевету на работников госинспекции рыбоохраны Халявин П. Ф. как один из злостных браконьеров, грубо и неоднократно нарушавший закон об охране природы, решением бюро обкома партии исключен из рядов КПСС,— сообщает редакции секретарь обкома партии тов. Крахмалев.— Браконьерам Зотову Н. Ф. и Мельникову К. М. бюро обкома партии объявило по строгому выговору с занесением в учетную карточку».

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00481. Подписано к печати 13/VI 1962 г. Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 889. Заказ 1642.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

МОРСКАЯ СОБАЧКА позирует

Причудливые нагромождения камней, заросли водорослей — и среди них множество разнообразных рыб. Стоит лишь надеть маску и нырнуть — и сразу увидишь этих обитателей Черного моря.

Ю. АСАФЬЕВ

...еред фотоаппаратом.

↑ Горбыли — жители подводных пещер и гротов. Они издают громкие звуки. В прошлом рыбаки находили стаи рыб по этим звукам. Возможно, что смущавшие Одиссея и его спутников «песни сирен» были в действительности «песнями» горбылей.

→ Вот на камне лежит оливково-зеленая с красным узором морская уточка. Чем ее нос не похож на утиный? С помощью грудных плавников она прикрепляется к камню. Это позволяет ей держаться в зоне прибоя.

← Плывет медуза-пилема, сопровождаемая стайкой маленьких ставридок. Появись опасность — и эти рыбки спрячутся под купол, под защиту обжигающих щупалец.

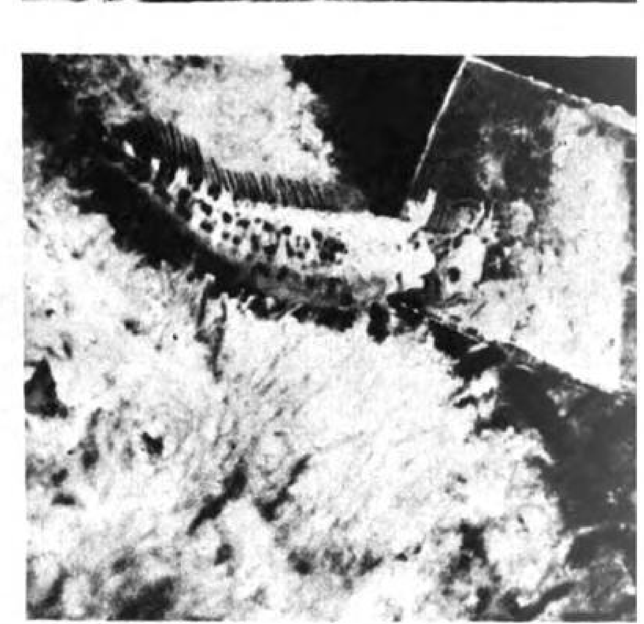
У крупных зеленушек большие и твердые губы, которыми они срывают со скал и дробят раковины моллюсков. Все семейство этих рыб получило название губановых. →

← Золотистые ласкири откусывают от медузы-аурелии кусочки прозрачной мякоти, словно ребятишки мороженое в жаркий день.

А эта морская собачка, несмотря на свой маленький размер, весьма воинственна. Живет она в небольшой норке и считает окрестности своей неприкосновенной территорией. Я нацелил на нее зеркало, и она тут же вступила в бой со своим отражением. →

Угрожающе смотрит морской дракон. Острые лучи его спинного плавника и шипы на жаберных крышках выделяют яд. Уколы их очень болезненны. Драконы обычно встречаются на песчаном дне, где лежат, зарывшись в песок. Снаружи видны лишь передняя часть головы и ядовитые плавники. ↓

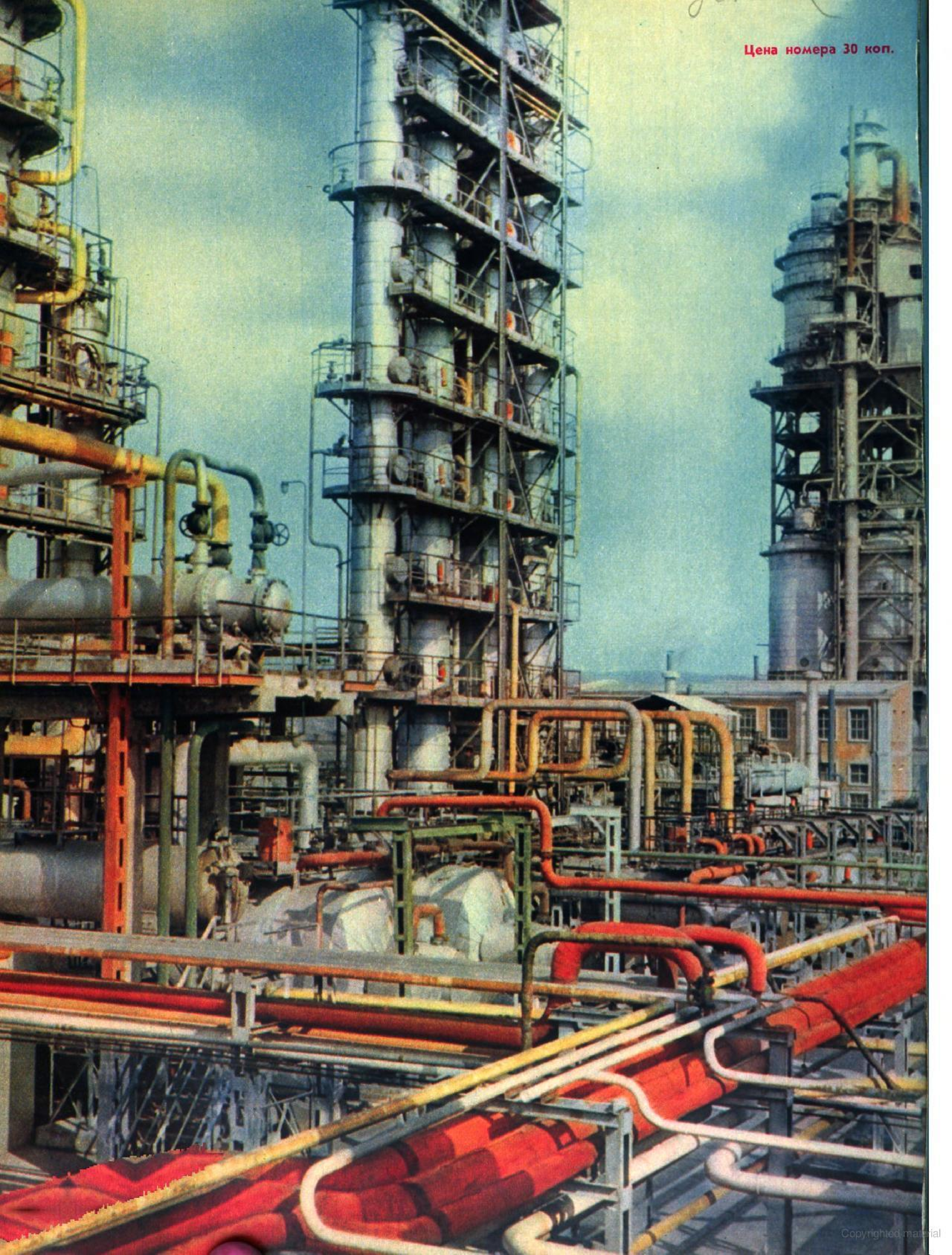
Морские ласточки. Если встряхнуть кусты водорослей, то эти бархатисто-черные рыбы тотчас же соберутся около вас. ↘

Цена номера 30 коп.